

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПРАВО. БЕЗОПАСНОСТЬ.
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ

RIGHT. SAFETY. EMERGENCY SITUATIONS

№ 2 (71)–2026

Редакционный совет

Гавкалюк Б.В.
Председатель

д.т.н., проф., Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
Санкт-Петербург, Россия

Зыбина О.А.
Заместитель председателя

д.т.н., доц., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра
Великого, Санкт-Петербург, Россия

Уткин Н.И.
*Заместитель председателя –
главный редактор*

д.ю.н., проф., засл. юрист Рос. Федерации, Санкт-Петербургский
университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

Агаев Г.А.

д.ю.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

Бондуровский В.В.

к.ю.н., доц., Секретариат Парламентской Ассамблеи Организации
Договора о коллективной безопасности, Санкт-Петербург, Россия

Булатов Р.Б.

д.ю.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

Винокуров В.А.

д.ю.н., доц., засл. юрист Рос. Федерации, Санкт-Петербургский
университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

Грешных А.А.

д.п.н., к.ю.н., проф., засл. работник высш. шк. Рос. Федерации, Санкт-
Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

Грищенко Л.Л.

д.ю.н., проф., Академия управления МВД России, Москва, Россия

Ишеков К.А.

д.ю.н., доц., Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Киреев М.П.

д.ю.н., проф., засл. юрист Рос. Федерации, Академия управления МВД
России, Москва, Россия

Ковалева Н.В.

д.ю.н., доц., Государственный университет управления, Москва, Россия;
Академия управления МВД России, Москва, Россия

Кручинина Н.В.

д.ю.н., проф., Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Кузбагаров А.Н.

д.ю.н., проф., Северо-Западный филиал Российского государственного
университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия

Макаров О.С.

д.ю.н., доц., Белорусский институт стратегических исследований,
г. Минск, Республика Беларусь

Маюров Н.П.

д.ю.н., проф., засл. юрист Рос. Федерации, Санкт-Петербургский
университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

Мохоров Д.А.

к.ю.н., доц., Высшая школа юриспруденции и судебно-технической
экспертизы гуманитарного института Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Мушкет И.И.	д.ю.н., проф., почет. работник сферы обр. Рос. Федерации, Международный институт мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия
Нижник Н.С.	д.ю.н., проф., Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
Сафарзода Б.А.	д.ю.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь
Старостин С.А.	д.ю.н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия
Хазов Е.Н.	д.ю.н., проф., Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия
Шишкин С.Н.	д.ю.н., Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия
Шурухнов Н.Г.	д.ю.н., проф., Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия

Редакционная коллегия

Немченко С.Б. <i>Председатель</i>	к.ю.н., доц., Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия
Шеншин В.М. <i>Заместитель председателя</i>	к.ю.н., доц., Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия
Виноградов В.Н.	к.т.н., доц., Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия
Доильницын А.Б.	к.ю.н., Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия
Зозуля А.А.	к.ю.н., Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия
Зокоев В.А.	к.ю.н., доц., Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия
Ирошников Д.В.	д.ю.н., доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
Муталиева Л.С.	к.ю.н., доц., Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия
Смирнова А.А.	к.и.н., доц., Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия
Эльмурзаев А.В.	к.ю.н., доц., Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

Editorial council

Gavkalyuk B.V. <i>Chairman</i>	DSc, prof., Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Zybina O.A. <i>Deputy chairman</i>	DSc, associate prof., Peter the Great Saint-Petersburg polytechnic university, Saint-Petersburg, Russia
Utkin N.I. <i>Deputy chairman – chief editor</i>	DSc, prof., honored lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Agaev G.A.	DSc, prof., Saint-Petersburg state university of aerospace instrumentation, Saint-Petersburg, Russia
Bondurovsky V.V.	PhD, associate prof., Secretariat of the Parliamentary Assembly of the collective security Treaty Organization, Saint-Petersburg, Russia
Bulatov R.B.	DSc, associate prof., Saint-Petersburg state university of aerospace instrumentation, Saint-Petersburg, Russia
Vinokurov V.A.	DSc, associate prof., honored lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Greshnykh A.A.	DSc, PhD, prof., honored worker of the higher school of the Russian Federation, Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Grishchenko L.L.	DSc, prof., Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow, Russia
Ishekov K.A.	DSc, associate prof., Lomonosov Moscow State university, Moscow, Russia
Kireev M.P.	DSc, prof., honored lawyer of the Russian Federation, Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow, Russia
Kovaleva N.V.	DSc, associate prof., State university of management, Moscow, Russia; Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow, Russia
Kruchinina N.V.	DSc, prof., O.E. Kutafin Moscow State law university, Moscow, Russia
Kuzbagarov A.N.	DSc, prof., North-Western branch of the Russian State university of justice, Saint-Petersburg, Russia
Makarov O.S.	DSc, associate prof., Belarusian institute of strategic studies, Minsk, Republic of Belarus
Mayurov N.P.	DSc, prof., honored lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Mokhorov D.A.	PhD, associate prof., Higher school of jurisprudence and forensic technical expertise of the humanitarian institute of Peter the Great Saint-Petersburg polytechnic university, Saint-Petersburg, Russia
Musket I.I.	DSc, prof., honorary worker of the sphere of education of the Russian Federation, International institute for monitoring the Development of democracy, parliamentarism and observance of electoral rights of citizens of the IPA CIS member States, Saint-Petersburg, Russia
Nizhnik N.S.	DSc, prof., Saint-Petersburg university of the Ministry of internal affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Safarzoda B.A.	DSc, prof., Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
Starostin S.A.	DSc, prof., Moscow State law university named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia

Khazov E.N.	DSc, prof., Moscow university of the Ministry of internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia
Shishkin S.N.	DSc, North-Western branch of the Russian State university of justice, Saint-Petersburg, Russia
Shurukhnov N.G.	DSc, prof., Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Editorial board

Nemchenko S.B. <i>Chairman</i>	PhD, associate prof., Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Shenshin V.M. <i>Deputy chairman</i>	PhD, associate prof., Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Vinogradov V.N.	PhD, associate prof., Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Doilnitsyn A.B.	PhD, Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Zozulya A.A.	PhD, Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Zokoev V.A.	PhD, associate prof., Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Iroshnikov D.V.	PhD, associate prof., Russian Presidential academy of national economy and public administration, Moscow, Russia
Mutalieva L.S.	PhD, associate prof., Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Smirnova A.A.	PhD, associate prof., Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Elmurzaev A.V.	PhD, associate prof., Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.1.1, 5.1.4).
Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

ББК 67

Полная или частичная перепечатка, воспроизведение, размножение либо иное использование материалов, опубликованных в журнале «Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации», без письменного разрешения редакции не допускается

Отзывы и пожелания присылать по адресу: 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., 149. Редакция журнала «Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации»; тел. (812) 645-20-55, e-mail: redakziaotdel@yandex.ru. Официальный Интернет-сайт Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России: WWW.IGPS.RU

ISSN 2074-1626

© Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Васильев С.Д., Алекперов Р.С., Настасюк Н.П. Крыленко Н.В.: деятельность в органах юстиции. 1920-е – начало 1930-х годов. Часть 2. Крыленко Н.В. – прокурор республики и нарком юстиции.....	7
Вахмистров В.П., Топилкин П.С., Доильницын А.Б. Российское чиновничество: неподкупное служение и личный интерес (из истории дореволюционной России).....	19
Гусаим И.В. Дефиниция «безопасность» как объект теоретико-правового осмысления.....	26
Жильский В.Н. Духовно-нравственные ориентиры как основания предотвращения преступлений.....	40
Маюров Н.П., Макаров Д.А. Систематизация законодательства в Византийской империи.....	51
Рассказов Л.П. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности в условиях глобализации: экономика и право.....	58
Узун О.Л., Данилова В.О., Савиных А.С. Формирование системы подготовки населения в области гражданской обороны с учётом современных военных конфликтов: историко-правовые аспекты и совершенствование правового регулирования.....	67
Чуллиев Ш.А. Трансформация судебного процесса через призму правового статуса судей в цифровую эпоху.....	83

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Грищенко Л.Л. Мир во время войны.....	97
Грищенко Т.А. Проблемы определения допустимых пределов ограничения свободы слова и собраний в чрезвычайных ситуациях (конституционно-правовой анализ).....	104
Кайнов В.И. Роль и место административного права в системе деятельности публичной администрации современной России: вопросы истории, теории и практики.....	111
Шевченко К.В. Эволюция правового регулирования безопасности маломерных судов в Российской Федерации: анализ приказа МЧС России от 22 июля 2025 г. № 636.....	117

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Сафонов В.Н., Савченко С.Н. Правовая охрана интересов будущих поколений от экоцида и его угроз (по материалам зарубежных исследований и законотворческой практики).....	123
Тарасов А.С., Зорина Е.А., Зорин А.Р. К вопросу о правовом регулировании погребения путём придания тела воде.....	131
Фролова С.М. Криминогенность бесконтактной преступности в контексте проявлений терроризма и экстремизма.....	138
Авторам журнала «Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации».....	147

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Vasiliev S.D., Alekperov R.S., Nastasyuk N.P. Krylenko N.V.: activities in the justice system. 1920s – early 1930s. Part 2. Krylenko N.V.– prosecutor of the republic and people's commissar of justice.....	7
Vakhmistrov V.P., Topilkin P.S., Doilnitsyn A.B. Russian bureaucracy: incorruptible service and personal interest (from the history of pre-revolutionary Russia).....	19
Gusaim I.V. Definition of «security» as an object of theoretical and legal understanding.....	26
Zhilsky V.N. Spiritual and moral guidelines as a basis for preventing crimes.....	40
Mayurov N.P., Makarov D.A. Systematization of Legislation in the Byzantine Empire...	51
Rasskazov L.P. Problems of ensuring food security in the context of globalization: economics and law.....	58
Uzun O.L., Danilova V.O., Savinykh A.S. Historical and legal aspects of the formation of a system of training the population in the field of civil defense and the improvement of legal regulation, taking into account modern military conflicts.....	67
Chulliyev Sh.A. Transformation of the judicial process through the prism of the legal status of judges in the digital era.....	83

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

Grishchenko L.L. Peace during the war.....	97
Grishchenko T.A. Problems of determining the permissible limits of restrictions on freedom of speech and assembly in emergency situations (constitutional and legal analysis).....	104
Kaynov V.I. The role and place of administrative law in the public administration system of modern Russia: questions of history, theory and practice.....	111
Shevchenko K.V. Evolution of legal regulation of small vessel safety in the Russian Federation: analysis of the Order of EMERCOM of Russia dated July 22, 2025 № 636.....	117

CRIMINAL LAW SCIENCES

Safonov V.N., Savchenko S.N. Legal protection of future generations' interests from ecocide and its threats (based on foreign research and legislative practice).....	123
Tarasov A.S., Zorina E.A., Zorin A.R. On the legal regulation of burial by dropping the body into water.....	131
Frolova S.M. Criminogenicity of contactless crime in the context of terrorism and extremism.....	138

To the authors of the journal «Right. Safety. Emergency situations».....	147
---	------------

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 347.963; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-7-18

КРЫЛЕНКО Н.В.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОРГАНАХ ЮСТИЦИИ. 1920-е – НАЧАЛО 1930-х ГОДОВ. ЧАСТЬ 2. КРЫЛЕНКО Н.В. – ПРОКУРОР РЕСПУБЛИКИ И НАРКОМ ЮСТИЦИИ

Васильев Сергей Дмитриевич.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Алекперов Руслан Садигович.

**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия**

✉Настасюк Наталья Петровна.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉nastasuk@gmail.com

Аннотация. Рассматривается деятельность Н.В. Крыленко в органах юстиции в конце 1920-х – середине 1930-х гг., когда он занимал должности прокурора республики и народного комиссара юстиции РСФСР. На основе анализа его прокурорских речей и публикаций в прессе выявляются идеологические особенности и риторические стратегии, определявшие роль Крыленко как государственного обвинителя и стиль советского правосудия конца 1920-х гг. Особое внимание авторов сосредоточено на двух значимых политических процессах эпохи – Шахтинском деле (1928 г.) и деле Промышленной партии (1930 г.). Рассмотрена его деятельность на посту наркома юстиции: административные реформы, участие в кампаниях по коллективизации и борьбе с «вредительскими элементами». В статье оценивается вклад Крыленко в развитие советской правовой и прокурорской систем, подчеркиваются противоречия между его правовыми идеалами и реалиями советской политической юстиции, которые и привели к его падению в ходе Большого террора.

Ключевые слова: советская юстиция, прокурор республики, народный комиссар юстиции, Шахтинское дело, Промышленная партия, политические процессы, советское право, идеологизация суда, социалистическая законность

Для цитирования: Васильев С.Д., Алекперов Р.С., Настасюк Н.П. Крыленко Н.В.: деятельность в органах юстиции. 1920-е – начало 1930-х годов. Часть 2. Крыленко Н.В. – прокурор республики и нарком юстиции // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 7–18. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-7-18

Scientific article

**KRYLENKO N.V.: ACTIVITIES IN THE JUSTICE SYSTEM. 1920s – EARLY 1930s.
PART 2. KRYLENKO N.V. – PROSECUTOR OF THE REPUBLIC AND PEOPLE'S
COMMISSAR OF JUSTICE**

Vasiliev Sergey D.

Saint-Petersburg state university, Saint-Petersburg, Russia.

Alekperov Ruslan S.

Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen, Saint-Petersburg, Russia

✉ **Nastasyuk Natalya P.**

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ **nastasuk@gmail.com**

Abstract. This article examines N.V. Krylenko's activities in the justice system from the late 1920s to the mid 1930s, when he served as the republic's prosecutor and as people's commissar of justice of the RSFSR. An analysis of his prosecutorial speeches and press publications reveals the ideological characteristic and rhetorical strategies that defined Krylenko's role as a public prosecutor and the style of Soviet justice in the late 1920s. The authors focus particularly on two significant political trials of the era – the Shakhty affair (1928) and the Industrial Party Affair (1930). His activities as People's Commissar of Justice are examined, including administrative reforms, participation in collectivization campaigns, and the fight against «sabotage elements». The article assesses Krylenko's contribution to the development of the Soviet legal and prosecutorial systems, highlighting the contradictions between his legal ideals and the realities of Soviet political justice, which led to his downfall during the Great Terror.

Keywords: Soviet justice, prosecutor of the republic, people's commissar of justice, Shakhty affair, Industrial Party, political trials, Soviet law, ideologization of the court, socialist legality

For citation: Vasiliev S.D., Alekperov R.S., Nastasyuk N.P. Krylenko N.V.: activities in the justice system. 1920s – early 1930s. Part 2. Krylenko N.V. – prosecutor of the republic and people's commissar of justice // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 7–18. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-7-18

В первой части авторского исследования, посвященного деятельности главного государственного обвинителя, одного из руководителей советской прокуратуры – Николая Васильевича Крыленко, речь шла об отражении в периодике его роли в организации процесса над правыми эсерами и о том, какой вклад он внес в становление советского законодательства и судопроизводства, будучи заместителем наркома юстиции [1].

В рамках данной статьи будет рассмотрено участие Н.В. Крыленко в «Шахтинском деле» 1928 г., исследована его роль в «Деле контрреволюционной организации Союза инженерных организаций» (Промышленной партии) и прояснено ее презентование в периодической печати, а также охарактеризована деятельность Крыленко в должности Наркома юстиции в целях выявления основных принципов и подходов, которыми он руководствовался в своей работе.

Как было отмечено в первой части данного исследования, источниковую базу составляют очерки и труды Николая Васильевича Крыленко, написанные им в период деятельности в судебных и прокурорских органах юстиции.

Так, в статье «Об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности» 1932 г. Крыленко объясняет принципы и меры пресечения в отношении преступников, которые посягнули на общественную собственность, раскрывая её определение, а также свой взгляд на становление капитализма в России и мире. В этом году публикуется его доклад «Советская юстиция во 2-й пятилетке», в котором Крыленко раскрывает идеи о дальнейшем развитии органов прокуратуры и суда в 1930-ые гг., что важно для исследования с точки зрения выявления механизмов работы юридических органов и этапов деятельности Крыленко.

В 1935 г. была опубликована речь Крыленко «О задачах органов юстиции», в которой содержится ценная информация о состоянии органов юстиции и указаниях по дальнейшему развитию. Анализ этих и других работ Наркома юстиции, как было отмечено в первой части, является ценным материалом для исследования роли Крыленко в политических процессах [1].

Периодическая печать помогает воссоздать образ прокурора республики и наркома юстиции и определить его вклад в развитие советской системы правосудия [1]. Так, газета «Известия» выступает ценным источником для выявления материалов, связанных с участием Крыленко в деле правых эсеров, Шахтинском деле и деле Промышленной партии:

– № 133 от 17 июня 1922 г., где на нескольких страницах представлена стенограмма судебного заседания, в котором Николай Васильевич принимает участие и допрашивает обвиняемых;

– № 169 от 30 июля 1922 г. и № 170 от 1 августа 1922 г., где расположилась заключительная речь государственного обвинителя, которая является ценным материалом для анализа в исследовании;

– в № 114 от 18 мая 1928 г. на третьей странице находится портрет Крыленко, необходимый для воссоздания его образа в исследовании;

– в № 121 от 25 мая 1928 г. на третьей странице содержится иллюстрация Крыленко и его помощника Фридберга во время вечернего заседания 23 мая;

– в № 131 от 8 июня 1928 г. содержится зарисовка допроса подсудимого Кузьмы со стороны Крыленко;

– в № 138 от 16 июня 1928 г. на стр. 8 есть зарисовка Н. Кравченко, как Братановский отвечает на вопросы Крыленко;

– № 150 содержит в себе обвинительную речь Н.В. Крыленко, которая является важным элементом для анализа в исследовании;

– в № 328 есть фотография Крыленко и его помощника Фридберга на стр. 7.

Леонид Млечин в книге «Полководцы-революционеры» раскрывает основные сюжеты судебной деятельности Крыленко, где отразились его действия на должности старшего помощника прокурора РСФСР и наркома юстиции. Питер Соломон в «Советской юстиции при Сталине» подробнейшим образом раскрывает основные принципы работы Наркомата юстиции в 1920-е – 1930-е гг., в которой фигурировал Николай Крыленко, влияя на органы юстиции.

Работа А.А. Есиневича также использована при изложении участия Крыленко в «Шахтинском деле». Как показывает автор, поведение Крыленко было противоречивым. Изложение автором информации увлекательно и необычно, что повышает интерес к научной проблеме.

Итак, рассмотрим «Шахтинское дело». В 1928 г. с 18 мая по 6 июля проходил резонансный не только для Советской России, но и всего мира политический процесс, получивший название «Шахтинское дело», который возглавлял А.Ю. Вышинский. Дело касалось старой инженерной элиты, обвинявшейся в саботаже и вредительстве с целью подрыва социалистической экономики и возвращения к капиталистической системе. Исходя из выдвигаемых обвинений, они сотрудничали с бывшими владельцами угольных предприятий для дестабилизации промышленности, включая подрывы шахт и умышленное нарушение трудового кодекса, правил безопасности. Конечно же, в качестве государственного обвинителя выступал Н.В. Крыленко, а Г.К. Рогинский оказывал ему помощь. В данном судебном процессе принимало участие 16 адвокатов, включая выдающегося представителя старой школы присяжных адвокатов В.Н. Малянтовича [2].

За месяц до начала процесса уже было предreshено, каким будет обвинение. Незадолго до начала государственный обвинитель Н.В. Крыленко уверенно заявил: «Мы стоим на пороге коренных изменений в области нашего судебного строительства – изменений, которые должны будут собой знаменовать начало новой эры в этом строительстве...» [3].

Представляет интерес отражение политического процесса и участие государственного обвинителя на страницах газет. В № 131 газеты «Известия» от 8 июня 1928 г. запечатлен допрос подсудимого Кузьмы, которого Николай Васильевич допрашивает; в № 138 той же газеты от 16 июня 1928 г. опубликованы показания Братановского, который обвиняется во вредительстве и связях с заграничным центром. Подсудимый отвечает на вопросы тов. Крыленко.

На процессе Н.В. Крыленко выступил с громоздким обвинением, напоминавшим доклад о вредительстве и саботаже и неподкреплённым юридическим обоснованием, что не характерно для прокурорской речи. Он испытывал затруднения при аргументировании своих заявлений, больше делая упор на красочную риторику.

Его речь является чрезвычайно интересным аспектом для анализа и, как следствие, выявления его роли в данном политическом деле. Он, следуя примеру своих коллег, в очередной раз более детальным образом осветил деяния, цели и механизмы работы контрреволюционной организации, направленной, по мнению Крыленко, на дестабилизацию государственного строя.

Раскрывая основные принципы уголовной политики, Крыленко подмечает, что «советский суд – «орган, при помощи которого рабочий класс строит новое общество» (№ 150 газеты «Известия») [4]. Крыленко констатирует: «Вот почему его приговоры должны являться определённым орудием политической работы, должны являться определённым орудием воспитания правовой и политической правды» [4]. Легко заметить политизированность обсуждаемого дела, результат которого был известен с самого начала.

Пояснив роль советского суда, Крыленко заявил, что «будет настаивать на применении мер социальных репрессий в отношении целого ряда подсудимых с целью демонстрации определённого политического действия независимо от того, как оно отзовётся на судьбе данного обвиняемого» [4]. Можно сказать, что судебную коллегия и самого Крыленко не волнуют индивидуальные исходы дела у обвиняемых, потому что на первом месте находятся именно политические интересы. В завершении своего выступления Крыленко дал характеристику обвиняемым с требованием различных мер наказания от специального присутствия. Подводя итоги, Крыленко назвал Березовского «бывшим контрразведчиком, опытным вредителем, сухим и жёстким эгоистом, членовредителем, которому верить нельзя» (№ 150 газеты «Известия») [4].

По словам старшего помощника прокурора, Березовский «не заслуживает того, чтобы в отношении него были приняты на веру его слова раскаяния» [4]. «Мы должны, – продолжал Крыленко, – вырвать организацию с корнем. Мы должны отрубить у организации все щупальцы. Рычаги преступной организации должны быть раздроблены на куски и вдребезги. Вот почему уничтожение Березовского является практическим выводом из всего того, что он совершил. «В отношении Березовского мы мыслим только один приговор – расстрелять!» [4]. В отношении следующего подсудимого, Калганова, Крыленко был не менее категоричен: «Такого рода лица, такая категория работников организации должны быть уничтожены, Калганов должен быть расстрелян так же, как и Березовский» [4]. В отношении Самойлова, будущее которого Крыленко видел в изоляции от общества на продолжительный срок, в течение которого можно было бы использовать его труды и знания в местах заключения, государственный обвинитель несколько умерил свой пыл: пятилетний срок лишения свободы представлялся Крыленко «той мерой, которую пока должна применить к нему пролетарская власть» [4]. Относительно Бабенко государственный обвинитель предлагал «посадить туда, где он может принести пользу своей работой и своими знаниями. Пусть этот мягкий приговор специального присутствия Верховного суда покажет, как нужно уважать человеческую жизнь и личность даже тех, которые такого уважения не заслуживают» [4].

Чернокнижникову, Петрову и Элиалае Крыленко рекомендовал назначить небольшие сроки заключения, а Никишину и вовсе вынести условный приговор, так как «урок, который он получил, – самое тяжелое, что может быть» [4]. Конечно, «самое тяжелое», ведь

он оказался, по сути, предателем, и предал не только себя, но и других. А хуже этого нет ничего. Насчет Нашивочникова Крыленко сказал, что «таких издевательств не умеет прощать советская власть» [4] и резюмировал, что «Нашивочникову отсюда один путь – в тюрьму» [4].

Относительно Васильева Крыленко потребовал «физического уничтожения», заявив, что он «бывший меньшевик, белобандит, один из тех, кого незачем терпеть на советской земле» (Крыленко сильно задело, что Васильев – меньшевик. В отношении Беленко Крыленко потребовал пятилетний срок изоляции, указав, что от него «толку и проку в ближайшем будущем ожидать нельзя» [4]. Антонову, чтобы тот понял, что «задачи горного контроля не пустяки», Крыленко предложил дать длительный срок заключения. В отношении Емельяна Колодуба, видимо, в честь того, что он хотя бы частично признался, Крыленко предлагал ограничиться большим сроком заключения. Относительно его брата государственный обвинитель оказался менее милосердным. Он припомнил ему «случай со служанкой», кстати, так и не доказанный, а потом задался вопросами: «Что делать нам с Андреем Колодубом? Зачем нам нужны Колодубы?» – и сам же на них ответил: «Они нам не нужны. Андрея Колодуба расстрелять» [4].

Интересная ситуация сложилась с Потемкиным. Так как он во всем признался, Крыленко предложил назначить его на принудительные работы по пониженной тарифной ставке. Однако Потемкин сознался в таких преступлениях, которые караются по Советскому Уголовному кодексу гораздо суровей. Относительно других сознавшихся подсудимых Крыленко был неумолим в своих жестких требованиях. При этом Потемкина он предлагает фактически освободить, а многих остальных расстрелять. Государственное обвинение на этом процессе, по существу, имело лишь одно доказательство вины того или иного подсудимого – собственные признания. Потемкин же вначале сознался, потом признавался уже частично, потом опять сознался, то есть в представлении советского суда «доказательства» на лицо. Однако Крыленко просит ограничиться лишь административной мерой. Почему? Непонятно. Можно предполагать, что между обвинением и подсудимым имел место сговор, по которому взамен помилования Потемкин был обязан признать свою вину.

В отношении обвиняемого Сущевского Крыленко заявил: «Не считаю, что меру расстрел можно не требовать» [4].

Отдельно Крыленко остановился на наказаниях лидеров вредительской организации. По его мнению, в интересах государственной охраны было необходимо расстрелять: Матова, Казаринова, Бояршинова, Юсевича, Кржижановского, Кузьму, Башкина, Рабиновича, Скорутто, Голсикого как «сознательного классового врага, презирующего новые порядки и новый строй». Государственный обвинитель заявил: «Расстрел Горленкого является, быть может, одним из наиболее выпукло вытекающих из всей совокупности общественных актов самообороны от вредительства» [4]. В отношении Именитова старший помощник прокурора в довольно ироничной форме заявил: «Мне представляется, что ему пора немного отдохнуть от участия в заседаниях, посидеть на одном месте в более или менее однообразной, успокаивающим образом действующей на нервы обстановке» [4]. Бадштибера за дачу взятки Крыленко требует приговорить к условному наказанию. Относительно Отто государственный обвинитель заявил, что «тюремное заключение для Отто достаточно для того, чтобы он пораздумывал на досуге о том, как следует относиться к чужой стране и чужим законам» [4]. В отношении Мейера Крыленко отказался от обвинения по причине того, что, как констатировал сам обвинитель, немецкий специалист был оговорён Башкиным. В отношении остальных обвиняемых Крыленко обошелся без крайностей, то есть не требовал ни расстрелов, ни освобождения из-под стражи, ограничившись лишь требованием различных сроков заключения. Итак, Крыленко потребовал смертной казни для 17 подсудимых. Забегая вперед, скажем, что суд смертный приговор вынесет лишь 11 обвиняемым.

Стоит отметить, что иностранная пресса неоднозначно высказывалась относительно «драконовских» требований Крыленко. Так, по сообщению ТАСС, 2 июля 1928 г. газета «Форвертс» в вопросе о «Шахтинском процессе» в самых резких выражениях высказывается

против требуемых прокурором смертных приговоров [5]. Были и более умеренные отзывы, в частности, левая социал-демократическая газета «Лейпцигер Фольксцейтунг» сообщает: «Подобно тому, как другие государства считают себя в праве защищаться от убийц и изменников путём смертной казни, так и действующее в СССР право применять её против классовых врагов советской власти» [5].

В заключении своей речи Крыленко подчеркнул человеческую природу подсудимых, однако он продолжает следовать линии партии и не оставлять шансов обвиняемым.

Крыленко основной упор делал на признания отдельных участников стороны обвиняемых. Обвинитель даже упомянул, что во время заседания «прошло довольно большое количество фактов», имеющих доказательственное значение, называя их «оговорами». Спустя 10 лет сам Николай Васильевич столкнётся с тем, как признание может стать доказательством.

Дело контрреволюционной организации Союза инженерных организаций (Промышленной партии)

Конец осени и начало зимы было ознаменовано одним из крупнейших политических процессов, центральной темой которого стало обвинение группы инженеров в антисоветской деятельности. Список обвиняемых вызывает интерес, ведь во вредительстве были заподозрены выдающиеся учёные и инженеры, включая профессора Н.Ф. Чарновского, Л.К. Рамзина, руководителя Технологического института и бывшего члена ГОЭРЛО. Также обвиняются ведущие специалисты Госплана и ВСНХ В.А. Ларичев и И.А. Калинин. В результате восемь человек стали фигурантами по «Делу контрреволюционной организации Союза инженерных организаций (Промышленной партии)». Они обвинялись, по ст. 58 Уголовного кодекса, которая вменяла несение ответственности за контрреволюционную деятельность, саботаж и шпионаж [2]. Судебный процесс проходил с 25 ноября по 7 декабря 1930 г.

В роли государственного обвинителя выступал Н.В. Крыленко, в то время как В.И. Фридберг действовал в качестве его помощника [2]. Защиту обвиняемых реализовали адвокаты И.Д. Брауде и М.А. Оцеп [2].

Процесс освещался на всю страну, и новости о нём попадали на страницы периодической печати. В частности, одной из такой крупных газет были «Известия», где политические дела предавались большой огласке. Конечно же, Николай Васильевич не раз упоминался в ходе освещения политических процессов, и проходящий в Москве суд над инженерами не стал исключением.

Важно отметить, что подсудимые заранее признавали свои вину и были обязаны давать развёрнутые показания.

Например, в № 328 газеты «Известия» от 29 ноября 1930 г. на стр. 3 описаны не только различные новости, связанные с событиями в других странах, но и судебное заседание, проходившее вечером 28 ноября, в ходе которого «Крыленко вместе с помощником тов. Фридбергом» [6] проводил допрос Рамзина и Ларичева. В № 330 той же газеты на всю стр. 4 опубликована крупная стенограмма, где преимущественно Крыленко в буквальном смысле осыпает многочисленными вопросами Ларичева и Рамзина, выявляя их взгляды и намерения. «Скажите, пожалуйста, ваши политические убеждения к этому времени окончательно ли сконструировались?» – спрашивает Крыленко [7]. Ларичев даёт развернутый ответ об этом и старается дать понять, что не разделяет вменяемых ему политических убеждений, и это разрушает образ «вредителя», каким его представляют публике.

В № 332 «Известий» от 3 декабря 1930 г. также опубликована стенограмма, но уже с допросом Куприянова со стороны Крыленко. Можно заметить фотографию, на которой «тов. Крыленко задаёт вопросы» [8]. Назойливость Крыленко подтверждается на каждой странице, ведь на любой ответ приходится новый вопрос со стороны государственного обвинителя, который за счёт внимания к мелким деятелям обсуждаемого дела и жизни Куприянова вынуждает обвиняемого сознаться, загоняя в тупик.

В № 337 газеты опубликована речь Крыленко, сопровождаемая иллюстрацией самого государственного обвинителя, который выглядит весьма уверенно и серьёзно. В ходе выступления им были высказаны мысли и идеи, ставшие впоследствии для самого Крыленко роковыми, ведь они использовались в период массовых репрессий и чисток для борьбы с контрреволюционными элементами. Так, на поставленный им вопрос: «Почему сознаются подсудимые?» [9] – он сам и ответил: «Я обращаюсь теперь непосредственно к объяснению того, почему сознаются подсудимые. Вопрос о пытках мы отбросим в сторону. Но даже при самых идиотских допущениях подобного характера это также не сможет объяснить того, как оказались возможны такие детально технически разные показания ... целиком подтверждающие официальные данные о результатах вредительской работы... Но почему? Почему они сознаются? А я спрошу: а что им оставалось делать? Отвертеться в расчете на то, что авось потом кто-то придет и выручит, плохая надежда! Надежд на то, что заpiresательство что-нибудь даст и к чему-нибудь приведет, никаких; а если есть остатки совести – они могут говорить только за сознание» [9]. И далее Крыленко замечал: «Жалкая, изолированная кучка людей, работавших на деньги зарубежных групп, давно потерявших какие бы то ни было авторитет и влияние в глазах масс и, наоборот, трактуемых этими массами как враги народа, – на что эта жалкая кучка могла опереться и рассчитывать? Вот почему эти люди, представители отживающего класса, взятые с поличным, сознаются. Сознаются, так как у них нет другого выхода, ибо никаких идей, даже внутренней убежденности, у них не было и нет» [9]. В конце речи Крыленко заявляет: «Государственное обвинение требует от специального присутствия Верховного суда расстрела всех подсудимых до одного» [10]. Все присутствующие в восторге, ведь в зале были «бурные аплодисменты, крики «ура» [10].

Проводя параллель с «Шахтинским делом», можно подчеркнуть, что обвинительная речь Крыленко снова напоминала доклад о вредительстве и саботаже, неподкреплённом юридическим обоснованием, что не характерно для прокурорской речи. Он испытывал затруднения при аргументировании своих заявлений, больше делая упор на красочную риторику.

Однако, как пишет Крыленко в своей работе «Выводы и уроки из процесса Промпартии», основным свидетельством, на котором строилось обвинительное заключение, был «факт свидания в 1928 году в Париже руководителей контрреволюционной организации» [11] на совещании, «где присутствовали: Ларичев, Рамзин, бывший царский генерал Лукомский и председатель «Торгпрома» Денисов, с одной стороны, и французские полковники Жуанвиль и Ришер – с другой стороны» [11].

В декабре 1930 г. в ходе процесса по «Делу Промпартии», Крыленко выдвинул свою позицию насчёт значения признания вины со стороны обвиняемого. Он утверждал, что такого рода признания – ключевые доказательства: «Лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых!» [12]. Комментарий, сделанный прокурором, спустя два десятилетия после его первоначальных замечаний, демонстрирует серьёзные метаморфозы в деятельности Объединённого государственного политического управления к началу 1930-х гг. Дела фальсифицировались, признание обвиняемых в том, что они совершили вменявшиеся им преступления, становилось решающим доказательством [13].

Таким образом, на политических процессах 1920-х гг. Н.В. Крыленко дублировал те политические установки, которые выработало высшее партийное руководство. Вместе с тем видно, что и сам Николай Васильевич сыграл важную роль в их продуцировании. Присущие советской юстиции ригоризм в отношении «чуждых» (пусть и бывших) классов, политизированность судебной практики в полной мере соответствовали его мировоззрению, входили в систему его ценностных ориентаций.

Крыленко – нарком юстиции

Благодаря тому, что деятельность Н. Крыленко была ориентирована на предъявляемые запросы партийного революционного руководства, он сделал головокружительную карьеру. 1931 г. стал знаковым для Николая Васильевича, он начал быстро продвигаться по карьерной лестнице и 5 мая получил должность народного комиссара РСФСР. В тот же период он сумел привлечь А.Я. Вышинского, делегировав ему свои полномочия прокурора, который уже успел создать себе успешную репутацию преданного советским порядкам чиновника. Пройдёт всего несколько лет и благодаря своей фальшивой услужливости перед советской властью, А.Я. Вышинский не просто растопчет и предаст анафеме имя своего предшественника, но и сделает всё мыслимое и немыслимое, чтобы физически уничтожить Крыленко.

На посту народного комиссара Крыленко проявляет себя как активный, инициативный и энергичный деятель, который всеми силами старается привнести в советскую юстицию изменения. Эти годы стали для него тем жизненным периодом, когда проявилась его особенная активность и неутомимость в государственных делах. Во многом благодаря А.Я. Вышинскому, новоиспечённый нарком юстиции отходит от заметных судебных процессов, организовывая, выступая перед публикой и посещая множество мероприятий, съездов, конференций по всей стране, что наиболее ярко отражает его интенсивную работу в министерстве. Изучая жизнь и деятельность Крыленко, можно заметить его целеустремлённый и горячий характер, помогающий ему вести борьбу с противниками сталинского режима, не поддаваясь милосердию в отношении «классовых врагов».

1932 г. был ознаменован тем, что началась коллективизация, тотальная конфискация хлеба у крестьян, которые «пытались спасти часть урожая» [14]. Крыленко не остался в стороне, и суд под его руководством занялся этим делом. Фрагмент книги Л. Млечина показывает, что «работники судебной сферы проводили целые месяцы в деревнях и селах, помогая предавать суду и осуждать тех крестьян, которые отказались приспособиться к политике режима» [15]. Наркомюст, как и сам Крыленко, убеждали судебных работников в том, что политические цели приоритетны в их деятельности. Управляя своим ведомством, Николай Васильевич отправлял указания, в которых говорилось о создании судебных бригад, которые отправлялись на сплошную коллективизацию. Крыленко жёстко требовал от них «усиления работы во время кампаний». По приказу Николая Васильевича Наркомюст обязал каждый регион подробно отчитываться о работе судов на «коллективизационном фронте».

В подобных отчетах, содержалась информация о времени, проведенном на судебных заседаниях; о количестве уголовных дел, начатых судами; о скорости рассмотрения дел и вынесении приговоров; о количестве привлеченных к работе активистов. Инструкции от Наркомюста напоминали о важности следования классовым принципам. В них содержались требования «умнее» собирать доказательства в судебных делах.

Позиция Крыленко при проведении сплошной коллективизации была похожа на позицию крайнего радикала и, более того, экстремиста. Не все суды решались наказать человека и отправить его на срок до 10 лет в лагерь за совершение мелкой кражи ради спасения детей от голода и нищеты. Возмущению Крыленко не было предела при отмене Верховным судом смертных приговоров, он требовал от судей думать, прежде всего, о политической составляющей в их работе, а не осуществлять правосудие, потому что «директива руководящих органов была важнее закона» [15]. В середине 1931 г. можно отметить высокий уровень партийной преданности среди сотрудников судебной системы, что было отличительной чертой Наркомата юстиции, когда им руководил Крыленко, который в этом отношении имел «совершенно исключительную партийную прослойку» [2]. В центральном аппарате был 101 ответственный работник, что составляет почти 84 %. Среди прокурорского руководства, краевых судов, народных судов и районных прокуроров число таких сотрудников было от 91 % до 99 %.

Судебная система того времени являлась отражением социального состава населения, ибо львиная доля судей, следователей и прокуроров имела крестьянское происхождение или из рабочего класса. Численность доходила до 80 %. Росло количество работников прокуратуры и суда, которые получали юридическое образование, после чего они составляли большую часть специалистов в центральном аппарате, прокуратуре и народных судах [2].

С течением времени повышалось и количество женщин, которые занимали должности судей, прокуроров и следователей (до 820 чел.) [2].

Какие задачи выдвигал на первый план нарком юстиции и на что направлял всё своё внимание? Очевидно, что всевозможные действия были связаны с политическими решениями партии, неукоснительным выполнением всех её указаний.

В июне 1932 г. Крыленко, выступая с докладом в Тифлисе перед рабочими, поделился информацией о состоянии советской юстиции и наметил важнейшие задачи на ближайшее время: «Органы суда и прокуратуры, как органы пролетарской диктатуры, как органы борьбы рабочего класса нужны и будут работать, и в ближайшей пятилетке им предстоит немалая доля работы» [16]. Можно сказать, что Крыленко намерен дальше реформировать и развивать судебную и прокурорскую системы, которые являются ключевыми в соблюдении законности в стране.

В 1932 г. был опубликован большой доклад Н.В. Крыленко «Об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности», в котором он подробно прокомментировал постановление от 7 августа 1932 г., отметив, что «декрет ставит своей задачей охранить нынешнюю новую общественную собственность во всех её основных видах – государственную, колхозную, кооперативную» [17].

Он выражает мысль о том, что декрет о расстреле за преступления против общественной собственности был встречен «с глубоким удовлетворением широчайшими массами трудящихся нашего союза» [17]. Крыленко также затрагивает и тот факт, что декрет был воспринят в среде сторонников советской власти как чрезмерно жестокий и необоснованный в отношении тех, кто посягнул на общественное богатство. Декрет устанавливает только две меры репрессии: «расстрел и лишение свободы на 10 лет» [17].

Крыленко вначале рассказывает об истории капитализма не только в России, но и в других странах, подмечая, что «собственность зародилась с момента, когда разложение родового общества на базе разделения труда поставило отдельные группы людей в различные отношения к средствам производства» [17].

Он выделяет четыре основные группы лиц, на которых и направлен данный декрет: во-первых, это классовые враги и сторонники контрреволюции, во-вторых, политические противники, выступающие против классовых интересов, в-третьих, это элементы мелкой буржуазии, в-четвёртых, преступники, воры, бандиты. В общем и целом, граждане, совершающие преступления против общественной собственности. Крыленко выделяет и пятую группу – «несознательный рабочий, стремящийся также использовать советское добро для своих целей» [17]. Но к ним у Крыленко более снисходительное отношение.

Во время пленума в январе 1933 г. Крыленко сильно возмущался тем, что судьи не следуют политической линии партии. По его мнению, судьи преследуют идеалы «высшей справедливости» [15], что продиктовано буржуазными правовыми традициями и что не должно быть характерно для советского порядка. Николай Васильевич, являясь бурным сторонником социалистической идеологии, активно продвигал её постулаты в массы, принуждая всех придерживаться их.

В 1933 г. состоялась XVII конференция ВКП(б), на которой выступал Крыленко, перед этим написав статью для журнала «Советская юстиция», в которой говорил о необходимости юридическим органам предоставить отчёты о проделанной работе, а также борьбе с «капиталистическими элементами», которые находятся в городах и сёлах, и с которыми противостояние ещё будет продолжаться путём «прямого подавления» [2].

В период 1933 г. судопроизводство в РСФСР было организовано через сеть районных и областных судебных учреждений. На тот момент существовало около 2 000 народных судов и 40 высших судебных органов вместе с судами автономных областей. Здесь

Верховный суд занимал высшую ступень в иерархии, реализовывая руководство судебной деятельностью и придерживаясь партийных политических направлений [2].

На протяжении 1934 и 1935 гг. Н.В. Крыленко выступал на различных мероприятиях, участвовал в культурно-массовой работе в системе исправительных учреждений. Он делился знаниями, опытом во время семинаров в Институте советского строительства и права Коммунистической академии. Встречался с представителями прокуратуры и органов юстиции, даже с работниками из Северного края и Оренбургской области [2], обсуждая с ними вопросы законности и правосудия.

В 1935 г. Николаем Крыленко была достигнута одна из последних наивысших точек славы. За свои заслуги перед советским государством, которое обязано ему эффективным развитием органов юстиции в соответствии с политической линии партии, он был награжден орденами Красного Знамени и Ленина. На этот год пришлось 50-летие Крыленко и 30-летие его профессиональной юридической деятельности. В поздравительных статьях и периодической печати отмечалось, что он всегда отстаивал позиции партии в борьбе против врагов революции [2].

Массовым тиражом Государственное издательство выпустило брошюру Н.В. Крыленко «О задачах органов юстиции» с приложением статьи Н.И. Бухарина к 50-летию Крыленко: «Жизнь для революции». Бухарин называет Крыленко общепризнанным боевым оратором большевиков». Он писал о нем: «Прекрасный теоретик, блестящий судебный оратор, великолепный следователь, непримиримый боец, он кипел на работе, и наши кодексы носят полноценные следы его упорного и кропотливого труда. Эта его работа, которую он продолжает и по сей день, поистине необозрима» [2].

Несмотря на свою политическую деятельность, которая шла вразрез с общечеловеческими моральными нормами, Н.В. Крыленко был человеком всесторонне развитым. Он, скорее всего, единственный среди советских прокуроров, кто имел такие далекие от юриспруденции интересы, где он достиг подлинного мастерства.

На Всесоюзном совещании прокуроров летом 1936 г. Н.В. Крыленко произнёс речь, получившую название «К новым победам», в которой выразил мысли по поводу роли законности и права в социалистический период, и каким образом будет осуществляться юридическое строительство. Прокуратура окончательно отделялась от суда и теперь строила свою работу так, чтобы прокурор был в курсе всех дел, проходящих в народном суде. Отсюда вытекал новый принцип работы органов юстиции, подразумевающий серьёзное регулирование судебного надзора со стороны прокуратуры [2]. Такое положение складывалось «из политических условий сегодняшнего дня» [2].

20 июля 1936 г. Николай Васильевич Крыленко получил должность народного комиссара юстиции СССР, и был создан Союзный наркомат юстиции. Это пик власти Крыленко. Как показала практика, Союзный наркомат юстиции оказался безвластным и занимался только подготовкой законов, заведовал адвокатскими коллегиями, обеспечением работы судов, нотариальных контор и юридическим образованием [15].

Инициатива на юридическом поле полностью перешла А.Я. Вышинскому, который поменял систему судов и прокуратуры. В долгой борьбе с Крыленко он вышел победителем, сместив его с «Эвереста славы» и подорвав репутацию преданного чиновника, в результате чего Николай Васильевич будет расстрелян в 1938 г.

Таким образом, беспрерывно выступая государственным обвинителем, Н.В. Крыленко во время «Шахтинского дела» и процесса над инженерами и специалистами из сферы угольной промышленности в 1928 г., в очередной раз проявил себя как яркий представитель советского правосудия. Он не стеснялся в выражениях, когда говорил о подсудимых, навешивая на каждого те или иные «ярлыки». Система советского следствия развивалась таким образом, что приговор был известен ещё на предварительном этапе, однако было чрезвычайно важно мнение обвинителей, подтверждающие показания и улики, добытые судом, в чём Крыленко всегда был уверен. Во время процесса подсудимые, испытывая давление обвинителя, сознавались, но здесь прокурор чувствовал себя менее уверенно, потому что слышал множество весомых фактов. Однако это не помешало ему довести дело до конца и потребовать высшей меры наказания, что и было исполнено советским судом.

В деле Промышленной партии Крыленко снова представлялся на страницах периодической печати как активный участник политического процесса над инженерно-технологической интеллигенцией. Проведённые допросы и высказанные им мысли, а также обвинительное заключение были направлены на подтверждение вредительских действий обвиняемых, которые точно так же сознались на процессе и были в курсе своего приговора ещё заранее, а Крыленко призвал к расстрелу всех подсудимых, потому что они якобы могли дальше представлять опасность. Суд прислушался к государственному обвинителю.

Занимая пост наркома юстиции, Крыленко был энергичен как никогда, что отразилось на юридическом оформлении судебной, прокурорской и законодательной систем в целом. Это привело к усилению зависимости учреждений от политического курса партии. Большая часть сотрудников судебных инстанций, прокуратуры обязана придерживаться идеологии при осуществлении своей деятельности. Крыленко приложил руку к созданию той карательной и идеологизированной системы, которая через время ответит Николаю Васильевичу тем же приговором, что и он сам выносил гражданам.

Список источников

1. Васильев С.Д., Алекперов Р.С., Настасюк Н.П. Крыленко Н.В.: деятельность в органах юстиции. 1920-е – начало 1930-х гг. Часть 1. Крыленко Н.В. – заместитель наркома юстиции // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 2 (67). С. 15–16
2. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Распятие революцией: российские и советские прокуроры. XX век. 1922-1936. М.: РОССПЭН, 1998.
3. Крыленко Н.В. Об очередных проблемах суда и права // Известия. 1928. 11 мая.
4. Шахтинское дело // Известия. 1928. 30 июня. С. 2–3.
5. Есиневич А.А. Театр абсурда или судебный процесс по «Шахтинскому делу». СПб., 2004. С. 141.
6. «Промпартия» хотела установить военную диктатуру буржуазии // Известия. 1930. 29 нояб. С. 3.
7. Процесс членов ЦК контрреволюционной партии организации «Промышленная партия» // Известия. 1930. 1 дек. С. 4.
8. Вредители продолжают разоблачать подготовку интервенции // Известия. 1930. 3 дек. С. 3.
9. Речь государственного обвинителя тов. Крыленко // Известия. 1930. 8 дек. С. 7.
10. Процесс членов ЦК контрреволюционной партии организации «Промышленная партия» // Известия. 1930. 9 дек. С. 4.
11. Крыленко Н.В.. Выводы и уроки из процесса «Промпартии». М.; Ленинград: Огиз – Моск. рабочий, 1931. С. 13.
12. Крыленко Н.В. Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. С. 114–274.
13. Смирнов Н.Г. Репрессированное правосудие. М.: Гелиос АРВ, 2001. С. 28.
14. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. Л. Максименкова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 78.
15. Млечин Л.М. Полководцы-революционеры. СПб.: Амфора, 2015.
16. Крыленко Н.В. О задачах органов юстиции: речь нар. комиссара юстиции РСФСР тов. Н.В. Крыленко на Совещании работников юстиции АССРНП 21 марта 1935 г. Энгельс: Немгосиздат, 1935 (тип. Н.К.М.П.). С. 12.
17. Крыленко Н.В. Об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности. М.: Партиздат, 1932 (тип. изд-ва «Дер эмес»).

References

1. Vasil'ev S.D., Alekperov R.S., Nastasyuk N.P. Krylenko N.V.: deyatel'nost' v organah yusticii. 1920-e – nachalo 1930-h gg. Chast' 1. Krylenko N.V. – zamestitel' narkoma yusticii // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii. 2025. № 2 (67). S. 15–16.
2. Zvyaginцев A.G., Orlov Yu.G. Raspyatie revolyuciej: rossijskie i sovetskie prokurory. XX vek. 1922-1936. M.: ROSSPEN, 1998.

3. Krylenko N.V. Ob ocherednyh problemah suda i prava // Izvestiya. 1928. 11 maya.
4. Shahtinskoe delo // Izvestiya. 1928. 30 iyunya. S. 2–3.
5. Esinevich A.A. Teatr absurda ili sudebnyj process po «Shahtinskomu delu». SPb., 2004. S. 141.
6. «Prompartiya» hotela ustanovit' voennuyu diktaturu burzhuzii // Izvestiya. 1930. 29 noyab. S. 3.
7. Process chlenov CK kontrevolyucionnoj partii organizacii «Promyshlennaya partiya» // Izvestiya. 1930. 1 dek. S. 4.
8. Vrediteli prodolzhayut razoblachat' podgotovku intervencii // Izvestiya. 1930. 3 dek. S. 3.
9. Rech' gosudarstvennogo obvinitelya tov. Krylenko // Izvestiya. 1930. 8 dek. S. 7.
10. Process chlenov CK kontrrevolyucionnoj partii organizacii «Promyshlennaya partiya» // Izvestiya. 1930. 9 dek. S. 4.
11. Krylenko N.V.. Vyvody i uroki iz processa «Prompartii». M.; Leningrad: Ogiz – Mosk. rabochij, 1931. S. 13.
12. Krylenko N.V. Obvinitel'nye rechi po naibolee krupnym politicheskim processam. M.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1937. S. 114–274.
13. Smirnov N.G. Repressirovanoe pravosudie. M.: Gelios ARV, 2001. S. 28.
14. Solomon P. Sovetskaya yusticiya pri Staline / per. s angl. L. Maksimenkova. M.: ROSSPEN, 2008. S. 78.
15. Mlechin L.M. Polkovodcy-revolucionery. SPb.: Amfora, 2015.
16. Krylenko N.V. O zadachah organov yusticii: rech' nar. komissara yusticii RSFSR tov. N.V. Krylenko na Soveshchanii rabotnikov yusticii ASSRNP 21 marta 1935 g. Engel's: Nemgosizdat, 1935 (tip. N.K.M.P.). S. 12.
17. Krylenko N.V. Ob ohrane i ukreplenii obshchestvennoj (socialisticheskoy) sobstvennosti. M.: Partizdat, 1932 (tip. izd-va «Der emes»).

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 19.02.2026

Принята к публикации: 10.04.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 19.02.2026

Accepted for publication: 10.04.2026

Информация об авторах:

Васильев Сергей Дмитриевич, магистрант кафедры международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3), e-mail: gormiti1502@gmail.com

Алекперов Руслан Садигович, магистрант института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48), e-mail: alekperoff2013@yandex.ru

Настасюк Наталья Петровна, доцент кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат политических наук, доцент, e-mail: nastasuk@gmail.com

Information about the authors:

Vasiliev Sergey D., faculty of international relations, master's degree, department of international relations in the post-soviet space of Saint-Petersburg state university (191060, Saint-Petersburg, Smolny str., 1/3), email: gormiti1502@gmail.com

Alekperov Ruslan S., master's degree of institute of history and social sciences of Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen (191186, Saint-Petersburg, riv. emb. Moika, 48), e-mail: alekperoff2013@yandex.ru

Nastasyuk Natalia P., associate professor of department of philosophy and social of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of political sciences, associate professor, e-mail: nastasuk@gmail.com

Научная статья

УДК 343.2/.7; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-19-25

РОССИЙСКОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО: НЕПОДКУПНОЕ СЛУЖЕНИЕ И ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС (ИЗ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ)

✉ **Вахмистров Вениамин Павлович.**

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, Санкт-Петербург, Россия.

Топилкин Павел Сергеевич;

Доильницын Алексей Борисович.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉ **venvp@mail.ru**

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу коррупционной мотивации и личностным детерминантам коррупционного поведения российских чиновников в дореволюционной России. Цель настоящей статьи состоит в осмыслении причинно-следственных связей формирования коррупционной ментальности у российского чиновничества различного уровня в период укрепления самодержавия в России в конце XIX в. Методология исследования опирается на диалектическое единство описательного, формально-юридического, исторического, сравнительного и системного методов познания. Результаты исследования состоят в выявлении поликаузальной природы коррупционного поведения дореволюционного чиновничества, опосредованной индивидуальными ценностно-ориентационными предпочтениями. Научная новизна состоит в выборе источниковой базы, включающей современные и дореволюционные научные издания. Авторами предлагается учитывать приводимые примеры в качестве исторической иллюстрации социальной дифференциации чиновничества по критерию антикоррупционной устойчивости.

Ключевые слова: коррупция, коррупциогенная личность, антикоррупционная устойчивость, чиновничество, государственное управление

Для цитирования: Вахмистров В.П., Топилкин П.С., Доильницын А.Б. Российское чиновничество: неподкупное служение и личный интерес (из истории дореволюционной России) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 19–25. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-19-25

Scientific article

RUSSIAN BUREAUCRACY: INCORRUPTIBLE SERVICE AND PERSONAL INTEREST (FROM THE HISTORY OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA)

✉ **Vakhmistrov Veniamin P.**

Military medical academy named after S.M. Kirov, Saint-Petersburg, Russia.

Topilkin Pavel S.

Doilnitsyn Aleksey B.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ **venvp@mail.ru**

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of corruption motivation and personal determinants of corruption behavior among Russian officials in pre-revolutionary Russia. The purpose of this article is to explore the causal relationships that shaped the corruption mentality among Russian officials at various levels during the consolidation of autocracy in Russia in the late 19th century. The research methodology is based on the dialectical unity of descriptive, formal-legal, historical, comparative, and systemic methods of knowledge. The results of the study consist in identifying the polycasual nature of the corruption behavior of the pre-revolutionary bureaucracy, which is mediated by individual value-oriented preferences. The scientific novelty lies in the choice of the source base, which includes both modern scientific publications and pre-revolutionary ones. The authors implicitly suggest that the examples provided should be considered as historical illustrations of the social differentiation of officials based on the criterion of anti-corruption resilience.

Keywords: corruption, corrupt personality, anti-corruption resistance, bureaucracy, public administration

For citation: Vakhmistrov V.P., Topilkin P.S., Doilnitsyn A.B. Russian bureaucracy: incorruptible service and personal interest (from the history of pre-revolutionary Russia) // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 19–25. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-19-25

22 февраля 1893 г. в уголовном департаменте Правительствующего сената рассматривалось дело по апелляционной жалобе бывшего земского начальника Харьковского уезда кандидата права В.А. Протопопова, исключенного из службы по приговору Харьковской судебной палаты за превышение полномочий. Заключение по делу давал известный русский юрист, обер-прокурор Сената А.Ф. Кони. Как следует из указанного заключения, будучи назначенным земским начальником в 29 лет после окончания юридического факультета Харьковского университета, Протопопов «в течение всего 19 дней, <...> в кругу подведомственных ему местностей, ознаменовал себя служебными действиями, энергический характер которых имел результатом предание его, по постановлению Совета министра внутренних дел, суду, и тесно связан, <...> с беспорядками в слободе Должике, результатом коих были вызов войск для восстановления порядка, суд над 18 крестьянами этой слободы и присуждение 10 из них в арестантские отделения с лишением прав и 4 к содержанию в тюрьме» [1, с. 377].

Речь Анатолия Федоровича Кони имела решающее значение и, вопреки высочайшей воле, Протопопов был признан виновным в совершении должностных преступлений и отстранен от службы. Кроме того, слова Анатолия Федоровича о том, что в случае с Протопоповым «звание кандидата прав обращается в пустой звук, по отношению к человеку, действия которого обличают в нем кандидата бесправия» [1, с. 393], получили широкий резонанс. Император Александр III, раздраженный таким поведением обер-прокурора Сената, вычеркнул А.Ф. Кони из списка сенаторов, получавших дополнительное жалование, размер которого составлял от 1 500 руб. до 2 000 руб. в год. Как позже говорил сам Кони, если сумму этого годового жалования умножить на число лет, в течение которых он лишался данной доплаты, то «кандидат бесправия» обошелся ему примерно в 50 000 руб. [2, с. 460]. Важно подчеркнуть, что в приветственной речи, посвященной 80-летию А.Ф. Кони, академик С.Ф. Платонов отмечал: «успех Ваш, достигнутый в русском обществе [3], не был карьерой, Вы пошли путем независимым от милостей и ласк, и связали свою жизнь со служением не власти и моде, а вечному и безусловному» [4, с. 9]. Находясь в течение всей своей профессиональной деятельности на государственных должностях, А.Ф. Кони никогда не рассматривал их как источник личного обогащения или злоупотребления.

Такая бесребреническая принципиальность на государственной службе встречалась среди судебных деятелей не всегда. Например, как вспоминал известный адвокат Б.С. Утевский¹, за чрезмерное неправомерное усердие, проявленное при рассмотрении в 1913 г. знаменитого «дела Бейлиса» [5, с. 128; 6; 7, с. 103], председательствующий в заседании судья Ф.А. Болдырев был не только повышен в чине и награжден орденом, но и стал получать ежегодно не предусмотренное законом дополнительное жалование в размере 1 000 руб. в год [8, с. 31].

Вопору поставить вопрос: примеры такого рода являются типичными моделями коррупционного поведения российского чиновничества, неизбежной платой за изъяны самой социально-политической системы с ее специфическим укладом жизни в дореволюционной России или же это сознательный, свободный и самостоятельный выбор каждого конкретного «уполномоченного» человека.

В научном сообществе широкое осмысление феномена «русской чиновничьей коррупции» идет по двум основным направлениям: одни исследователи считают, что, именно исторические традиции организации государственного управления определяют ментальные особенности чиновников в дореволюционной России, и взятка является инвариантом этой ментальности [9–11]. Другие исследователи делают акцент на личностных

¹ В 1913 г. Б.С. Утевский был помощником известного адвоката Н.П. Карабчевского, участвовавшего в деле Бейлиса в качестве защитника

детерминантах коррупционного поведения. Так, О.В. Ванновская отмечает, что «можно говорить об определенных внутренних причинах коррупциогенной личности, то есть о совокупности значимых специфических свойств такой личности» [12, с. 325], которые определяют ее девиантное или делинквентное поведение. Ей вторит М.М. Решетников, который приходит к выводу, что «коррупция – только в ее последствиях правовая и экономическая проблема, а исходно – сугубо психологическая и общечеловеческая» [13].

Жизненный и карьерный путь ряда известных исторических личностей, о которых пойдет разговор в настоящей статье, позволяет с определенной уверенностью полагать, что коррупционная модель поведения является результатом сознательного личностного выбора человека, а благоприятные тому социально-политические условия лишь способствуют проявлению коррупциогенных наклонностей конкретного лица. Наличие антикоррупционной устойчивости, являющейся, по определению О.В. Ванновской, системным свойством личности, позволяет осуществлять мотивированный выбор между правомерным и противоправным поведением. В этом контексте, среди плеяды знаковых и значимых фигур российских государственных деятелей можно видеть как лиц с ярко выраженной коррупциогенностью поведения, так и с красноречиво демонстрируемой антикоррупционной устойчивостью.

В этой связи сравним отношение к мшелоимству² двух блистательных генералов, практически ровесников³, ярко вошедших в военную историю России, хоть и с разными оценками их успехов по части личного интереса.

Михаил Дмитриевич Скобелев – полководец, не проигравший ни одного сражения, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командующий Ахал-текинской экспедиции, прозванный «Белым генералом» за обыкновение гарцевать на белом коне в белом мундире во время боя. Был любимцем солдат и баловнем судьбы. Готовясь к зимнему переходу через Балканы после взятия Плевны, М.Д. Скобелев за свой счет приобрел для солдат вверенной ему дивизии теплые полушубки [14, с. 217, 218], что позволило полностью избежать потерь от обморожений и сохранить боеспособность личного состава. Такое использование личных средств на нужды своих солдат было для Скобелева характерным поведением, а его беззаветное отношение к делу – внутренним убеждением. «Я воспитал себя для служения идеалу...», – писал генерал в одном из своих писем [14, с. 383]. И остался верен этому жизненному ориентиру до конца.

Другой представитель российского высшего генералитета – Владимир Александрович Сухомлинов – являл собой иной карьерный образ. Его называли «генералом от поражений», мздоимцем, обвиняли даже в шпионаже. Пройдя путь от юнкера до военного министра Российской империи, В.А. Сухомлинов был уволен с этой должности в июне 1915 г. и отдан под суд. Бывший военный министр «был признан виновным в неподготовленности армии к войне и приговорён к бессрочной каторге и лишению всех прав состояния»⁴. Одной из причин «дурной славы» и печального завершения карьеры Сухомлинова было его стремление пополнить свой личный бюджет любыми способами, в том числе и незаконными.

Женатый третьим браком на молодой и красивой женщине, Владимир Александрович постоянно нуждался в больших суммах денег, так как его супруга вела весьма расточительный образ жизни. Жалования военного министра, составлявшего 18 тыс. руб. в год, на все нужды и прихоти жены не хватало, и Сухомлинов постоянно искал дополнительные источники дохода. Так, по воспоминаниям генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, возглавлявшего канцелярию Военного министра, Сухомлинов не только «наезжал» прогонные (получал безосновательно деньги на проезд, например, во Владивосток и обратно), но и был замешан в ряде нечистоплотных сделок. Например, единолично совершил покупку через весьма одиозного банкира Я.И. Утина «станков для приготовления винтовок» на сумму 7,5 млн руб. [15, с. 214, 215]. Связь с банкиром принесла военному министру в тот раз 700 тыс. руб., о чем он лично рассказывал Лукомскому уже после своей

² Мшелоимство (древнерусс.) – корыстолюбие.

³ Скобелев М.Д. родился в 1843 г., В.А. Сухомлинов – в 1848 г.

⁴ Родился военный министр Российской империи Владимир Александрович Сухомлинов. URL: <https://www.prlib.ru/history/619461> (дата обращения: 10.02.2026)

отставки [15, с. 218]. Коррупциогенность личности В.А. Сухомлинова проявлялась настолько ярко, что это беспокоило даже Великого князя Сергея Михайловича, о котором тоже ходили довольно неоднозначные пересуды.

Образцом нравственного аскетизма личности с антикоррупционной непоколебимой устойчивостью можно назвать обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Хорошо образованный юрист, богослов, сановник, Константин Петрович, тем не менее, обладал довольно противоречивой репутацией. Его именовали «русским Торквемадой» [16, с. 119], человеком «жесткой, гранитной устойчивости» и религиозным палачом-бюрократом [17, с. 12], человеком «глубокой духовной интересности, духовной красоты, духовной привлекательности» [18, с. 213].

Можно по-разному оценивать личность Победоносцева, его роль в судьбах России и монархии, значение для духовного развития общества. Но, как отметил П.В. Басинский, «невозможно себе представить, чтобы Победоносцев, например, брал взятки» [19]. Обладая неограниченной полнотой власти, имея абсолютное влияние на императора и многих членов его семьи, обер-прокурор Священного Синода ни разу не дал повода усомниться в его антикоррупционной устойчивости. Даже такой суровый критик деятельности Победоносцева как известный публицист и писатель А.В. Амфитеатров отмечал, что Константин Петрович – «не государственный вор» и за его спиной «не стоит какой-нибудь французской актрисы, балетчицы либо даже какого-нибудь миньона» [17, с. 103]⁵. Правда, подчеркивая личную незапятнанность обер-прокурора Священного Синода в корыстолюбии, издоимстве и сластолюбии, так дорого обходившимся зачастую российской казне, Амфитеатров ставил последнему в вину, что он «сделался бескорыстным, потому что получил во власть свою... золотую гору!» и, обладая такой властью, не нуждался в дополнительных источниках материального благополучия.

Отмечая личную антикоррупционную устойчивость Константина Петровича, Амфитеатров писал: «Победоносцев, может быть, не грабил казну сам, но уже одна близость к Победоносцеву обогащала сотни крупных и тысячи мелких пиявок, присосавшихся к русской казне» [17, с. 100]. Доля истины в этом есть, однако сводить все исключительно к неограниченным возможностям, представляется избыточным упрощением. Что, например, заставляло тех же великих князей (близких родственников царя), имея исключительно устойчивое материальное обеспечение от государя, пускаться в финансовые авантюры?

В воспоминаниях генерал-лейтенанта А.С. Лукомского неоднократно упоминаются различные финансовые комбинации сомнительного характера, в которых принимали участие члены императорской фамилии. Так, в 1915 г. на разработку и внедрение в войска «всесжигающей жидкости» были сделаны заказы от имени государства более чем на 60 млн руб. Патронировал этот проект Великий князь Михаил Александрович, действовавший вопреки установленному законом порядку дачи государственных заказов. После получения огласки по этому делу был составлен «всепопданнейший доклад и последовало Высочайшее соизволение освободить Великого князя от наблюдения за исполнением сделанных заказов» [15, с. 291]. Заказы были ликвидированы, из казны было ассигновано 250 000 руб. на возмещение убытков, а фантастическая жидкость оказалась абсолютно непригодной для нужд военного дела.

Коррупциогенность отдельных представителей из числа сановников и некоторых членов императорского дома породила даже небылицы, будто заставили нечистого на руку министра «икону целовать, что воровать больше не будет, а он в это самое время с иконы-то самый лучший брильянт и выкусил». Как ни забавно звучит эта шутка, но она вполне могла основываться на реальном происшествии. В 1874 г. Великий князь Николай Константинович был обвинен в краже бриллиантов с оклада иконы, принадлежавшей его матушке. Доказательства были бесспорны и августейшее семейство, дабы избежать скандала, признало великого князя душевнобольным и выслало в Туркестан, где он прожил в роскоши 20 лет [20, с. 116; 21, с. 108; 22].

Подобные примеры можно продолжать. Но в какой мере это типично для срединной России, которая мы знакома всем из произведений выдающихся литераторов?

⁵ Амфитеатров А.В. Победоносцев. СПб.: Шиповник, 1907. С. 103.

В данной связи ярким образцом антикоррупционной устойчивости можно назвать Павла Ивановича Мельникова – чиновника особых поручений сначала при нижегородском губернаторе, а позже – Министерства внутренних дел, более известного как писатель Андрей Печерский. Человек честный и бескорыстный, Мельников не только пресекал злоупотребления чиновников, ревизуя городское хозяйство в Нижегородской губернии, но и обличал коррупционный произвол в своих литературных произведениях. Так, его рассказы «Дедушка Поликарп», «Медвежий угол», «Поярков», «Непременный» явились художественным осмыслением чиновничьей коррупционной изобретательности, привлекавшей внимание к имеющимся проблемам, наряду с произведениями Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Островского. Ментальные особенности вороватого чиновничества Мельников-Печерский уместил в одну единственную фразу, отразившую их ценностные установки и представления: «Жалованье хорошее, и душа спокойна, оттого что взятки брать ни с кого не приходится. Знай, лупи, дери одну казну-матушку... А это разве грех...» [23, с. 182]. Ценностные установки самого Мельникова изложены в письме к супруге от 26 октября 1872 г.: «В губернаторы попасть мне можно, но я ни за что на свете не пойду в губернаторы. Не имея состояния, я буду получать только 5 000 рублей, которые и теперь могу получать без ответственных и неприятностей, которые неизбежны на губернаторском месте, и не буду обязан жить по-губернаторски, то есть давать обеды, балы, сверх необходимости держать лошадей. До звезд и лент, ты знаешь, я не охотник. Губернатору надобно проживать, по меньшей мере, 10 000 или 12 000 рублей. Где я их возьму? Не взятки же брать, как это делают при жаловании в 5 000 рублей» [24, с. 145].

Это письмо наглядно показывает коррупционную природу чиновничьего благополучия, когда соединяются дисфункции государственного управления с ценностно-ориентационными изъянами общественного сознания, социально-политического уклада, требующего пышного образа жизни сановных особ, чиновников пониже на местах – жизни не по средствам.

Список источников

1. Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. Судебные речи. М.: Художественная лит-ра, 1967. 541 с.
2. Королицкий М.С. А.Ф. Кони. Странички воспоминаний. В кн.: Кони А.Ф. Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. 496 с.
3. Вахмистров В.П., Вахмистрова С.И., Волкова Ю.А. «Вашему слову верю единственно» (А.Ф. Кони в кругу творческой интеллигенции) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2020. № 3 (48). С. 4–8.
4. Анатолий Федорович Кони. 1844–1924: юбилейный выпуск. Л.: Атеней, 1925. 228 с.
5. Грузенберг О.О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. 241 с.
6. Мороз Е. Дело Бейлиса в юридической перспективе. Опыт беспристрастного анализа // Народ Книги в мире книг. 2008. № 77.
7. Варфоломеев Ю.В. Дело М. Бейлиса в материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2012. № 1. С. 101–105.
8. Утевский Б.С. Воспоминания юриста: из неопубликованного. М.: Юрид. лит., 1989. 302 с.
9. Берлин П.А. Русское взяточничество как социально-историческое явление // Современный мир. 1910. № 8.
10. Алексеева Л.А. Борьба с коррупцией в дореволюционной России // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова. 2024. № 1 (98). С. 13–19.
11. Голосенко И.А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 3. С. 105–119.
12. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 102. С. 323–328.

13. Решетников М.М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия: монография. 2-е изд. М.: Изд-во Юрайт, 2026. 101 с.
14. Немирович-Данченко В.И. Скобелев. Личные воспоминания и впечатления: в кн. Немирович-Данченко В.И. На кладбищах: воспоминания и впечатления. М.: Русская книга, 2001. 544 с.
15. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М.: Айрис-Пресс, 2012. 751 с.
16. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. 499 с.
17. Амфитеатров А.В. Победоносцев. СПб.: Шиповник, 1907. 162 с.
18. Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. М., 2005. 496 с.
19. Басинский П. Тень Победоносцева всегда сопровождала российскую власть. URL: https://rg.ru/2012/08/13/pobedonoscev.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 31.01.2026)
20. Лаврѐнова А.М., Черниченко М.Ю. «Августейший больной», жандармы и психиатры: «Крымские каникулы» Великого князя Николая Константиновича (1901–1904 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 116–151.
21. Красюков Р.Г. Великий князь Николай Константинович: опыт биографии // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 106–123.
22. Зимин И.В. «Забытый» великий князь // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 131–139.
23. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Бабушкины рассказы. Повести и рассказы. М.: Изд-во «Правда», 1989. 496 с.
24. Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород: Изд-во «Книги», 2011. 544 с.

References

1. Koni A.F. Sobranie sochinenij v 8 t. T. 3. Sudebnye rechi. M.: Hudozhestvennaya lit-ra, 1967. 541 s.
2. Korolickij M.S. A.F. Koni. Stranichki vospominanij. V kn.: Koni A.F. Izbrannoe. M.: Sov. Rossiya, 1989. 496 s.
3. Vahmistrov V.P., Vahmistrova S.I., Volkova Yu.A. «Vashemu слову veryu edinstvenno» (A.F. Koni v krugu tvorcheskoj intelligencii) // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii. 2020. № 3 (48). S. 4–8.
4. Anatolij Fedorovich Koni. 1844–1924: yubilejnyj vypusk. L.: Atenej, 1925. 228 s.
5. Gruzenberg O.O. Vchera. Vospominaniya. Parizh, 1938. 241 s.
6. Moroz E. Delo Bejlisa v yuridicheskoy perspektive. Opyt bespristrastnogo analiza // Narod Knigi v mire knig. 2008. № 77.
7. Varfolomeev Yu.V. Delo M. Bejlisa v materialah Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». 2012. № 1. S. 101–105.
8. Utevskij B.S. Vspominaniya yurista: iz neopublikovannogo. M.: Yurid. lit., 1989. 302 s.
9. Berlin P.A. Russkoe vzyatochnichestvo kak social'no-istoricheskoe yavlenie // Sovremennij mir. 1910. № 8.
10. Alekseeva L.A. Bor'ba s korrupciej v dorevolucionnoj Rossii // Nauchnyj vestnik OrYuI MVD Rossii im. V.V. Luk'yanova. 2024. № 1 (98). S. 13–19.
11. Golosenko I.A. Fenomen «russkoj vzyatki»: ocherk istorii otechestvennoj sociologii chinovnichestva // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1999. № 3. S. 105–119.
12. Vannovskaya O.V. Lichnostnye determinanty korrupcionnogo povedeniya // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. 2009. № 102. S. 323–328.
13. Reshetnikov M.M. Psihologiya korrupcii. Utopiya i antiutopiya: monografiya. 2-e izd. M.: Izd-vo Yurajt, 2026. 101 s.
14. Nemirovich-Danchenko V.I. Skobelev. Lichnye vospominaniya i vpechatleniya: v kn. Nemirovich-Danchenko V.I. Na kladbishchah: vospominaniya i vpechatleniya. M.: Russkaya kniga, 2001. 544 s.

15. Lukomskij A.S. Ocherki iz moej zhizni. Vospominaniya. M.: Ajris-Press, 2012. 751 s.
16. Paleolog M. Carskaya Rossiya nakanune revolyucii. M.: Politizdat, 1991. 499 s.
17. Amfiteatrov A.V. Pobedonoscev. SPb.: Shipovnik, 1907. 162 s.
18. Rozanov V.V. Zagadki russkoj provokacii. Stat'i i ocherki 1910 g. M., 2005. 496 s.
19. Basinskij P. Ten' Pobedonosceva vseгда soprovozhdala rossijskuyu vlast'. URL: https://rg.ru/2012/08/13/pobedonoscev.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (data obrashcheniya 31.01.2026)
20. Lavryonova A.M., Chernichenko M.Yu. «Avgustejsnij bol'noj», zhandarmy i psihiatry: «Krymskie kanikuly» Velikogo knyazya Nikolaya Konstantinovicha (1901–1904 gody) // Novyj istoricheskij vestnik. 2017. № 1 (51). S. 116–151.
21. Krasnyukov R.G. Velikij knyaz' Nikolaj Konstantinovich: opyt biografii // Iz glubiny vremen. 1994. № 3. S. 106–123.
22. Zimin I.V. «Zabytyj» velikij knyaz' // Voprosy istorii. 2002. № 10. S. 131–139.
23. Mel'nikov P.I. (Andrej Pecherskij). Babushkiny rosskazni. Povesti i rasskazy. M.: Izd-vo «Pravda», 1989. 496 s.
24. Neznakomyj Pavel Mel'nikov (Andrej Pecherskij) / Sost. N.V. Morohin, D.G. Pavlov. N. Novgorod: Izd-vo «Knigi», 2011. 544 s.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 03.03.2026

Принята к публикации: 11.04.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 03.03.2026

Accepted for publication: 11.04.2026

Информация об авторах:

Вахмистров Вениамин Павлович, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова (194044, Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6), кандидат философских наук, доцент, e-mail: venvp@mail.ru, SPIN-код: 7354-2875

Топилкин Павел Сергеевич, начальник кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат технических наук, e-mail: topilkin89@mail.ru, SPIN-код: 3959-4125

Доильницын Алексей Борисович, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, доцент кафедры теории и истории государства и права (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат юридических наук, доцент, e-mail: uristigps77@mail.ru, SPIN-код: 5486-8499

Information about the authors:

Vakhrmistrov Veniamin P., associate professor of the department of military and political work in the troops (forces) of the Military medical academy named after S.M. Kirov (194044, Saint-Petersburg, Akademika Lebedeva str., 6), candidate of philosophy, associate professor, e-mail: venvp@mail.ru, SPIN: 7354-2875

Topilkin Pavel S., head of the department of criminal law and procedure of the Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave, 149), candidate of technical sciences, e-mail: topilkin89@mail.ru, SPIN: 3959-4125

Doilnitsyn Aleksey B., deputy head of the Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, associate professor of the department of theory and history of state and law (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave, 149), candidate of law, associate professor, e-mail: uristigps77@mail.ru, SPIN: 5486-8499

Научная статья

УДК 340.12; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-26-39

**ДЕФИНИЦИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ»
КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

✉ Гусаим Иван Вячеславович.

Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия

✉ GusaimIvan1997@yandex.ru

Аннотация. Анализируется дефиниция «безопасность» как одна из ключевых и при этом наиболее дискуссионных категорий современной теории права Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена возрастающей сложностью внешних и внутренних угроз при одновременном отсутствии легального определения понятия «безопасность» в основополагающем нормативно-правовом акте Российской Федерации и базовых федеральных законах, что порождает правовую неопределенность и риски расширительного толкования при ограничении прав и свобод граждан. Целью работы является комплексное исследование концептуальных основ и проблем нормативного закрепления категории «безопасность». Для достижения цели применялись системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы анализа, позволившие изучить как доктринальные подходы, так и содержание нормативно-правовых актов и документов стратегического планирования. В результате исследования установлено, что существующий правовой вакуум частично компенсируется доктринальными актами, в первую очередь Стратегией национальной безопасности, где данная категория определяется через триаду «личность–общество–государство». Выявлено, что в юридической науке ведется фундаментальная дискуссия о целесообразности введения строгой законодательной дефиниции. Проанализировано разграничение смежных понятий («государственная безопасность» и «безопасность государства») и показана роль Конституционного Суда Российской Федерации в их толковании. Эффективная безопасность в демократическом государстве зависит не от жестких юридических формулировок, а от гибкой правовой системы. Главное – соблюсти баланс между защитой национальных интересов и правами человека, особенно в условиях такой угрозы как терроризм. Научная новизна заключается в обосновании проактивного подхода к безопасности как к комплексной системе, требующей согласованности действий на всех уровнях власти и общества.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, теория права, правовая дефиниция, правовая неопределенность, документы стратегического планирования, баланс конституционных ценностей, ограничение прав и свобод, угрозы безопасности, противодействие терроризму

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFZ-2025-0001)».

Для цитирования: Гусаим И.В. Дефиниция «безопасность» как объект теоретико-правового осмысления // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 26–39. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-26-39

Scientific article

**DEFINITION OF «SECURITY»
AS AN OBJECT OF THEORETICAL AND LEGAL UNDERSTANDING**

✉ Gusaim Ivan V.

Security research center of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

✉ GusaimIvan1997@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the definition of «security» as one of the key and at the same time the most controversial categories of the modern theory of law of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the increasing complexity of external and internal threats, while there is no legal definition of the concept of «security» in the fundamental regulatory legal act of the Russian Federation and basic federal laws, which creates legal uncertainty and risks of broad interpretation when restricting

the rights and freedoms of citizens. The purpose of the work is a comprehensive study of the conceptual foundations and problems of regulatory consolidation of the category «safety». To achieve this goal, systematic, formal-legal and comparative-legal methods of analysis were used, which made it possible to study both doctrinal approaches and the content of regulatory legal acts and strategic planning documents. As a result of the study, it was found that the existing legal vacuum is partially compensated by doctrinal acts, primarily the National Security Strategy, where this category is defined through the triad «personality–society–state». It is revealed that there is a fundamental debate in the legal science about the expediency of introducing a strict legislative definition. The differentiation of related concepts («state security» and «state security») is analyzed and the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in their interpretation is shown. Effective security in a democratic State does not depend on rigid legal formulations, but on a flexible legal system. The main thing is to maintain a balance between protecting national interests and human rights, especially in the face of such a threat as terrorism. The scientific novelty lies in the substantiation of a proactive approach to security as an integrated system requiring coordination of actions at all levels of government and society.

Keywords: security, national security, theory of law, legal definition, legal uncertainty, strategic planning documents, balance of constitutional values, restriction of rights and freedoms, threats to security, countering terrorism

The paper was prepared as part of the state assignment «Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of national security of the Russian Federation (FFFZ-2025-0001)».

For citation: Gusaim I.V. Definition of «security» as an object of theoretical and legal understanding // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 26–39. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-26-39

Введение

На всем протяжении исторического развития человечества проблема обеспечения безопасности личности, общества и государства остается одной из центральных. В современную эпоху, характеризующуюся интенсификацией глобализационных процессов, появлением новых прорывных технологий и обострением геополитических противоречий, данная проблема приобретает особую остроту. Динамичная трансформация угроз требует от государства (как основного гаранта безопасности) постоянной адаптации и совершенствования методов правового регулирования.

В данном отношении категория «безопасность» – это элемент, который определяет пределы властных полномочий, а также ограничения прав и свобод граждан, являющегося допустимым. Однако именно ее многогранность и сложность создают значительные трудности для ее однозначной правовой формализации. Отсутствие четкой дефиниции в основополагающих нормативных актах порождает правовую неопределенность и риски расширительного толкования, что делает исследование данной темы чрезвычайно актуальным.

Целью настоящей статьи является исследование дефиниции «безопасность» как комплексной категории теории права Российской Федерации, а также анализ проблем ее нормативного закрепления и практической реализации.

Для достижения поставленной цели в рамках настоящего исследования ставятся следующие задачи:

- проанализировать концептуальные основы безопасности как правовой категории, выявив ее философско-правовые парадигмы и ключевые признаки;
- выявить основные этапы и проблемы в эволюции подходов к правовому обеспечению безопасности в Российской Федерации, предложив рекомендации по совершенствованию законодательства;
- обосновать ключевую роль документов стратегического планирования в формировании содержания понятия «национальная безопасность» в условиях отсутствия его законодательной дефиниции;
- раскрыть междисциплинарный характер категории «безопасность» и выявить специфику теоретико-правовых средств ее обеспечения в соотношении с отраслевыми механизмами.

Теоретические основы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход, экстраполяция) и частно-научные методы юриспруденции: формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой.

Результаты и обсуждение

1. Теоретико-методологические основы исследования категории «безопасность»

1.1 Философско-правовые парадигмы безопасности

Анализ сущности безопасности требует обращения к ее философско-правовым истокам, где были заложены фундаментальные подходы к пониманию этого феномена. В политической философии традиционно выделяются три ключевые парадигмы.

Первая – реалистическая – наиболее ярко представлена в трудах Т. Гоббса. Его концепция «войны всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*) постулирует, что для обеспечения внутреннего мира и безопасности граждане должны делегировать часть своих свобод абсолютному суверену (Левиафану), который силой принуждает к порядку. В этой модели безопасность личности достигается через подчинение, а на международной арене сохраняется состояние анархии, где государства противостоят друг другу [1].

Вторая – идеалистическая – связана с именем Иммануила Канта. Его трактат «К вечному миру» предлагает принципиально иной взгляд: достижение безопасности возможно не через силу, а через следование моральному императиву и подчинение национальных интересов нормам международного права, основанного на разуме и гуманизме [2].

Третий подход, ассоциируемый с Гуго Гроцием, представляет собой попытку синтеза. Он утверждал, что государства на международной арене действуют не как «гладиаторы», а как члены единого сообщества, чьи действия ограничены общими правилами и институтами. Однако, как показывает современная практика, данные ограничения зачастую оказываются неэффективными [3].

Тем не менее существующие теоретические модели не уделяют должного внимания антропоцентрическому аспекту безопасности, оставляя за рамками анализа защищенность личности. Данное обстоятельство актуализирует задачу по формированию новых концептуальных основ для определения сущности безопасности и разработке прикладных механизмов для поддержания нормальной жизнедеятельности индивида.

При этом следует исходить из того, что уровень безопасности личности напрямую коррелирует с ее способностью эффективно отстаивать свои права и убеждения в действующем правовом поле. В свою очередь, такая возможность неразрывно связана со стабильным функционированием ключевых государственных систем: политической, экономической, социальной и экологической. Дестабилизация любой из этих подсистем неизбежно влечет за собой риски как для отдельного человека, так и для государства в целом. Именно эта многоаспектность и системный характер феномена безопасности создают значительные трудности для его исчерпывающей фиксации в законодательстве, которая, тем не менее, является условием эффективной работы государственного аппарата [4].

1.2. Лингвистический и проактивный подходы к понятию «безопасность»

Лингвистический анализ термина «безопасность» также раскрывает двойственность его природы. Этимологически он построен на отрицании своей противоположности (антонима «опасность» с префиксом «без-») и означает состояние отсутствия угроз. Однако современное лексикографическое толкование, представленное, в частности, в словаре Д.Н. Ушакова, расширяет это понятие. Оно включает не только пассивное состояние защищенности, но и активную деятельность – комплекс целенаправленных превентивных мер по нейтрализации потенциальных опасностей [5].

Представляется целесообразным рассматривать концепцию безопасности в расширенной, проактивной парадигме. Данный подход выходит за рамки простого реагирования на уже существующие угрозы и включает в себя деятельность по прогнозированию, анализу и превентивному пресечению потенциальных дестабилизирующих факторов. Такая трактовка предполагает не только защиту от реализовавшихся вызовов, но и создание системы, способной нейтрализовать предпосылки к возникновению новых видов угроз, направленных на подрыв устойчивого функционирования государственных и общественных институтов.

Тем не менее, помимо классических парадигм, современный научный дискурс предлагает иные инструменты для анализа. Особого внимания заслуживает теория секьюритизации, разработанная в рамках Копенгагенской школы (Б. Бузан, О. Вейвер). Согласно данной концепции, безопасность не является объективной данностью, а представляет собой социальный конструкт. Любая проблема становится вопросом безопасности в результате «речевого акта» со стороны секьюритизирующего актора (как правило, государства), который представляет ее как экзистенциальную угрозу. Успешная секьюритизация позволяет вывести проблему из поля обычной политики и оправдать применение чрезвычайных мер. Этот подход имеет большое значение для теоретико-правового анализа, поскольку вскрывает механизм, посредством которого государство может расширять свои полномочия, используя риторику безопасности, что актуализирует проблему правовых рамок и судебного контроля за такими процессами.

2. Категория «безопасность» в нормативно-правовой системе Российской Федерации

2.1. Проблема отсутствия легальной дефиниции и ее критика в правовой доктрине

Проанализировав философско-правовые и лингвистические основы понятия «безопасность», необходимо перейти к его рассмотрению в контексте действующей нормативно-правовой системы Российской Федерации, где теоретические концепции сталкиваются с практическими задачами правового регулирования.

При обращении к анализу основополагающего нормативно-правового акта Российской Федерации – Конституции Российской Федерации – можно констатировать: термин «безопасность» используется в тексте декларативно, без раскрытия его сущностного содержания. Легальная дефиниция данного понятия в Конституции Российской Федерации отсутствует. Вместо этого правовые механизмы и гарантии обеспечения безопасности личности, общества и государства определяются через более сложную и емкую категорию – «национальная безопасность». Именно она выступает в качестве ключевого теоретико-правового ориентира в данной сфере.

Генезис термина «национальная безопасность» в безопасности правовом поле имеет четкую хронологию. Впервые данное понятие было введено в юридический оборот в рамках Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (в настоящее время утратил силу). Дальнейшее развитие и концептуальное закрепление эта категория получила в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 13 июня 1996 г. «О национальной безопасности», а затем была системно изложена в Концепции национальной безопасности Российской Федерации (Концепция), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300.

При этом анализ содержания данных доктринальных документов позволяет проследить эволюцию государственных подходов к определению ключевых угроз. Так, в Концепции 1997 г. основной акцент делался на угрозах, порожденных системным кризисом 1990-х гг.: ослаблении государственной власти, спаде экономики, росте организованной преступности и сепаратизме. Уже в редакции Концепции 2000 г., принятой на фоне контртеррористической операции на Северном Кавказе и глобальных вызовов, на первый

план выходит угроза международного терроризма. Последующие Стратегии национальной безопасности (редакций 2009, 2015 и 2021 гг.) демонстрируют дальнейшее смещение фокуса. В них последовательно возрастает значение угроз в информационной и кибернетической сферах, поднимаются проблемы сохранения культурного суверенитета и духовно-нравственных ценностей, а также прямо указывается на угрозы, связанные с геополитическим соперничеством и политикой «недружественных государств». Таким образом, эволюция доктринальных документов наглядно иллюстрирует, как правовое содержание понятия «национальная безопасность» динамично адаптировалось к меняющейся внутри и внешнеполитической повестке – это дополнительно усложняет задачу его статичного законодательного закрепления.

Фундаментальным актом, систематизирующим правовые основы в исследуемой сфере, выступает Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (ФЗ № 390-ФЗ), который регламентирует общие принципы и суть деятельности по гарантированию национальной безопасности, охватывая различные виды безопасности личности (государственную, общественную, экологическую, информационную), а также иные виды. В доктринальных источниках и официальных документах подчеркивается, что современная государственная политика направлена на формирование условий для эффективной превенции внутренних и внешних угроз. Это, в свою очередь, рассматривается как необходимое условие для стратегического развития Российской Федерации, укрепления её позиций на международной арене, технологической модернизации и повышения качества жизни граждан.

Вместе с тем, несмотря на системообразующий характер указанного закона, в юридической доктрине высказываются обоснованные критические замечания относительно его юридической техники. В частности, правоведы Е.А. Белокрылова и Е.А. Бевзюк в своем комментарии к ФЗ № 390-ФЗ указывают на существенный пробел в его структуре – отсутствие дефинитивной статьи, закрепляющей понятийный аппарат. По их мнению, для обеспечения правовой определенности законодателю следовало имплементировать в текст закона определения таких ключевых категорий, как «национальная безопасность», «безопасность государства», «безопасность общества», «безопасность личности», «обеспечение безопасности», а также дефиниции внешних и внутренних угроз и системы сил и средств их нейтрализации. Отсутствие глоссария затрудняет единообразное толкование и правоприменение, поскольку перечисленные термины являются операциональными для многих норм закона. Автор заключает, что ограничение первой статьи лишь перечислением структуры документа является отступлением от сложившихся правил нормотворческой техники для федеральных законов такого уровня значимости [6].

Данный критический анализ находит свое развитие и подтверждение в работах А.Н. Калюжного. По его мнению, эффективность функционирования всей системы обеспечения национальной безопасности, включая, в том числе, на соответствующем уровне поддержание институциональных механизмов и общественных ресурсов и государства, детерминирована действенным правовым инструментарием, призванным обеспечить защиту суверенитета (государства) и интересов национального значения. Центральное место в этом инструментарии, как подчеркивает исследователь, занимает федеральное законодательство.

Развивая свою мысль, ученый констатирует, что анализируемый Федеральный закон имеет существенный недостаток – в нем отсутствует легальное закрепление базового понятийно-категориального аппарата. В частности, А.Н. Калюжный акцентирует внимание на отсутствии в тексте закона дефиниций категорий «национальные интересы», «стратегические национальные приоритеты», «силы и система обеспечения национальной безопасности». Упущение данных понятий является серьезным пробелом, поскольку именно они формируют концептуальное ядро и определяют ключевые параметры деятельности в рассматриваемой сфере, отражая ее сущностные аспекты [7].

Вместе с тем изложенная критическая позиция относительно необходимости нормативного закрепления дефиниций не является единственной в правовой доктрине. Существует и альтернативная точка зрения. Представителем ее является В.Г. Вишняков, который полагает, что сознательное исключение термина «национальная безопасность» из текста ФЗ № 390-ФЗ является концептуально оправданным.

В основе его аргументации лежит тезис о юридической неопределенности и низкой нормативной эффективности прилагательного «национальный». По мнению ученого, данная категория лишена строгой правовой конкретики и относится скорее к сфере политического дискурса, нежели к юриспруденции. Такой дискурс, как правило, оперирует широкими и зачастую эмоционально окрашенными конструкциями, такими как «нация», «национальность» и «национальные интересы». Данные понятия, по мнению В.Г. Вишнякова, малопригодны для формализации в рамках законодательного акта, требующего максимальной точности, а также однозначности формулировок [8].

С точки зрения автора настоящей статьи, позиция В.Г. Вишнякова, несмотря на свою логичность, представляется лишь частично оправданной. Действительно, термин «национальный» несет политическую нагрузку, однако его полное исключение из правового поля разрывает связь между законодательством и документами стратегического планирования, где эта категория является центральной. Более продуктивным видится не отказ от термина, а его нормативное наполнение через определение таких связанных понятий, как «национальные интересы» и «стратегические национальные приоритеты», на отсутствие которых справедливо указывает А.Н. Калюжный [7].

2.2. Роль документов стратегического планирования в определении понятия «национальная безопасность»

Устранение существовавшей в нормативно-правовом поле лакуны (пробела в праве), связанной с отсутствием законодательного определения исследуемого понятия, было осуществлено путем его инкорпорации в доктринальные документы стратегического планирования.

Исторически первым документом, нормативно утвердившим юридическое определение термина «национальная безопасность», стала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, рассчитанная на период до 2020 г. Правовую силу ей придал Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (хотя впоследствии данный указ утратил актуальность). Концептуальная основа этой Стратегии предусматривала понимание национальной безопасности в качестве особого состояния, гарантирующего защиту трех фундаментальных субъектов, а именно личности, общества и государства. Обеспечение такой защищенности рассматривалось в отношении всего спектра потенциальных вызовов и опасностей, как имеющих внутригосударственное происхождение, так и исходящих извне. Ключевой тезис документа заключался в том, что достижение указанного защищенного состояния служит неременной предпосылкой действительно полного осуществления закрепленных в Конституции прав и свобод Российских граждан, а также для гарантированного поддержания высоких стандартов и благополучия их жизни. Одновременно оно выступает гарантией суверенитета, территориальной целостности, обороны и безопасности, создавая фундаментальные предпосылки для устойчивого развития государства [9].

В рамках научного дискурса легальное (нормативное) определение национальной безопасности получает более глубокую теоретическую проработку. Так, концепция, предложенная исследователями Ю.И. Мигачевым и Н.А. Молчановым, представляет собой пример расширительного толкования данной категории. Автор интерпретирует ее как интегрированную систему эндогенных (внутренних) и экзогенных (внешних) условий, направленную на создание предпосылок для благосостояния граждан и гарантирование

защиты фундаментальных интересов общества. Ключевыми элементами этой системы также выступают неотчуждаемость народного суверенитета и защита основ конституционного строя от насильственных посягательств [10].

Исходя из вышеизложенного, феномен национальной безопасности представляет собой сложносоставную и динамическую концептуальную рамку. Его корректная научная интерпретация предполагает отказ от статического подхода в пользу рассмотрения безопасности как интегрального показателя, отражающего уровень защищенности социума от всего спектра экзогенных и эндогенных угроз. Данный показатель включает в себя не только способность социально-государственной системы к сопротивлению деструктивным воздействиям (резильентность), но и ее адаптивный потенциал к перманентным трансформациям глобальной и региональной среды. Телеологической целью и высшим приоритетом в рамках этой парадигмы является обеспечение и поступательное повышение качества жизни и благосостояния граждан.

В качестве структурного фундамента данной системы выступает триада взаимосвязанных и взаимозависимых субъектов: личность с ее правами и свободами, общество в многообразии его социальных групп и институтов, а также государство как основной механизм организации и защиты. Эффективность функционирования и вектор развития всей системы обеспечения безопасности детерминированы совокупностью многообразных факторов, среди которых доминирующую роль играют геопространственные, историко-культурные, духовно-нравственные, социально-психологические, политико-правовые, макроэкономические, демографические, информационно-коммуникационные и этно-конфессиональные детерминанты.

Сложность и многофакторность данного феномена порождают существенную гносеологическую и правовую проблему, связанную с концептуализацией угроз национальной безопасности и определением объектов их воздействия. Семантическая и концептуальная неоднозначность самого термина «безопасность» приводит к его широкому, а порой и экстенсивному толкованию. Наблюдается тенденция к экстраполяции данного понятия на гетерогенные сферы общественных и государственных интересов, что чревато размыванием его эвристической ценности и создает риски злоупотреблений в правоприменительной практике. Упомянутое ставит перед отечественным законодателем сложную правотворческую дилемму, требующую выработки адекватных механизмов правового реагирования. Как справедливо отмечается в юридической доктрине, в частности в работах С.А. Комарова и А.В. Поповой, предмет теоретико-правового регулирования находится в постоянной эволюции, однако его развитие должно происходить в границах, установленных для сохранения фундаментального баланса интересов личности, общества и государства [11]. Из этого следует, что имплементация категории «безопасность» в нормативно-правовые акты требует взвешенного и системного подхода. Недопустимо формирование реактивного законодательства, при котором принятие ограничительных или иных мер мотивируется исключительно наличием некоторой гипотетической или реальной угрозы, без всестороннего анализа ее природы и последствий для указанного триединого баланса интересов.

Глубокие историко-правовые корни проблемы дополнительно усложняют правоотношения в сфере национальной безопасности. Генезис концепта безопасности как фундаментальной ценности прослеживается на протяжении многих веков развития государственности и правовой мысли. Его артикуляция в качестве основополагающего принципа обнаруживается уже в ранних конституционных проектах. Ярким примером служит документ эпохи Английской революции XVII в. – «Соглашение народа Англии» 1649 г., в котором идея «общей для всех безопасности» была заложена в качестве одного из аспектов построения справедливого правопорядка. Данный исторический экскурс подчеркивает фундаментальный, непреходящий характер данной категории в теории и практике государственного строительства.

2.3. Разграничение смежных понятий: «безопасность государства» и «государственная безопасность»

«Безопасность» – это концепт, обладающий множеством смысловых оттенков; его интерпретация меняется в соответствии с тем, что выступает в качестве объекта защиты (референта). Следует отметить, что в юридической теории ключевым аспектом считается проведение смысловой границы между очень близкими, но все же не идентичными понятиями, а именно «безопасностью государства» и «государственной безопасностью».

Государственная безопасность в узком смысле относится преимущественно к защите институтов публичной власти, конституционного строя и существующего политического режима от угроз.

Безопасность государства, в свою очередь, представляет собой более широкую и комплексную категорию, охватывающую совокупность основополагающих национальных интересов, включая территориальную целостность, суверенитет, культурно-историческое наследие, демографическую стабильность и духовно-нравственные ценности общества.

Глубокий анализ проблемы смыслового разделения понятий «государственная безопасность», «безопасность государства» представлен в научном наследии А.В. Опалева. Ключевым в его позиции является тезис о деструктивности логико-правовых и практических последствий, возникающих из-за отождествления упомянутых концептов. Ученый предупреждал: синонимизация неминуемо провоцирует неправомерное, а также излишне широкое толкование того, что должно регулироваться правом, и, как следствие, ведет к экспансии сферы государственного вмешательства. Реализация подобного подхода, как указывал профессор Опалев, вынудила бы отнести непосредственно к ведению системы обеспечения государственной безопасности подавляющее большинство общественных институтов – экономические структуры, социально-политические организации, институты, формирующие духовную, а также идеологическую жизнь. Логика данного включения базируется на утверждении, что все эти институты, оказывая прямое или косвенное воздействие на устойчивость, а также прогрессивное развитие государства, тем самым могут рассматриваться как элементы, формирующие его безопасность.

Следствием подобной экстенсивной трактовки становится концептуальная диффузия: категория «государственная безопасность» теряет четкие очертания, что девальвирует ее операциональную применимость и создает существенные барьеры для эффективной правоохранительной деятельности [12].

Вместе с тем правовая реальность демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию. Так, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации определяет «безопасность государства» как легитимное основание для ограничения прав и свобод. Конституционный Суд Российской Федерации, интерпретируя данную норму, распространил ее действие и на защиту «экономической безопасности», фактически признав ее компонентом более общей категории. Подобная судебная практика не только подтверждает комплексный, многосоставной характер феномена безопасности государства, но и легитимирует экстраполяцию теоретического понятия на его отраслевые проявления (экономические, информационные, экологические и пр.), тем самым расширяя основания применения правовых ограничений.

2.4. Понятие безопасности в зарубежной правовой доктрине: сравнительно-правовой аспект

Для более глубокого понимания Российской модели целесообразно обратиться к зарубежному опыту. Например, в правовой доктрине ФРГ центральное место занимает не столько «безопасность», сколько защита «свободного демократического правопорядка» (*freiheitliche demokratische Grundordnung*), который выступает пределом для любой политической деятельности. В США категория «национальная безопасность»

(national security) исторически является ключевой для оправдания действий исполнительной власти, особенно во внешней политике, и ее содержание также является предметом постоянных политических и правовых споров. Во Франции особое значение имеет понятие «общественного порядка» (*ordre public*), включающее безопасность, спокойствие и здоровье населения. Сравнительно-правовой анализ показывает, что большинство правовых систем избегают жесткой, исчерпывающей дефиниции безопасности в своих правовых доктринах, оставляя ее содержание для конкретизации в законодательстве и судебной практике, что, однако, не снимает общей для всех проблемы поиска баланса с правами человека.

3. Актуальные угрозы и баланс конституционных ценностей: пример противодействия терроризму

3.1. Терроризм как катализатор трансформации правового регулирования

Анализ нормативной базы и доктринальных споров показывает: категория «безопасность» наиболее остро проявляет свою сложность и противоречивость при столкновении с конкретными угрозами. Для иллюстрации проблемы поиска баланса между государственными интересами и правами личности целесообразно рассмотреть пример противодействия терроризму как одной из наиболее актуальных угроз XXI в.

Динамика и усложнение правоотношений в сфере обеспечения национальной безопасности детерминируются перманентной трансформацией и эмерджентностью угроз. В контексте анализа указанной проблематики особое внимание уделяется угрозам террористического и экстремистского характера. Ключевой исследовательской задачей является идентификация фундаментальных детерминант, обуславливающих генезис данных явлений, при методологическом разграничении с казуистическими или сингулярными рисками [13].

Под последними понимаются ситуации, этиология которых связана с уникальными, несистемными факторами, что требует применения специфических аналитических подходов. В качестве иллюстрации можно привести противоправное деяние, совершённое индивидом с определёнными психопатологическими особенностями под влиянием специфических информационных триггеров. Подобный случай требует отдельного клинικο-криминологического анализа, поскольку его предпосылки нерепрезентативны и не могут быть экстраполированы на общую массу угроз, в основе которых лежат системные социально-политические, экономические и идеологические факторы.

Вместе с тем эмпирические данные подтверждают сохранение высокого уровня террористической угрозы в глобальном масштабе. Ретроспективный анализ резонансных террористических атак, совершенных в период с начала XXI в., включая скоординированные нападения 11 сентября 2001 г. в США, захваты заложников в театральном центре на Дубровке (Москва, 2002 г.) и в школе № 1 г. Беслана (2004 г.), а также серии атак в г. Волгограде (2013 г.), г. Париже (2015 г.), г. Брюсселе (2016 г.), Санкт-Петербурге (2017 г.) и др., выявляет системную уязвимость объектов гражданской инфраструктуры и незащищенных слоев населения.

Для Российской Федерации особая острота данной проблемы была в очередной раз подтверждена трагическими событиями в «Крокус Сити Холле» (март 2024 г.). Данное обстоятельство детерминирует высокую научную и практическую актуальность дальнейшего углублённого исследования правовых, социальных и превентивных аспектов противодействия терроризму.

К числу ключевых детерминант, способствующих сохранению террористической активности, следует отнести несколько взаимосвязанных факторов:

Во-первых, интенсификация глобальных миграционных потоков объективно создает условия для трансграничного перемещения носителей радикальных идеологий и инфильтрации экстремистских ячеек в юрисдикции с относительно либеральным контртеррористическим законодательством или в регионы, где совершение теракта способно вызвать максимальный общественный и медийный резонанс [14].

Во-вторых, существенную роль в эскалации угрозы играют геополитические просчеты и целенаправленные действия внешних акторов. В частности, поддержка некоторыми западными странами процессов так называемой «Арабской весны» привела к дестабилизации обширных территорий, разрушению государственных институтов и формированию «вакуума власти», который был оперативно заполнен радикальными исламистскими группировками [15].

В-третьих, государственные стратегии противодействия терроризму зачастую демонстрируют недостаточную комплексность. Преобладающий подход сводится к реактивным мерам силового характера и уголовно-правовому преследованию исполнителей и организаторов терактов. При этом этиология терроризма – его глубинные социально-экономические, политические и идейно-психологические предпосылки – нередко остается вне фокуса системной превентивной работы [16].

Тем не менее в академической и экспертной среде наблюдается формирование консенсуса относительно необходимости перехода к холистической, многоуровневой парадигме противодействия, что в перспективе способно скорректировать сложившуюся ситуацию. В качестве примера подобного интегративного подхода можно привести государственную доктрину Израиля, где террористическая деятельность рассматривается не столько в рамках уголовного права, сколько как экзистенциальная угроза национальной безопасности и основам государственности, что предполагает задействование всего спектра государственных инструментов для ее нейтрализации [17].

3.2. Двойственная роль угрозы терроризма и ее социально-правовые последствия

Терроризм и его акты представляют собой сложное и многогранное явление, которое оказывает двоякое воздействие на концепцию «безопасности». С одной стороны, они напрямую угрожают физической и психологической безопасности граждан, а с другой – провоцируют государство на принятие мер, которые могут ограничивать права и свободы, создавая новый виток напряженности в обществе.

Терроризм является одной из форм политической борьбы – устрашения и дестабилизации общества по достижению определенных целей, будь то революция, развязывание войны, получение независимости или политические уступки со стороны власти. Террористические акты оказывают давление на государственные структуры, вынужденные реагировать на уже произошедшие события, бороться с их последствиями, а также демонстрировать способность предотвращать подобные угрозы (в будущем). Упомянутое ставит под сомнение эффективность существующего аппарата власти, приводит к падению ее престижа.

Основной удар терроризма наносится по мирному населению, что является его отличительной чертой. Жертвы террористических атак – это не самоцель, а средство для достижения максимального общественного резонанса и запугивания.

Последствия данного рода атак носят не только физический, но и глубокий моральный характер. Во-первых, порождается ощущение постоянной угрозы, поскольку непредсказуемость актов создает у населения чувство уязвимости. Во-вторых, происходит разрушение общественных устоев: терроризм подрывает доверие между социальными группами. Кроме того, широкое освещение терактов в СМИ усиливает психологические травмы, а само общество начинает оказывать давление на власть, требуя решительных действий.

В ответ на террористические угрозы государство вынуждено принимать комплексные меры, которые включают в себя профилактические, правовые, политические, социально-экономические и пропагандистские действия. В России правовую основу борьбы с терроризмом составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации и федеральные законы, такие как Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Однако, стремясь обеспечить безопасность, государство может прибегать к достаточно репрессивным мерам, ограничивающим права

и свободы граждан. Упомянутое может выражаться в усилении контроля общества, расширении полномочий спецслужб и введении более строгих законов. Такой подход создает сложную дилемму: с одной стороны, общество требует защиты, а с другой – может выражать несогласие с ограничением своих свобод, особенно если государство не смогло предотвратить теракт. Таким образом, терроризм дестабилизирует общественные отношения и ставит перед государством, обществом ряд сложных задач:

1. Определение баланса интересов: необходимо найти компромисс между обеспечением безопасности, соблюдением прав и свобод личности, закрепив этот баланс в законодательстве.

2. Уточнение дефиниции «безопасность»: важно четко определить содержание дефиниции «безопасность», его применение в нормативных актах, дабы избежать злоупотреблений.

3. Противодействие идеологии терроризма: одним из ключевых направлений профилактики является борьба с распространением идеологии насилия и экстремизма.

В конечном счете, эффективное противодействие терроризму требует скоординированных усилий государственных органов, а также институтов гражданского общества, в частности, общественных и религиозных организаций.

Выводы

Проведенное исследование, посвященное анализу дефиниции «безопасность» как комплексной категории теории права Российской Федерации, позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, а также сделать итоговые обобщения.

Во-первых, анализ теоретико-методологических основ показал, что современное понимание безопасности существенно трансформировалось по сравнению с классическими философско-правовыми парадигмами. Если реалистический подход (Т. Гоббс) абсолютизировал роль государства, а идеалистический (И. Кант) – роль права и морали, то сегодня на передний план выходит антропоцентрический аспект, требующий рассматривать в качестве высшего приоритета защищенность личности. Для реализации эффективного правового регулирования наиболее продуктивным является переход от пассивной трактовки безопасности как отсутствия угроз к проактивному подходу, который включает деятельность по прогнозированию, превенции и созданию условий для устойчивого развития.

Во-вторых, в нормативно-правовой системе России выявлена ключевая особенность, имеющая характер правового парадокса: при отсутствии формальной легальной дефиниции «безопасность» в тексте Конституции Российской Федерации и базовом ФЗ № 390-ФЗ, ее содержание и основные параметры де-факто определяются документами стратегического планирования. Именно Стратегия национальной безопасности восполняет этот законодательный пробел, нормативно закрепляя триаду объектов защиты «личность–общество–государство». Это подтверждает фундаментальную дискуссию в правовой доктрине: с одной стороны, критики (Е.А. Белокрылова, А.Н. Калужный) справедливо указывают на юридико-технические пороки закона и риски правовой неопределенности; с другой стороны, существует обоснованная позиция (В.Г. Вишняков) о нецелесообразности инкорпорации политизированного термина «национальный» в строгое поле законодательства.

В-третьих, анализ правоприменительной практики и смежных понятий продемонстрировал многосоставной характер категории «безопасность». Разграничение терминов «безопасность государства» (защита конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности) и «государственная безопасность» (защита институтов власти), предложенное в доктрине (А.В. Опалев), имеет важнейшее практическое значение для определения пределов компетенции различных органов. При этом деятельность Конституционного Суда Российской Федерации показывает тенденцию к расширительному толкованию понятия, включая в его орбиту такие отраслевые виды, как «экономическая безопасность», что подтверждает его комплексную и всепроникающую природу.

В-четвертых, на примере противодействия терроризму как одной из наиболее острых угроз современности наглядно показана центральная дилемма теории права: поиск баланса между обеспечением безопасности и соблюдением прав и свобод личности. Террористические акты не только напрямую угрожают гражданам, но и провоцируют государство на принятие ответных, зачастую репрессивных, мер. Это ставит перед законодателем и правоприменителем сложнейшую задачу по выработке таких правовых механизмов, которые были бы эффективны в борьбе с угрозами, но при этом не нарушали бы принципы правового государства и не приводили к чрезмерному ограничению прав.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что национальная безопасность сегодня выходит за рамки исключительной компетенции властных структур и становится предметом заботы всего общества. Для эффективного функционирования правового механизма ее обеспечения в XXI в. требуется соблюдение фундаментальных демократических принципов. Динамика геополитических и социальных процессов ставит перед российской наукой теории права задачу выработки адекватных ответов на новые вызовы.

Ключевой вывод заключается в том, что решение проблемы правовой неопределенности лежит не столько в формальном закреплении единственной статичной дефиниции в тексте закона, сколько в формировании гибкой, адаптивной и многоуровневой системы правового регулирования. Данная система должна основываться на четком понятийном аппарате, закреплённом как в законодательстве, так и в доктринальных актах, а также на действенных механизмах правового контроля для поддержания баланса интересов. Юридическая наука призвана выполнять здесь ведущую роль, осуществляя быстрый анализ новых угроз и предлагая научно обоснованные модели их правового опосредования. В конечном счете, безопасность каждого человека, который, будучи носителем суверенитета, участвует в формировании институтов правового государства, зависит от способности всей системы находить баланс между силой и правом.

Список источников

1. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Мысль, 1965. Т. 1. 752 с.
2. Кант И. Метафизика нравов: в 2-х ч. // Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995. 528 с.
3. Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
4. Гусаим И.В. Философско-правовая трактовка понятия «безопасность» // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 77–82.
5. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / сост. Г. О. Винокур [и др.]. М.: Совет. энцикл., 1935–1940.
6. Белокрылова Е.А., Бевзюк Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Калюжный А.Н. Федеральный закон «О безопасности»: итоги реализации и перспективы развития // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 7–10.
8. Вишняков В.Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 27–39.
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Мигачев Ю.И., Молчанов Н.А. Правовые основы национальной безопасности (административные и информационные аспекты) // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 46–49.
11. Комаров С.А., Попова А.В. Предмет конституционного права: взгляд теоретиков // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 110.

12. Опалев А.В. О некоторых базовых категориях Закона Российской Федерации «О безопасности» и Концепции национальной безопасности Российской Федерации // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: науч.-практ. комментарий / под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. М., 2006. С. 208.

13. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y. & g. Reliable Services, Inc.»: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 мая 1999 г. № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Касаткин П.И., Хрусталева И.М., Аватков В.А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 79–93.

15. Антюхова Е.А. Политические конфликты «Арабской весны»: общее и особенное // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4 (36). С. 260–271

16. Коктыш К.Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 255–260.

17. Морозов В.М. Израиль и средиземноморская безопасность // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 30. С. 91–97.

References

1. Gobbs T. Izbrannyye proizvedeniya: v 2-h t. M.: Mysl', 1965. T. 1. 752 s.
2. Kant I. Metafizika npravov: v 2-h ch. // Kritika prakticheskogo razuma. SPb.: Nauka, 1995. 528 s.
3. Grocij G. O prave vojny i mira: tri knigi, v kotoryh ob'yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publicnogo prava. M.: Ladomir, 1994. 868 s.
4. Gusaim I.V. Filosofsko-pravovaya traktovka ponyatiya «bezopasnost'» // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2025. № 2. S. 77–82.
5. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. / sost. G. O. Vinokur [i dr.]. M.: Sovet. encikl., 1935–1940.
6. Belokrylova E.A., Bevzyuk E.A. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 28 dekabrya 2010 g. № 390-FZ «O bezopasnosti» (postatejnyj). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
7. Kalyuzhnyj A.N. Federal'nyj zakon «O bezopasnosti»: itogi realizacii i perspektivy razvitiya // Voenno-yuridicheskij zhurnal. 2014. № 3. S. 7–10.
8. Vishnyakov V.G. O metodologicheskikh osnovah pravovogo regulirovaniya problem bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2005. № 9. S. 27–39.
9. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 31 dek. 2015 g. № 683. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
10. Migachev Yu.I., Molchanov N.A. Pravovye osnovy nacional'noj bezopasnosti (administrativnye i informacionnye aspekty) // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 1. S. 46–49.
11. Komarov S.A., Popova A.V. Predmet konstitucionnogo prava: vzglyad teoretikov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 10 (95). S. 110.
12. Opalev A.V. O nekotoryh bazovyh kategoriayah Zakona Rossijskoj Federacii «O bezopasnosti» i Konceptii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // FSB Rossii. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti federal'noj sluzhby bezopasnosti po obespecheniyu nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: nauch.-prakt. kommentarij / pod red. V.N. Ushakova, I.L. Trunova. M., 2006. S. 208.
13. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chasti pervoj stat'i 131 i chasti pervoj stat'i 380 Tamozhennogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj zakrytogo akcionernogo obshchestva «Sibirskoe agentstvo «Ekspress» i grazhdanina S.I. Teneneva, a takzhe zhaloboj firmy «Y. & g. Reliable Services, Inc.»: postanovlenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 14 maya 1999 g. № 8-P. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

14. Kasatkin P.I., Hrustalev I.M., Avatkov V.A. Evrobezopasnost', integraciya i «myagkaya sila» migracii v XXI veke // Vestnik MGIMO Universiteta. 2012. № 6 (27). S. 79–93.
15. Antyhova E.A. Politicheskie konflikty «Arabskoj vesny»: obshchee i osobennoe // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 4 (36). S. 260–271
16. Koktysh K.E. Kognitivnye integratory: opyt modelirovaniya social'noj dinamiki // Vestnik MGIMO Universiteta. 2010. № 4. S. 255–260.
17. Morozov V.M. Izrail' i sredizemnomorskaya bezopasnost' // Mezhdunarodnye processy. 2012. T. 10. № 30. S. 91–97.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 22.12.2025

Принята к публикации: 24.02.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 22.12.2025

Accepted for publication: 24.02.2026

Информация об авторах:

Гусаим Иван Вячеславович, научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук (117335, Москва, ул. Гарибальди, д. 21Б), e-mail: GusaimIvan1997@yandex.ru, SPIN-код: 7930-3460, Author ID: 1213086, <https://orcid.org/0009-0006-0379-8523>, Researcher ID: OOM-6346-2025

Information about the authors:

Gusaim Ivan V., researcher at the center for security studies of the Russian academy of sciences (117335, Moscow, Garibaldi str., 21B), e-mail: GusaimIvan1997@yandex.ru, SPIN: 7930-3460, Author ID: 1213086, <https://orcid.org/0009-0006-0379-8523>, Researcher ID: OOM-6346-2025

Научная статья

УДК 343.5; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-40-50

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ КАК ОСНОВАНИЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

✉ Жильский Вячеслав Николаевич.

Управление на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу,
Санкт-Петербург, Россия

✉ zilskiy@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема определения, обеспечения, сохранения духовно-нравственных ценностей современного российского общества как необходимого условия благополучного дальнейшего его развития и как одного из важнейших факторов предотвращения правонарушений, в том числе преступлений. Рассматривается вопрос о понятии духовно-нравственных ценностей, об условиях их формирования и сохранения, факторах, создающих угрозу их существованию, предлагаются меры, способствующие, по мнению автора, обеспечению и сохранению духовно-нравственных основ российского общества.

Ключевые слова: духовность, нравственность, мораль, уголовное право, преступления

Для цитирования: Жильский В.Н. Духовно-нравственные ориентиры как основания предотвращения преступлений // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 40–50. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-40-50

Scientific article

SPIRITUAL AND MORAL GUIDELINES AS A BASIS FOR PREVENTING CRIMES

✉ Zhilsky Vyacheslav N.

Department of transport of the Ministry of internal affairs of Russia for the North-Western federal district, Saint-Petersburg, Russia

✉ zilskiy@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of defining, ensuring, and preserving the spiritual and moral values of modern Russian society, as a necessary condition for its successful further development and as one of the most important factors in preventing offenses, including crimes. The article discusses the concept of spiritual and moral values, the conditions for their formation and preservation, the factors that threaten their existence, and proposes measures that, in the author's opinion, can help ensure and preserve the spiritual and moral foundations of Russian society.

Keywords: spirituality, morality, criminal law, and crimes

For citation: Zhilsky V.N. Spiritual and moral guidelines as a basis for preventing crimes // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 40–50. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-40-50

Введение

Добро и зло – основополагающие фундаментальные категории этики, обозначающие, с одной стороны, то, чего субъект стремится достичь или избежать в своей деятельности, с другой – нравственную правильность или неправильность того или иного действия или направления воли. Сказанное опосредует тесную корреляционную взаимосвязь указанных категорий с понятием нравственности.

Относительно содержания понятия нравственности, как показывают научные исследования, в настоящее время существуют различные подходы. Например, нравственность может быть представлена как осмысленность человеческой деятельности,

в той мере, в какой она зависит от решений самого действующего субъекта, и воплощается в его ответственном существовании [1]. Очевидно, что нравственность является основополагающей категорией, которая является необходимым условием существования общества, совместного сосуществования большого количества людей, каждый из которых обладает своими уникальными, присущими только ему, чертами и качествами. Духовно-нравственные ценности же представляют собой нравственные ориентиры, которые передаются от поколения к поколению и лежат в основе общероссийской гражданской идентичности. Принятые, одобряемые обществом духовно-нравственные ориентиры находят свое воплощение в основных, органических и других законах и иных нормативно-правовых актах. Россия в этом отношении не является исключением.

Теоретические основы и методы исследования

Теоретическую основу исследования составляют методы, принципы философского анализа, формально-юридический, технико-юридического анализа, толкования, функционально-деятельностный, организационно-системный, сущностный, структурно-содержательный, аксиологический, феноменологический и др.

Результаты и обсуждение

В гл. 2 Конституции Российской Федерации, где закрепляются права человека, являющиеся неотчуждаемыми, принадлежащие ему с рождения, такие, как равенство (ст. 19), право на жизнь (ст. 20), уважение достоинства (ст. 21), свобода и личная неприкосновенность, право определять и указывать национальную принадлежность (ст. 26) и остальные. В развитие конституционных положений в настоящее время принят целый ряд нормативных актов, где предельно четко обозначены духовно-нравственные ориентиры российского общества.

Так, прежде всего, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ указывается, что насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности [1]. В Указе Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»² сказано, что «духовная сфера» – это система представлений о мире и человеке, о человеческом обществе и отношениях людей, о ценностях и их иерархии». В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³ в п. 4 говорится, что «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»;

¹О Стратегии национальной безопасности: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 (в ред. от 17 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 7 (ч. II). Ст. 5351.

²Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Рос. Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808 (в ред. от 17 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753.

³Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно - нравственных ценностей: Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

в п. 5: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»; в п. 6: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию». Приоритетное значение имеет Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁴, где в качестве одной из национальных целей развития Российской Федерации поставлена реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности.

В распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996 «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»⁵ говорится: «Приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины». Далее в этом документе в качестве духовно-нравственных ориентиров обозначены семья, интернационализм, дружба, равенство, взаимопомощь народов; уважительное отношение к национальному достоинству людей, их чувствам, религиозным убеждениям; правовая и политическая культура, патриотизм, нравственные чувства (честь, долг, справедливость, милосердие и дружелюбие), способность к сознательному выбору добра, позитивное отношение к людям, уважение к культуре, языкам, традициям и обычаям народов, проживающих в Российской Федерации, знание своей национальной культуры и др.

В распоряжении Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»⁶ отмечается, что ключевыми факторами формирования духовно-нравственного фундамента страны являются вопросы защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, соблюдения конституционных прав граждан в сфере культуры, в том числе права на доступ к культурным ценностям, сохранения исторического и культурного наследия, выполнения задач в области национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации.

По смыслу Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁷ ее обеспечение, среди многих факторов, напрямую зависит от состояния государственной и общественной безопасности. Их обеспечению способствует реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности и прав собственности, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб по защите

⁴О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

⁵Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2015 г. № 996 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 23. Ст. 3357.

⁶О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 11 сент. 2024 г. № 2501-р (в ред. от 6 сент. 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 38. Ст. 5715.

⁷О Стратегии национальной безопасности: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 (в ред. от 17 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 7 (ч. II). Ст. 5351.

основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, совершенствование единой государственной системы профилактики преступности, обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления, а также на формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности. Достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется, в том числе, решением задачи снижения уровня криминализации общественных отношений, развития единой государственной системы профилактики правонарушений. Одной из решающих составляющих, способствующей, по мнению автора, достижению максимальной эффективности при выполнении указанной задачи, является наличие в российском обществе социально зрелой личности, сформировавшейся в духе традиционных для страны духовно-нравственных ценностей. На это направлены перспективные стратегические установки, содержащиеся в Государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345⁸, где справедливо обращается внимание на то, что преступность является социальным явлением, порождаемым множеством различных факторов. По этой причине возможные сценарии развития криминальной ситуации в стране в долгосрочной перспективе зависят в первую очередь от развития ситуации в идеологической, политической, социально-экономической сферах.

Заметим, что сегодня ряд недружественных государств, международных организаций и транснациональных корпораций, иностранных неправительственных организаций, а также различные экстремистские и террористические организации ведут деятельность, направленную на подрыв культурного суверенитета Российской Федерации, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе способствующую обострению конфликтов в глобальном информационном пространстве⁹. В этих условиях целью обеспечения государственной и общественной безопасности является, в том числе, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств.

Действующее уголовное законодательство сегодня осуществляет уголовно-правовую охрану духовно-нравственных ценностей общества. Это, в частности, нормы об ответственности за преступления против жизни и здоровья, против половой неприкосновенности и половой свободы, против свободы личности, чести и достоинства, семьи и несовершеннолетних, против здоровья и общественной нравственности, против мира и безопасности человечества, наконец, это нормы, устанавливающие возраст уголовного вменения и др. [2]. В связи с изложенным заметим: в начале декабря 2025 г. депутат Государственной Думы и председатель партии ЛДПР Л.Э. Слуцкий предложил ввести уголовную ответственность за некоторые преступления с 12 лет. В частности, как сообщается на официальном сайте ЛДПР, уже с этого возраста автор инициативы считает возможным наказывать за убийства и преступления против половой неприкосновенности¹⁰. Нельзя не провести параллель с предшествующим историческим периодом, когда в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних»¹¹ несовершеннолетние, начиная с 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилий, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекались к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания [3].

⁸ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 345 (в ред. от 28 нояб. 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014 (ч. IV). № 18. Ст. 2188.

⁹ Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Рос. Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808 (в ред. от 17 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753.

¹⁰ В России предложили ввести уголовную ответственность с 12 лет. URL: <https://lenta.ru/news/2025/12/07/v-rossii-predlozili-vvesti-ugolovnuyu-otvetstvennost-s-12-let/?ysclid=mj5k8kd7wn424820233> (дата обращения 26.11.2025).

¹¹ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1935. № 81.

Таким образом, анализ вышеуказанных нормативных актов позволяет сделать вывод, что к духовно-нравственным ценностям российского общества можно отнести: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм [4], гражданственность, служение Отечеству, ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, семейное благополучие, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России. Это как раз те духовно-нравственные ценности, которые должны формироваться в обществе, и могут противостоять негативным социальным явлениям, внешним, внутренним угрозам, в том числе преступности.

Нравственность – исходная категория, предшествовавшая появлению права и закона как внешних ее выражений. Первично в процессе сосуществования людей под влиянием внешних условий и субъективных различий между ними, обуславливавших особенности и необходимость выживания в окружающем мире и сосуществования друг с другом, приспособления к условиям внешней среды, возникли первые неофициальные нравственные нормы как регуляторы поведения людей, критерии и правила их взаимоотношений друг с другом. Впоследствии, прошедшие проверку применением в жизни многих первых поколений, с появлением письменности, сформировавшиеся нормы нравственности и морали, принятые и одобренные большинством общества, нашли свое воплощение в текстах первых памятников права, в том числе в нормах уголовного права. Можно уверенно говорить о прямой связи нравственности и норм уголовного права. В свою очередь, само право является порождением таких человеческих категорий, как мораль и нравственность.

Духовно-нравственные ориентиры общества напрямую влияют на поведение его членов, на реализуемую государством политику во всех сферах, в том числе в сфере борьбы с преступностью. По мнению автора, понятия духовность, нравственность, мораль носят по своей природе исторически изменчивый характер, обусловлены господствующими в обществе представлениями о добре и зле, плохом и хорошем. Как правило, в основе этого лежит как положительный, так и отрицательный исторический опыт развития общества. С его накоплением этические состояния, положительно сказывающиеся на обществе, признавались нравственными и моральными, и наоборот, то, что угрожало ему, было опасным, приобретало характер аморальности, становилось тем, отчего необходимо было защищаться. В результате в государственно организованном обществе сложилась единственно возможная формула цивилизованного поведения – каждый противоправный поступок является одновременно аморальным ввиду осуждения его одновременно и государством, и обществом. Однако не каждый аморальный проступок признается противоправным, так как исторически был выработан принцип презумпции невиновности.

Эволюция всего человечества привела к пониманию и осознанию так называемых общечеловеческих ценностей, духовно-нравственных идеалов, которые получили одобрение и закрепление в нормах права большинства государств. В настоящее время сформировались общецивилизационные, общечеловеческие духовно-нравственные ценности, которые закреплены в целом ряде международных нормативных актов (например, Всеобщая Декларация прав человека, Европейская Хартия прав человека и др.). Также проблемой является то, что при наличии большого количества народов, национальностей, государств со своими особенностями исторического культурного развития, среды обитания, объективно существует специфика и разнообразие в понимании духовности и нравственности у разных групп людей, что нередко приводит к противоречиям и даже конфликтам между представителями разных культур, в том числе в оценке противоправности тех или иных проявлений.

Особенно это актуально для российского государства с его многонациональным и многоконфессиональным укладом населения, в связи с чем важным является выработка, закрепление и защита таких духовно-нравственных ценностей, которые признаются и разделяются всем многонациональным народом Российской Федерации. Их воспитание

и генерирование в значительной степени влияет на духовно-нравственное состояние человека, а значит на его устойчивость к совершению возможных противоправных действий, в том числе и совершению уголовно наказуемых деяний, прежде всего тяжких преступлений. Иными словами, на поведение, поступки людей влияет духовно-нравственное воспитание, роль семьи, общества, социальных институтов, в конечном счете, государства, в воспитании человека достаточно велика. История мировых цивилизаций знает сотни примеров, когда небольшая общность людей, объединенных нравственно и духовно, успешно противостояла превосходящей массе людей, не имеющих ментальной основы.

Сказанное с очевидностью опосредует необходимость развития уголовного права постоянно, с учетом меняющихся условий жизни общества, уделяя внимание нормам, направленным на защиту духовности. С этой позиции можно говорить о том, что уголовное законодательство тоже имеет духовно-нравственную составляющую, так как его социальным назначением является именно охрана и защита, в том числе духовно-нравственных, моральных ценностей общества.

После развала СССР, с начала 1990-х гг. какое-либо патриотическое воспитание российского населения перестало проводиться. Это привело к тому, что выросло уже не одно постсоветское поколение, воспитанное не на патриотических чувствах к своей стране и своему народу, своей истории, а на псевдо-ценностях массовой западной культуры, пропагандирующей культ денег, вещей, потребления, как главного мерила состоятельности и успеха, свободных отношений, приоритета физиологических потребностей над духовными и нравственными, на стремлении к материальному благополучию любой ценой, праздному образу жизни, на занижении и высмеивании труда, рабочих профессий. Образование, культура, нравственность, взаимоуважение перестали быть мерилami и показателями состоявшейся личности. Учителя, ученые, врачи, деятели искусства, военные и т.д. перестали быть примерами для подражания. Активно пропагандировалась идея: чтобы благополучно существовать, совсем необязательно учиться, работать, в обществе насаждалась идеология приспособленчества. Активно внушалась идея о необходимости копирования и преклонения перед западными ценностями, ущербности российской культуры. Таким образом, по сути, можно говорить об активном развязывании идеологической войны со стороны западных стран в отношении российского народа с целью навязывания своих идей и ценностей, и посредством этого установления контроля над российским населением, использования российских ресурсов и обогащения за счет этого. В связи с этим нельзя не определить подобные действия недружественных государств как идеологическую диверсию, представляющую собой форму подрывной деятельности коллективного Запада против России. Еще в советское время отмечалось, что цель такой деятельности заключается в ослаблении и расшатывании политического строя государства. Проводится она специальными средствами и часто представляет собой прямое вмешательство во внутренние дела страны, что противоречит общепризнанным нормам международного права и законам государства [5].

В результате начался системный кризис патриотического воспитания, а также кризис духовности, происходила активная подмена традиционных духовных и культурных ценностей на либеральные, а точнее – псевдодемократические. В качестве критерия ценности, успешности личности выступали не духовно-нравственные качества человека, а количество имеющихся у него материальных благ. Как следствие, потребление, лишенное своего естественного содержания и преломленное в уродливой форме господства над личностью, уродует и сознание человека, способствует выработке стереотипа личности, живущей своими личными заботами. При этом духовная деградация личности проявляется, в том числе, в аполитичности, и чем больше человек поддается чувству приобретательства, тем больше он опасается потерять то, что имеет. В условиях современной России это типичное явление. Более того, в течение трех десятилетий под постоянным воздействием средств массовой информации у граждан постепенно сложилось убеждение, что создавать культурные ценности очень просто и для этого нет необходимости иметь образование,

трудиться. При этом дать толчок к пробуждению патриотического сознания может при определенных условиях любое событие или несправедливость в области политики, экономики, культуры. Например, какая-либо внешнеполитическая авантюра или студенческое движение, возникшее на почве недовольства системой образования [6].

Особую тревогу вызывает кризис патриотического воспитания у современной молодежи. Электронными и печатными средствами массовой информации в сознание молодежи длительное время активно внедрялись так называемые либеральные ценности. Очевидно, что происходила активная духовная деградация личности. Молодежь под активным влиянием западной пропаганды, прежде всего через сеть «Интернет», сформировала свою неформальную молодежную субкультуру, что нашло выражение в образе жизни, стремлениях, манере поведения, внешнем облике, лексиконе. Причиной этого выступает отсутствие интереса к трудовой деятельности, невозможность оплатить культурный досуг, что заставляет людей обращаться к эрзац-культуре, тем самым компенсируя свою творческую неудовлетворенность материальным потребительством. Конечно, такого рода компенсация искусственна и истинного удовлетворения не принесет [7].

В этих условиях важно правильно и своевременно закладывать в сознании граждан принятые в обществе духовно-нравственные ценности. Чем выше духовно-нравственные ориентиры, тем ниже уровень преступности. Появляющиеся опасные посягательства на духовно-нравственные ценности должны оперативно выявляться и пресекаться как со стороны общества, так и со стороны государства, в том числе путем ужесточения уголовной политики, норм уголовного законодательства.

Духовно-нравственные ценности, принятые в обществе, – это, как правило, те цели, которые пытаются опорочить враги государства, желающие его гибели. Об этом надо помнить всегда и особенно сейчас, когда исторически сложившиеся, многовековые, выстраданные поколениями, исконно российские многовековые духовно-нравственные ценности (патриотизм, любовь к ближнему, взаимопомощь, доброта, духовность) поставлены под угрозу. Когда в настоящее время против России ведется гибридная война на всех уровнях: политическом, экономическом, духовно-нравственном, правовом, военном и т.д. Агрессия идет как извне, так и с помощью подрыва духовно-нравственных устоев российского общества изнутри, используя морально неустойчивых, асоциальных элементов, пытаются оказывать влияние на сознание населения, в первую очередь молодежи. Цель – разложить мораль, нравственность, духовность российского народа и, как следствие, гибель российского государства. Эта практика не нова. Так, в годы Второй мировой войны спецслужбы Германии активно занимались вербовкой таких элементов и пытались через них проводить диверсии и дестабилизировать обстановку. Именно на это была направлена вся идеологическая программа Генерального плана «Ост». Последний, в частности, предусматривал уничтожение всякого образования на территории СССР, за исключением начального. При этом программа должна была включать «простой счет, самое большое – до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным» [8]. В целях мимикрирования советской духовности даже радиотрансляция на временно оккупированных фашисткой Германией территориях эквивалентно выдерживала пропорцию между информационными, открыто агитационными и развлекательными программами (30 % – 20 % – 50 %) [9].

В связи со сказанным следует иметь в виду, что у российского государства имеется богатый исторический опыт по выявлению и пресечению таких видов деятельности, который может и должен быть использован в настоящее время, в том числе в области уголовной юстиции и в сфере кары. Автор полагает, что в области обеспечения государственных интересов наказание как форма государственного принуждения характеризуется правовой природой. Рассмотрение права и преступности как социально-культурных детерминант позволяет говорить о наказании как о специфическом проводнике, обеспечивающем взаимное проникновение и взаимное влияние антиподов (антикультур) права и преступности [10]. В то же время

государство обладает широким арсеналом принудительных средств, универсально охватывающих любую область жизнедеятельности. Набор принудительных методов, их объем, интенсивность и селекция в применении в различные исторические периоды зависит от сущности и целей государства, экономических, политических и социальных задач, решаемых на данном этапе эволюции, внешнеполитического фактора, типа господствующего политического режима, партийного характера публичной власти, доминирующего положения определенной социально-классовой группы, наличия, организованности и степени активности оппозиционных режиму сил, динамики, структуры и детерминант уголовной преступности, криминогенной обстановки в стране, идеологических установок, привлекающих большую часть населения, от уровня общей и правовой культуры, образования, и, в конце концов, ментальности и цивилизованности общества [11]. Однако абсолютно неверно будет связывать усиление борьбы с преступностью только с ужесточением репрессии и нарушением прав человека и гражданина. Дело в том, что проводимая политика гуманизации правоприменительной практики должна быть связана с дифференцированным подходом к правонарушителю, с обязательным учетом негативных тенденций преступности. По меткому замечанию А.Ф. Кони, «наказание есть не только правовое, но и бытовое явление, и его нельзя прилагать механически ко всякому однородному преступлению одинаково» [12]. Поэтому справедливо утверждение, согласно которому устрашение наказанием как средство превенции не потеряло значения, но главное в сфере борьбы с преступностью – это такое воздействие на общественное сознание, в особенности на сознание неустойчивых в криминогенном отношении граждан, которое убеждало бы в «невыгодности» занятия преступной деятельностью [13]. При этом, как предлагает профессор Р.А. Ромашов, если рассматривать наказание как факультативный элемент юридической ответственности, то, прежде всего, следует отказаться от принципа неотвратимости наказания и заменить его принципом неотвратимости юридической ответственности [14].

Следует иметь в виду, что преступник, по меткому определению А.А. Герцензона, это индивид, совершивший общественно-опасное деяние на почве конкретной жизненной ситуации в силу наличия у него антиобщественных, аморальных взглядов, он является нарушителем нравственных устоев общества, и его поведение выступает вызовом морали и правилам общежития [15]. Иными словами, он представляет собой ту органическую субстанцию, у которой уже сложились в неблагоприятном направлении мировоззрение, моральные взгляды, привычки, которые, по сути, и опосредуют его антиобщественное реагирование на конкретную жизненную ситуацию. Человек живет не только в сфере материального, но и, как отмечал Л.И. Спиридонов, в сфере духовного производства, он подвержен воздействию общества и через факторы сознания [16].

Несомненно, что реализация уголовной политики предполагает, в том числе, и реагирование на посягательства на духовные ценности, на изменения в духовно-нравственной сфере. Причем, важно отметить, для того чтобы уголовный закон был нравственным и моральным, принимающие его законодатели сами должны обладать высокими духовно-нравственными и моральными качествами, должны верить в те моральные и духовные идеалы, которые отражаются затем в текстах законов и других нормативных актов.

Выводы

Таким образом, можно выделить следующие факторы, негативно влияющие на ценностные ориентиры молодежи:

1. Пассивная, на фоне «прозападного» информационного потока, пропаганда российской культуры и духовных ценностей; их девальвация и замещение «западными».
2. Несоответствие официального освещения жизни и событий в стране реальному положению дел.
3. Отсутствие понятной и ярко выраженной цели государственного развития.

Тем не менее сегодня постепенно молодежь приходит к правильному пониманию современных политических реалий. Очевидно, что сейчас она гораздо ближе к истине, чем в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В этом, конечно, немалая заслуга современных позитивных тенденций в области укрепления государственного суверенитета. В силу изложенного, патриотическое, духовное, нравственное воспитание российского населения должны быть приоритетными направлениями деятельности со стороны существующих властных структур.

По мнению автора, чем выше будут духовно-нравственные ориентиры в обществе, тем эффективнее они будут противостоять преступности. С целью их укрепления и, как следствие, повышения эффективности борьбы с преступностью, автор полагает, необходимым следующее:

1. Усиление контроля государства за средствами массовой информации (СМИ), в том числе информационным пространством сети «Интернет», социальными сетями, мессенджерами.

2. Разработка критериев оценки соответствия требованиям нравственности, духовности и морали в медийном пространстве, печатных изданиях и других СМИ.

3. Всесторонняя поддержка института семьи, активная пропаганда традиционных семейных ценностей.

4. Дальнейшее развитие централизованных государственных детских, юношеских и молодежных организаций, целью которых будет пропаганда и воспитание общепризнанных человеческих и традиционных российских ценностей, здорового образа жизни и физической культуры.

5. Введение в образовательные программы предметов, направленных на духовно-нравственное воспитание учащихся всех уровней и форм образования.

6. Активное продвижение в обществе традиционных духовно-нравственных ценностей, в том числе через СМИ и все виды традиционного и современного искусства.

7. Изучение и использование опыта оперативно-служебной деятельности органов НКВД СССР и ГУКР «СМЕРШ» и создание методических рекомендаций по разработке и ликвидации коллаборационистского движения.

Безусловно, проблема духовно-нравственных ценностей является более широкой, чем обозначено в рамках данной статьи, она требует дальнейшего всестороннего исследования с целью выработки эффективных предложений по укреплению духовно-нравственной сферы общества и посредством этого профилактики преступности.

Список источников

1. Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/?ysclid=miyt8hk2bq748499490> (дата обращения: 09.12.2025).
2. Паскарь С.С., Шеншин В.М. Причинение смерти по неосторожности медицинским работником // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 176–179. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-3-176-179. EDN IYPCMY.
3. Жаркой М.Э. Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР в 1930–1940-е гг.: демонизация и действительность // Ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда. Защита несовершеннолетних от насилия: сб. материалов Междисциплинарного межведомственного круглого стола. СПб.: Следственный комитет Рос. Федерации; ФГОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»; Ин-т повышения квалификации, Шестой фак-т повышения квалификации; ЧОУ ВО «Балтийский институт экологии, политики и права», 2014.
4. Шеншин В.М. Патриотизм как фактор формирования государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, роль Росгвардии в указанном процессе // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 11 (340). С. 39–46. EDN LUTVWG.

5. Андропов Ю.В. Идеологическая диверсия – отравленное оружие империализма // Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. Избранные речи и статьи. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1984. 559 с.
6. Розенталь Э.М. В поисках идеала. М.: Политиздат, 1976. 344 с.
7. Розенталь Э.М. Парадоксы протеста. Очерки о молодежи Запада. М.: АПН, 1985. 274 с.
8. Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 383 с.
9. Внимание, говорит Германия... Гитлеровская радиопропаганда против СССР в годы Второй мировой войны. URL: <https://mil-history.livejournal.com/841822.html?ysclid=mjn2g0i92v687112275> (дата обращения: 26.11.2025).
10. Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность. СПб.: Алетейя, 2018. 274 с.
11. Жаркой М.Э., Козлов А.Е. Наказание и карательная политика государства (к проблеме теоретического осмысления) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3.
12. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Избранные произведения. М.: ГИ Юрид. лит – ры, 1956. 888 с.
13. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 144 с.
14. Ромашов Р.А. Философия права и преступления. СПб.: Алетейя, 2015. 344 с.
15. Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М.: Юрид. лит-ра, 1979. 286 с.
16. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М.: Юрид. лит-ра, 1986. 240 с.

References

1. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. URL: <https://old.bigenc.ru/?ysclid=miyt8hk2bq748499490> (data obrashcheniya: 09.12.2025).
2. Paskar' S.S., Shenshin V.M. Prichinenie smerti po neostorozhnosti medicinskim rabotnikom // Kriminologicheskij zhurnal. 2023. № 3. S. 176–179. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-3-176-179. EDN IYPCMY.
3. Zharkoj M.E. Ugolovno-pravovye mery bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnih v SSSR v 1930–1940-e gg.: demonizaciya i dejstvitel'nost' // Otvetstvennost' dolzhnostnyh lic i grazhdan za narushenie prav i zakonnyh interesov rebenka, prichinenie emu vreda. Zashchita nesovershennoletnih ot nasiliya: sb. materialov Mezhdisciplinarnogo mezhvedomstvennogo kruglogo stola. SPb.: Sledstvennyj komitet Ros. Federacii; FGOU VO «Akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii»; In-t povysheniya kvalifikacii, Shestoj fak-t povysheniya kvalifikacii; CHOU VO «Baltijskij institut ekologii, politiki i prava», 2014.
4. Shenshin V.M. Patriotizm kak faktor formirovaniya gosudarstvennoj politiki v sfere obespecheniya gosudarstvennoj i obshchestvennoj bezopasnosti, rol' Rosgvardii v ukazannom processe // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2025. № 11 (340). S. 39–46. EDN LUTVWG.
5. Andropov Yu.V. Ideologicheskaya diversiya – otravlennoe oruzhie imperializma // Leninizm – neischerpaemyj istochnik revolyucionnoj energii i tvorchestva mass. Izbrannye rechi i stat'i. M.: Izd-vo polit. lit-ry, 1984. 559 s.
6. Rozental' E.M. V poiskah ideala. M.: Politizdat, 1976. 344 s.
7. Rozental' E.M. Paradoksy protesta. Ocherki o molodezhi Zapada. M.: APN, 1985. 274 s.
8. Ermolov I. Tri goda bez Stalina. Okkupaciya: sovetskie grazhdane mezhdu nacistami i bol'shevikami. 1941–1944. M.: ZAO Centrpoligraf, 2010. 383 s.
9. Vnimanie, govorit Germaniya... Gitlerovskaya radiopropaganda protiv SSSR v gody Vtoroj mirovoj vojny. URL: <https://mil-history.livejournal.com/841822.html?ysclid=mjn2g0i92v687112275> (data obrashcheniya: 26.12.2025).
10. Romashov R.A. Pravo: normativnost' i deviantnost'. SPb.: Aleteyja, 2018. 274 s.

11. Zharkoj M.E., Kozlov A.E. Nakazanie i karatel'naya politika gosudarstva (k probleme teoreticheskogo osmysleniya) // Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami. 2015. № 3.
12. Koni A.F. Nравstvennye nachala v ugovnom processe // Izbrannye proizvedeniya. M.: GI Yurid. lit – ry, 1956. 888 s.
13. Alekseev A.I., Ovchinskij V.S., Pobegajlo E.F. Rossijskaya ugovnaya politika: preodolenie krizisa. M.: Norma, 2006. 144 s.
14. Romashov R.A. Filosofiya prava i prestupleniya. SPb.: Aletejya, 2015. 344 s.
15. Gercenzon A.A. Ugolovnoe pravo i sociologiya. M.: Yurid. lit-ra, 1979. 286 s.
16. Spiridonov L.I. Sociologiya ugovnogo prava. M.: Yurid. lit-ra, 1986. 240 s.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 13.12.2025

Принята к публикации: 11.01.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 13.12.2025

Accepted for publication: 11.01.2026

Информация об авторах:

Жильский Вячеслав Николаевич, начальник Управления по работе с личным составом Управление на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу (191124, Санкт-Петербург, ул. Ярославская, д. 4), e-mail: zilskiy@yandex.ru, SPIN-код: 5560-8940

Information about the authors:

Zhilsky Vyacheslav N., head of the Department of personnel management of the Department of transport of the Ministry of internal affairs of Russia for the North-Western federal district (191124, Saint-Petersburg, Yaroslavskaya str., 4), e-mail: zilskiy@yandex.ru , SPIN: 5560-8940

Научная статья

УДК 343.5; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-51-57

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

✉ **Маюров Николай Петрович.**

**Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия.**

Макаров Дмитрий Андреевич.

**Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия**

✉ mayurov2010@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена изучению проблематики проведения кодификационных работ в Византийской империи. Целью настоящего исследования является выявление основных этапов работ по систематизации нормативных актов Византии на различных этапах её развития, а также изучение самого механизма кодификации, особенности применяемых византийскими правоведами методов для выявления их наиболее характерных закономерностей. При написании работы использовались различные общенаучные и специальные юридические методы исследования, включая анализа и синтеза, юридической формализации и др. Работа базируется на принципе историзма, изучаемые правовые явления исследуются в контексте исторической эпохи их существования. В ходе проведённого исследования были сделаны выводы относительного высокого уровня развития юридической культуры в Византийской империи, системности и использования профессиональных научных подходов византийскими правоведами. Они сохраняются и во многом используются в современной юридической науке.

Ключевые слова: Византия, Василевс, Дигесты, кодификация, систематизация законодательства, иконоборцы, Морской закон, право, Прохирон, Эклога

Для цитирования: Маюров Н.П., Макаров Д.А. Систематизация законодательства в Византийской империи // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 51–57. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-51-57

Scientific article

SYSTEMATIZATION OF LEGISLATION IN THE BYZANTINE EMPIRE

✉ **Mayurov Nikolay P.**

**State university of marine and river fleet named after admiral S.O. Makarov,
Saint-Petersburg, Russia.**

Makarov Dmitry A.

Saint-Petersburg university of management technologies and economics, Saint-Petersburg, Russia

✉ mayurov2010@mail.ru

Abstract. This work is devoted to the study of the problems of conducting codification work in the Byzantine Empire. The purpose of this study is to identify the main stages of work on the systematization of legal acts of Byzantium at various stages of its development, as well as to study the mechanism of codification itself, the features of the methods used by Byzantine legal scholars to identify their most characteristic patterns. When writing the work, various general scientific and special legal research methods were used, including analysis and synthesis, legal formalization, and others. The work is based on the principle of historicism, and the legal phenomena studied are examined in the context of their historical era. The study concluded that the Byzantine Empire had a high level of legal culture, and that Byzantine legal scholars used systematic and professional approaches.

Keywords: Byzantium, Basileus, Digest, codification, systematization of legislation, iconoclasts, Maritime Law, law, Prochiron, Ecloga

For citation: Mayurov N.P., Makarov D.A. Systematization of Legislation in the Byzantine Empire // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 51–57. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-51-57

Введение

Актуальность тематики представленной статьи связана с исключительной важностью изучения истории государства и права Византийской империи. Существует значительный интерес отечественных и зарубежных исследователей к изучению проблем развития византийского общества, а также государства и права Византийской империи. Особенности византийской правовой культуры были предметом научных исследований многих ученых как прошлого, так и современности. Большое внимание исследованию вопроса церковной истории уделяли дореволюционные византинисты М.И. Бенеманский, Ф.И. Успенский, Н.А. Скабаланович, И.П. Медведев и др. Повседневная правовая жизнь византийского общества находила свое проявление во многих аспектах, к основным из которых необходимо отнести, в том числе, повседневную законодательную деятельность, что немаловажно в условиях Византии, в силу того, что она неразрывно связана с именно с повседневной преподавательской и научной деятельностью выдающихся правоведов. В этом была одна из важнейших уникальных особенностей повседневной жизни византийского общества.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с проведением работ по систематизации законодательства в Византийской империи.

Предметом исследования являются кодификации византийского законодательства.

Материалы и методы исследования

Были использованы различные общенаучные и специальные юридические методы и принципы научного исследования: метод критического анализа и синтеза (при изучении документов), метод реконструкции (при составлении плана работы), метод моделирования, сравнительно-исторический метод (при написании выводов), метод юридической формализации, системный метод и др. В работе использовались принципы научности, комплексности, всесторонности, историзма, юридической формализации и объективности. Источниками исследования выступают различные документальные свидетельства, фиксирующие содержательные черты системы византийского права, отраженные в имперских законодательных актах, документах правоприменительной, политической и иной практики общественных отношений.

Результаты исследования

Развитие византийского законодательства было неразрывно связано с основными социальными процессами, происходившими в истории страны. Империя переживала многочисленные вторжения варваров, массовую гибель населения и основной массы городов в VII в. Происходили процессы развития феодальных отношений на фоне кризиса основ античного права и государства. Немаловажными были и изменения в области культуры и религии. Данные процессы находили своё отражение в развитии византийского государства и права. В целом в своих наиболее принципиальных чертах история развития византийского законодательства насчитывает пять основных этапов [1].

Первый период в становлении и развитии византийского права представляет собой развитие законодательства в восточных провинциях Римской империи с IV в. до 717 г., правовых реформ Исаурийской династии. Данный период охватывает правление следующих династий: Константина (306–361 гг.), Валентиниана-Феодосия (364–457 гг.), Льва (457–518 гг.), Юстиниана (518–602 гг.) и Ираклия (610–695 гг., 705–711 гг.). Данный период характеризуется постепенным превращением античной Римской империи в христианское государство. По сути,

античность в Византии сменяется средневековьем в аспекте особенностей государства и права только после VII в. До этого законодательство византийских императоров продолжало античную традицию. Кодекс Феодосия, Дигесты императора Юстиниана, его Кодекс и Институции и другие памятники законодательства относятся к римскому праву постклассического периода. В нем уже прослеживаются некоторые тенденции к зарождению феодальных отношений.

Второй период в истории развития византийского права связан с законодательством императоров иконоборцев. Происходит процесс трансформации древних норм римского права в соответствии с реалиями средневекового государства. Важной особенностью является и стремление к гуманизации законодательства. Он охватывает 717–867 гг. Время правления династий Исаврийской (717–802 гг.), Никифора (802–820 гг.), и Аморийской (820–867 гг.).

Третий период развития государства и права связан с императорами Македонской династии и последующих правителей до завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. Время правления династий Македонской (867–1059 гг.), Комнинов (1059–1185 гг., кроме 1059–1081 гг.), Ангелов (1085–1204 гг.). Особое место занимают так называемое «Македонское возрождение» в истории Византии и законодательство Комнинов.

Четвертый период охватывает время латинской империи и других государств, созданных крестоносцами. С 1204 по 1261 г. происходит развитие законодательства и права в оккупированной стране под влиянием завоевателей.

Пятый период развития византийского права включает в себя время с освобождения Константинополя от латинян до гибели Византии в результате турецкого завоевания в 1453 г. [2]. Следует отметить, что данный период характеризуется тем, что страна и фактически, и во многом юридически утратила свое единство и распалась на ряд независимых владений, включая Морею, Эпирский деспотат, Трапезундскую империю и др. Он отличается общей деградацией византийской государственности и права.

В Византии, которая отличалась достаточно сложной системой административных учреждений, имелся специальный орган по осуществлению законотворческой работы – Консистерий. Формировались и отдельные законодательные комиссии, осуществлявшие разработку законопроектов, предлагавшихся на утверждение императорам, например, под руководством Трибониана, Феофила и др.

Консистерий существовал уже при Адриане (117–138 гг.). Собственно, именно сотрудники Консистерия и проводили работы, связанные с систематизацией и кодификацией законодательства. Первым проектом по систематизации норм римского права было законотворчество Феодосия II (408–450 гг.). «Codex Theodosianus» был принят в 438 г. [3]. В данном законодательном акте были воедино сведены законы, начиная с времени правления императора Константина до эпохи Феодосия II. Издание данного акта разделило источники права для Восточной и Западной частей Римской империи. Речь идет о формировании права Византии, кроме этого прослеживается противоречие в законотворчестве христианских императоров с мнениями, отраженными в классических трудах римских юристов [4].

Юстиниан I (527–565 гг.) провел наиболее значительную кодификационную работу в истории Византии. В 528 г. была сформирована законодательная комиссия, в которую вошли наиболее известные юристы [5]. Она работала под руководством Трибониана и Феофила. Были собраны воедино в содержательном и хронологическом порядке императорские акты, начиная со времени правления императора Адриана. Они изначально уже были включены в Григорианский, Гермогенианский и Феодосиевский кодексы.

Данная объемная работа была в целом завершена в 529 г. Тексты императорских актов были опубликованы в XII книгах как «Codex Justiniani». В последующем данная законодательная работа получила иносказательное название «Corpus juris civilis» [6]. Указанные кодификации императора Юстиниана I включают три отдельные части, а именно: Институции, Дигесты (Пандекты) и, собственно, Кодекс.

В VII–VIII вв. Византия сталкивается с одним из тяжелейших кризисов в своей истории, который мог стать причиной её гибели. Происходят значительные социально-экономические и культурные изменения в византийском обществе. Исаврийцы формируют

новый свод светского законодательства. Он сохранял свою силу в VIII–IX вв. Кодификации императоров Исаурийской династии включают Эклогу, Морской, Земледельческий, Военный и Моисеев закон.

Следует отметить, что сохраняют свое действие и новеллы императора Юстиниана I, а также акты других императоров. Эклога представляет собой важнейшую часть кодификации. В данном акте указывается цель его издания и основные принципы, на которых он базируется: «Выборка законов вкратце, произведённая Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми царями, из Институций, Дигест, Кодекса и новелл Великого Юстиниана с исправлением в смысле большего человеколюбия» [7]. Акт принят Василевсами Львом и Константином. Эклога состоит из 18 титулов: 1, 2 и 3 титулы – семейное право; 4 титул посвящен односторонней сделке – дарению; 5 и 6 титулы включают наследственное право; 7 титул содержит нормы об опеке и попечительстве; 8 титул посвящен рабам; 9–13 титулы – гражданско-правовые (купля-продажа, займа, аренда, найма и др.); 14 титул посвящен процессуальному положению свидетелей; 15 титул описывает мировые соглашения; 16 титул правовое положение стратиотов и чиновников; 17 титул – уголовное и уголовно-процессуальное право; 18 титул – военное право.

Морской закон («*Nomos nauticos*») является записью обычного права, в которой содержится положение об институте «общей аварии», фрахт, судовождение и т.п., известен ранее также как «Родосский закон» [8].

Земледельческий закон является изначально частной, но признаваемой государством компиляцией норм обычного права земледельческих общин, существовавших в данный период. В нём происходит главным образом переплетение норм обычного варварского права и законодательства императора Юстиниана [9]. Он отличается относительной архаичностью, но фиксирует, что основной массой населения Византии являлись члены свободных крестьянских общин, обрабатывавших, как правило, государственную землю.

Военный закон содержит нормы дисциплинарного права, а также регулирует особенности применения мер уголовной ответственности по отношению к военнослужащим. Включает 41 статью, нормативные положения, уже содержащиеся в законодательстве Юстиниана I, Эклоге и др. Его нормы упоминаются в последующем в Прохироне, Василиках, Стратигоне Маврикия и др.

Моисеев закон («*Nomos Mosaikos*») является извлечением из Пятикнижия. В основе лежат религиозные предписания из Ветхого Завета. Как правило, это были буквальные цитаты, объединённые в 50 главах [10].

В дальнейшем в IX в. осуществляются новые кодификационные работы. Императоры Македонской династии отвергли политику иконоборчества и многие нормативные положения своих предшественников. Они провозгласили, что необходимо «очистить добрые законоположения» от «извращений» иконоборцев. Василий Македонянин и Лев Мудрый провели работу по очищению законодательства от уже устаревших и фактически не применявшихся нормативных актов. Империя оправилась от предыдущего кризиса и переживала расцвет своей государственности. Численность населения во многом восстановилась, экономика находилась на подъёме. Страна являлась самой сильной в регионе Восточного Средиземноморья.

В 870–878 гг. Василий Македонянин и его соправители Константин и Лев приняли кодекс под названием «Прохирон», то есть «ручная книга» [11]. В 884 г. был издан свод «Ревизия древних законов», в котором содержались сохранившие юридическую силу законодательные акты Юстиниана I. Прохирон был своеобразным учебником по праву. Он был необходим для понимания важнейших положений иных кодифицированных актов Македонской династии.

Эпанагога в систематическом виде включает важнейшие положения учения о государственной власти и церкви. Нормативно определяется соотношение двух ветвей публичной власти – духовной и светской. Они должны функционировать синхронно, без конфликтов между собой, на основе принципа «симфонии» [12].

Лев Мудрый (Философ) в 888–889 гг. принял Василики как «очищенный» свод законодательства императора Юстиниана I. Данное название закрепилось за этой кодификацией с X в. (буквально – «царские законы»). Положения законодательных актов в Василиках изложены более компактно и последовательно, чем в Своде Юстиниана. Василики включают 60 книг, которые по традиции разделены на титулы и в дальнейшем на отдельные фрагменты. Титулы после заглавия включают отрывок из трудов римских юристов, после чего следуют цитаты из Кодекса, Институций и Новелл императора Юстиниана I. При этом в сами Василики не были включены в нормы законодательства Юстиниана I, которые устарели к моменту составления. Во время правления Льва VI была составлена и «Книга епарха» – кодификация административных профессиональных коллегий столицы [13].

Заключение

В работе делаются выводы относительно специфики юридического быта Византийской империи:

1. Принцип профессионализма и профессионального знания лежал в основе разработки законодательных актов и вынесения судебных решений.
2. Уникальной особенностью Византии является повседневная работа профессиональных юристов, именно их взгляды были фундаментом нормативных предписаний Византии.
3. Для византийцев обычная повседневная работа юристов была основой для формирования права.
4. В Византии составление письменных юридических документов, работа нотариата и т.п. были обычной практикой.
5. Выдающиеся правоведы соединяли в своей повседневной работе практическую деятельность в качестве судей, сотрудников Консistorия и т.п., законотворческую деятельность по подготовке нормативных актов и научную, а также преподавательскую деятельность.
6. Наука, преподавание, правотворчество и учебная деятельность были принципиально неразрывным процессом повседневной работы византийских правоведов.
7. Были подготовлены все кодификации.
8. Учебники по праву получали статус нормативных актов.
9. Профессиональная повседневная работа византийских правоведов была уникальной особенностью жизни византийского общества.

Список источников

1. Андруевич В.В. Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л.Л. Кофинова. Ин-т Всеобщей истории РАН; юрид. фак-т МГУ: Зерцало, 1998. 400 с.
2. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. 576 с.
3. Karl Eduard Zachariä von Lingenthal Geschichte des Griechisch-römischen rechts. Berlin, 1892. 472 p.
4. Liebeschütz W. Decline and fall of the Roman City. Oxford and New York: Oxford University Press, 2001. 479 p.
5. Perles J. Thron und Circus des Königs Solomo // Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. Breslau, 1872. P. 122–139.
6. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
7. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст. Е.Э. Липшиц. М., 1965. 226 с.

8. Сюзюмов М.Я. Морской закон // Античная древность и средние века. Свердловск, 1969. Вып. 6. С. 3–54.
9. Византийский земледельческий закон / под. ред. И.П. Медведева. Л.: Наука, 1984. 280 с.
10. Бенешевич В.Н. Синагога из 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. Книги древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб.: Изд-во Русск. Археолог. Общ., 1914. 345 с.
11. Бенеманский М.И. Прохирон императора Василия Македонянина. Сергиев-Посад.: Тип. Троице Сергиевой Лавры, 1906. 556 с.
12. Κωνσταντίνου Αρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ή Έξά βιβλος / Κωνσταντίνου Αρμενοπούλου / Έπιμέλεια Κ. Γ. Πιτσάκη. Αθήνα, 1971.
13. «Книги законные» содержат в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судейские. Издано вместе с греческими подлинниками и с историко-юридическим введением А. Павлова, засл. орд. проф. имп. Моск. ун-та / под ред. А. Павлова. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1885. 92 с.

References

1. Andrushevich V.V. Institucii Yustiniana / per. s lat. D. Rassnera; pod red. L.L. Kofinova. In-t Vseobshchej istorii RAN; yurid. fak-t MGU: Zercalo, 1998. 400 s.
2. Medvedev I.P. Pravovaya kul'tura Vizantijskoj imperii. SPb.: Aletejya, 2001. 576 s.
3. Karl Eduard Zachariä von Lingenthal Geschichte des Griechisch-römischen rechts. Berlin, 1892. 472 p.
4. Liebeschütz W. Decline and fall of the Roman City. Oxford and New York: Oxford University Press, 2001. 479 p.
5. Perles J. Thron und Circus des Königs Solomo // Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. Breslau, 1872. P. 122–139.
6. Pamyatniki rimskogo prava: Zakony XII tablic. Institucii Gaya. Digesty Yustiniana. M.: Zercalo, 1997. 608 s.
7. Ekloga. Vizantijskij zakonodatel'nyj svod VIII veka / vstup. st. E.E. Lipshic. M., 1965. 226 s.
8. Syuzyumov M.Ya. Morskoj zakon // Antichnaya drevnost' i srednie veka. Sverdlovsk, 1969. Vyp. 6. S. 3–54.
9. Vizantijskij zemledel'cheskij zakon / pod. red. I.P. Medvedeva. L.: Nauka, 1984. 280 s.
10. Beneshevich V.N. Sinagoga iz 50 titulov i drugie yuridicheskie sborniki Ioanna Skholastika. Knigi drevnejshej istorii istochnikov prava greko-vostochnoj cerkvi. SPb.: Izd-vo Russk. Arheolog. Obshch., 1914. 345 s.
11. Benemanskij M.I. Prohiron imperatora Vasiliya Makedonyanina. Sergiev-Posad.: Tip. Troice Sergievoj Lavry, 1906. 556 s.
12. Κωνσταντίνου Αρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ή Έξά βιβλος / Κωνσταντίνου Αρμενοπούλου / Έπιμέλεια Κ. Γ. Πιτσάκη. Αθήνα, 1971.
13. «Knigi zakonnye» sodержat v sebe v drevnerusskom perevode vizantijskie zakony zemledel'cheskie, ugolovnye, brachnye i sudejskie. Izdano vmeste s grecheskimi podlinnikami i s istoriko-yuridicheskim vvedeniem A. Pavlova, zasl. ord. prof. imp. Mosk. un-ta / pod red. A. Pavlova. SPb.: Tip. imp. Akad. nauk, 1885. 92 s.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 27.01.2026

Принята к публикации: 28.03.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 27.01.2026

Accepted for publication: 28.03.2026

Информация об авторах:

Маюров Николай Петрович, профессор кафедры теории и истории государства и права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова (198035, Санкт-Петербург, ул. Двинская, д. 5/7), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, e-mail: mayurov2010@mail.ru, SPIN-код: 1851-3493

Макаров Дмитрий Андреевич, заведующий кафедрой административного права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44, лит. А), кандидат юридических наук, доцент, e-mail: dim36817245@yandex.ru

Information about the authors:

Mayurov Nikolay P., professor of the department of theory and history of state and law of the State university of marine and river fleet named after admiral S.O. Makarov (198035, Saint-Petersburg, Dvinskaya str., 5/7), doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, e-mail: mayurov2010@mail.ru, SPIN: 1851-3493

Makarov Dmitry A., head of the department of administrative law and process of the Saint-Petersburg university of management technologies and economics (190103, Saint-Petersburg, Lermontovsky ave., 44, lit. A), candidate of law, associate professor, e-mail: dim36817245@yandex.ru

Научная статья

УДК 340; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-58-66

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЭКОНОМИКА И ПРАВО

✉ Рассказов Леонид Павлович.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Россия

✉ rasskasov@mail.ru

Аннотация. Раскрываются правовые и экономические вопросы обеспечения продовольственной безопасности в условиях глобализации. Раскрыто, что состояние экономического развития многих государств находится в необратимом критическом состоянии, которое определяет проблемы продовольственной самодостаточности первостепенными, требующими принятия своевременных адекватных мер правового и экономического характера. Показано, что утеря порога продовольственной независимости – это экономическое состояние, при котором страна находится в тяжелом, критическом (на длительную перспективу) необратимом состоянии, что является угрозой суверенитету. Рекомендовано определить приоритеты по нейтрализации внутренних и внешних угроз, выделив вопросы финансирования и нормативно-правового регулирования сельскохозяйственной отрасли.

Ключевые слова: суверенитет государства, продовольственная безопасность, угрозы суверенитету, аграрная политика, правовое регулирование, экономическое развитие

Для цитирования: Рассказов Л.П. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности в условиях глобализации: экономика и право // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 58–66. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-58-66

Scientific article

PROBLEMS OF ENSURING FOOD SECURITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: ECONOMICS AND LAW

✉ Rasskazov Leonid P.

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

✉ rasskasov@mail.ru

Abstract. The article reveals the legal and economic issues of ensuring food security in the context of globalization. It is revealed that the state of economic development of many states is in an irreversible critical state, which defines the problems of food self-sufficiency as paramount, requiring timely adequate legal and economic measures. It is shown that the loss of the threshold of food independence is an economic condition in which the country is in a severe, critical, irreversible state for the long term, which is a threat to sovereignty. It is recommended to determine priorities for neutralizing internal and external threats, highlighting issues of financing and regulatory regulation of the agricultural sector.

Keywords: state sovereignty, food security, threats to sovereignty, agricultural policy, legal regulation, economic development

For citation: Rasskazov L.P. Problems of ensuring food security in the context of globalization: economics and law // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 58–66. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-58-66

В условиях экономической и социально-политической нестабильности в современном мире особую актуальность приобретает сфера обеспечения продовольственной безопасности страны. При этом состояние экономического развития многих государств находится в необратимом критическом состоянии, которое определяет проблемы продовольственной самодостаточности первостепенными, требующими принятия своевременных адекватных мер правового и экономического характера, устраняющих соответствующие угрозы суверенитету государства [1]. Наличие собственных продовольственных ресурсов является гарантией стабильности и государственного суверенитета [2–7].

В соответствии с п. 6 Указа Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»: «продовольственная безопасность является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в долгосрочном периоде, фактором сохранения ее государственности и суверенитета»¹.

В общей системе обеспечения продовольственной независимости ключевое место занимают регионы страны, особенно крупные мегаполисы. Насыщение рынка доступными в ценовом сегменте, доброкачественными продуктами питания – повседневная проблема, которую органы государственной власти держат на особом контроле.

Жители городских поселений из-за недостатка условий длительного складирования продуктов питания вынуждены на постоянной основе пользоваться услугами розничной торговли и мелкооптовых рынков. Производители товаров и услуг, рынки, крупные сетевые магазины сталкиваются с постоянным изменением спроса, понижением покупательской способности, особенно на отдаленных территориях.

Сальников В.П. и его соавторы отмечают, что «государство не только дает гарантии правам отдельной личности, но и выражает интерес всех личностей как их всеобщий интерес и волю» [8].

Пандемия COVID-19 внесла свои коррективы в повседневную жизнь [9–14], в том числе и в оказание торговых услуг. У населения появились новые требования, которые связаны с доставкой на дом продуктов питания. Данный сервис особенно актуален в отношении готовой к употреблению пищи. Сложившаяся десятилетиями структура торговли меняется, крупные ритейлеры и мелкие торговые сети вводят услугу доставки как перспективный механизм реализации товаров.

Трансформация устоявшегося уклада, изменения, касающиеся образа жизни, определяют современные методы взаимодействия покупателей и продавцов, в котором основным трендом является онлайн-формат. Услуга становится необходимой частью жизни как крупных мегаполисов, так и сельских поселений, происходящие изменения становятся нормой.

Белхароев Х.У. отмечает, что «ликвидация традиционного аграрного производства означает смену традиционных приоритетов в повседневном образе жизни, изменение в структуре потребления, миграцию населения и демографический спад» [15].

Новые функции меняют общую концепцию в розничном сегменте торговли, она наполняется современными требованиями. Крупные торговые центры ориентируются на предоставление развлекательных услуг, предоставляя посетителям возможность сочетания приобретения товаров и услуг с культурным отдыхом, организованным на высоком профессиональном уровне.

Захарцев С.И., Кривоносова Д.В. и Сальников В.П. отмечают, что «успешное развитие возможно только при понимании национальных особенностей восприятия фундаментальных ценностей, поскольку правовая система возникает и развивается в соответствии с чертами национального менталитета» [16].

¹Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 21 янв. 2020 г. № 20 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 4. Ст. 345.

Современный уровень развития сохраняет тенденции роста вне зависимости от экономического развития населения. Огромное значение в повседневной жизни играют информационные технологии, которые в практическом применении доступны при определенных условиях. Организация и формирование необходимого территориального пространства, внедрение соответствующих методов управления в аграрном секторе народного хозяйства является неотложной проблемой отрасли, требующей своевременного нормативно-правового регулирования.

Систему управления агропромышленным комплексом необходимо ориентировать на изменяющиеся условия. Актуальность для сельхозтоваропроизводителей приобретают разработка и поэтапное внедрение прогрессивных методов повышения эффективности производственного процесса. Исследователи проблемы обращают внимание на то, что «основой продовольственной независимости является аграрная сфера, оснащенная современными материально-техническими ресурсами, которая управляется специалистами высокого уровня» [17].

Применение современной техники и технологий представляется особо важным подспорьем в направлении совершенствования механизмов экономического развития и правового регулирования. При успешной реализации выделенных направлений необходимо формировать эффективные системные мероприятия по импортозамещению продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья.

В условиях постоянного нарастания глобального экономического кризиса, политической и финансовой нестабильности, наличие собственных продовольственных ресурсов – это гарантия стабильности от различного рода колебаний на внутреннем рынке. Кроме того, производство продовольственных ресурсов в достаточном объеме увеличивает шансы государства на сохранение собственного суверенитета и полной независимости в период глобального противостояния [18], переустройства мировой экономико-политической последовательности и расстановки баланса сил.

Целенаправленная предвзятость, политизированность, повсеместно вводимые дополнительные требования, прерывают стабильную динамику взаимных поставок, формируя кризисные явления в сфере продовольственной безопасности на глобальном уровне [15, 19–32].

В.Р. Худяков, Н.П. Малышева отмечают, что «продовольственная безопасность представляет собой многогранное понятие, охватывающее различные аспекты, связанные с доступностью и качеством пищи» [33].

Ограничительные меры, монополизация продовольственного рынка, разрыв десятилетиями налаженных взаимоотношений, сокращение транспортных коридоров, отсутствие доступа к финансовым рынкам и повсеместное противостояние характеризуются повышенным уровнем непредсказуемости.

Жаркой М.Э. отмечает, что «в условиях противостояния возникли коллизии между производителями, поставщиками и продавцами товаров, чем не замедлили воспользоваться монополистические круги с целью извлечения сверхкапитала путем повышения розничных цен на линейку социально-значимых товаров, в первую очередь, продуктов питания» [34].

Происходящие в мире глобальные геополитические процессы, оказывают разрушительное влияние на международные правовые нормы и межгосударственные соглашения, подвергая дополнительным рискам экспортно-импортный потенциал суверенных государств.

Шибанихин Е.А., Опрышко Е.Л. отмечают, что «зависимость от зарубежных технологий, нестабильность доходов сельхозпроизводителей, ветеринарные и фитосанитарные риски, климатические и агроэкологические угрозы, а также несоответствие подготовки кадров и социальные угрозы – все это факторы, которые могут повлиять на продовольственную безопасность» [35].

С учетом нарастающей агрессивной социально-экономической политики стран западной военно-политической коалиции, характеризующейся противостоянием и взаимными ограничительными мерами, создание базовых условий благоприятного функционирования аграрной сферы и смежных отраслей народного хозяйства становится ключевой задачей органов государственной власти России всех уровней.

Рубцова М.В. отмечает, что «при целенаправленном развитии современной инновационной модели эффективного функционирования агропромышленный комплекс имеет возможность стать ключевым фактором экономического роста и реализации глобальных стратегических интересов России на мировых продовольственных рынках» [36].

Наличие ограничений со стороны недружественных государств становится особо важным приоритетом обеспечения продовольственной независимости. Этот фактор способствует коренному пересмотру основ национальной безопасности, уделяя особое внимание базовым принципам сохранения суверенитета государства.

Основная и необходимая потребность полноценной жизнедеятельности населения связана с наличием продовольственных ресурсов, поэтому своевременность, безопасность и доброкачественность пищевой продукции является системным показателем, характеризующим качество жизни и благополучие населения. Обеспечение равного доступа гражданам страны к необходимым товарам и услугам, соответствующим всем физиологическим, медицинским и экологическим требованиям, – приоритетные основы государственной политики импортозамещения.

Рыжаков Е.Д., А.Н. Рида отмечают, что «продовольственная безопасность составляет основу экономической и национальной безопасности страны, поскольку цели и задачи государственной политики прямо или косвенно направлены на удовлетворение интересов личности, на формирование качественного высокого уровня жизни населения страны» [37].

Утрата продовольственной независимости – это экономическое состояние, при котором страна находится в тяжелом, критическом (на длительную перспективу) необратимом состоянии, что является значимой угрозой суверенитету государства [38]. В выигрышном плане при социально-экономической нестабильности находятся страны, имеющие эффективно функционирующую, современную, развитую продовольственную систему. Необходимо отметить, что наличие продуктов питания и иных жизненно важных ресурсов связано с повседневными физиологическими и бытовыми потребностями населения.

Своевременное принятие государством неотложных мер по обеспечению продовольственной самодостаточности является основным элементом благосостояния общества в целом.

Основная задача органов государственной власти в сфере обеспечения продовольственной самодостаточности России заключается в разработке и реализации эффективной государственной аграрной политики, при реализации которой необходимо предметно определить приоритеты по нейтрализации внутренних и внешних угроз [39–44], развитию научного потенциала, модернизации производственного процесса, внедрению современных технических и технологических достижений. Особо необходимо выделить вопросы финансирования и нормативно-правового регулирования сельскохозяйственной отрасли.

Список источников

1. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2024. 423 с.
2. Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Суверенитет: государство – личность – государство. Российская модель // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 156–163.
3. Понятие и сущность суверенитета / А.А. Вихров [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2005. № 3 (27). С. 14–25.
4. Володина О.В., Крижановская Г.Н., Мирошниченко И.В. Государственный суверенитет в условиях однополярного мироустройства // Теория государства и права. 2024. № 3-1 (39). С. 57–64.
5. Сальников В.П., Прокофьев К.Г., Чайка В.Н. Мораль и суверенитет государства: ценностные и социальные аспекты // Теория государства и права. 2024. № 2-1 (37).

6. Хабибулин А.Г. Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. 2024. № 3-2 (40). С. 200–204.
7. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 47 с.
8. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) / В.П. Сальников [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149–162.
9. Гутман М.Ю., Захарцев С.И., Сальников М.В. Деятельность монархов и руководителей полиции России во время эпидемий и пандемий как бесценный опыт и пример для потомков // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 3. С. 39–60.
10. Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. COVID-19: преступность, киберпреступность, общество, полиция / вступ. статья А.Л. Кудрина. М.: Международные отношения, 2020. 448 с.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. COVID-19 и борьба с ним. Издана книга об актуальных проблемах жизнедеятельности общества в период пандемии, борьбе с преступностью и работе полиции // Государство и право. 2021. С. 254–259.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. Важно и срочно. Вышла книга о преступности в период пандемии и мировом сообществе. Рецензия на монографию Ю.Н. Жданова, С.К. Кузнецова и В.С. Овчинского «COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.» // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 6. С. 182–190.
13. Федоров А.В. Наркопреступность периода пандемии // Наркоконтроль. 2020. № 3. С. 6–9.
14. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5–26.
15. Белхароев Х.У. К вопросу продовольственного обеспечения Арктической зоны и северных территорий Российской Федерации: северный завоз, перспективы самообеспечения (экономико-правовой аспект) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 4 (61). С. 30–37.
16. Захарцев С.И., Кривоносова Д.В., Сальников В.П. Ментальность народа и правовое развитие государства // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 100–107.
17. Белхароев Х.У. Правовые проблемы обеспечения продовольственной безопасности современной России, в условиях глобализации и взаимных ограничительных мер // Лоббирование в законодательстве. 2024. № 2. С. 11–16.
18. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы геополитической доктрины России): монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2006. 268 с.
19. Белхароев Х.У. Обратный эффект неправомерных ограничительных мер, введенных против Российской Федерации: недостаток продовольствия, голод, неурожай, логистика, миграция населения // Хозяйство и право. 2022. № 7. С. 58–67.
20. Белхароев Х.У. Состояние и проблемы обеспечения продовольственной безопасности России (историко-правовой аспект) // Хозяйство и право. 2022. № 2. С. 111–118.
21. Белхароев Х.У. Правовые основы демографических и миграционных процессов в России: военные конфликты, продовольственная безопасность, бедность и голод (история и современность) // Миграционное право. 2021. № 3. С. 15–18.
22. Белхароев Х.У. К вопросу санкционного противостояния Советского государства и недружественных стран в период индустриализации и холодной войны: голод, зерно, недостаток продовольствия (1917–1991 гг.) // Лоббирование в законодательстве. 2024. № 1. С. 9–14.

23. Белхароев Х.У. Правовая основа по обеспечению продовольственной безопасности современной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2019. № 1 (42). С. 59–65.
24. Белхароев Х.У. Продовольственная независимость России: современный аспект: монография. М.: Изд-во «Спутник +», 2025. 189 с.
25. Белхароев Х.У. К вопросу правового обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации в современных условиях: монография. М.: Изд-во «Спутник +», 2018. 170 с.
26. Белхароев Х.У. Голод в России: монография. М.: Изд-во «Спутник +», 2024. 170 с.
27. Белхароев Х.У. Перспективы комплексного развития Арктической зоны Российской Федерации в современных условиях: коллективная монография. М.: Проспект. 2024. С. 289–307.
28. Белхароев Х.У. Региональные особенности обеспечения и регулирования продовольственной безопасности России: крупные мегаполисы, земельные ресурсы, деградация и истощение почв // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 11. С. 47–53.
29. Белхароев Х.У. Правовые и экономические проблемы материально-технического обеспечения агропромышленного комплекса России // Социально-политические науки. 2024. № 3. С. 181–185.
30. Белхароев Х.У. Правовые проблемы обеспечения продовольственной безопасности современной России в условиях глобализации и взаимных ограничительных мер // Лоббирование в законодательстве. 2024. № 2. С. 11–16.
31. Белхароев Х.У. Проблемы правового и инвестиционного обеспечения продовольственной безопасности России: налоги, инвестиции, развитие АПК // Юрист спешит на помощь. 2023. № 3. С. 9–13.
32. Белхароев Х.У. К вопросу о законодательном регулировании надежного обеспечения страны продовольствием в условиях введения экономических санкций западных стран в отношении России // Юридическая наука в Китае и России (ежегодник). 2021. № 4. С. 59–63.
33. Худяков В.Р. Малышева Н.П. Продовольственная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности государства // Вызовы цифровой экономики: кадры для региона: сб. статей VIII Всерос. науч.-практ. конф. Брянск: БГИТУ, 2024. С. 290–294.
34. Жаркой М.Э. Криминологическая характеристика спекуляции и ее отрицательное влияние на состояние потребительского рынка (историко-правовые и экономические аспекты) // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 24–27.
35. Шибанихин Е.А. Опышко Е.Л. Угрозы продовольственной безопасности, их влияние на систему экономической безопасности России // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 5 (49). С. 317–323.
36. Рубцова М.В. Продовольственная безопасность как аспект национальной безопасности России // Продовольственная безопасность: прошлое, настоящее, будущее: сб. трудов конф. Луганск: Изд-во «Ноулидж». 2023. С. 156–163.
37. Рыжаков Е.Д. Рида А.Н. Финансовая концепция развития системы продовольственной безопасности в контексте экономической безопасности страны // Инновационное развитие экономики. 2023. № 4 (76). С. 183–186.
38. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2025. 418 с.
39. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности / С.И. Захарцев [и др.] // Мир политики и социологии. 2017. № 1. С. 120–139.
40. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности / С.И. Захарцев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 12. С. 69–94.

41. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1. С. 52–60.

42. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности / В.П. Сальников [и др.] // Мир политики и социологии. 2018. № 1. С. 139–150.

43. Финансовая безопасность Российской Федерации в условиях интеллектуализации и автоматизации общественных отношений: монография / под общ. ред. проф. В.Н. Анищенко. М.: МГУ, 2025.

44. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России: угрозы и риски: монография / Хабибулин А.Г. [и др.]; под общ. ред. А.Г. Хабибулина. 2-е изд., расш. и доп. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Высшая школа государственного аудита, 2023. 480 с.

References

1. Politiko-pravovoe upravlenie i ugrozy suverenitetu gosudarstva: monografiya / M.Yu. Gutman [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V.P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2024. 423 s.

2. Vinogradova E.V., Zaharcev S.I. Suverenitet: gosudarstvo – lichnost' – gosudarstvo. Rossijskaya model' // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2021. № 1. S. 156–163.

3. Ponyatie i sushchnost' suvereniteta / A.A. Vihrov [i dr.] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii. 2005. № 3 (27). S. 14–25.

4. Volodina O.V., Krizhanovskaya G.N., Miroshnichenko I.V. Gosudarstvennyj suverenitet v usloviyah odnopolyarnogo miroustrojstva // Teoriya gosudarstva i prava. 2024. № 3-1 (39). S. 57–64.

5. Sal'nikov V.P., Prokof'ev K.G., Chajka V.N. Moral' i suverenitet gosudarstva: cennostnye i social'nye aspekty // Teoriya gosudarstva i prava. 2024. № 2-1 (37).

6. Habibulin A.G. Gosudarstvennaya ideologiya kak osnova suverenosti sovremennoj Rossii // Teoriya gosudarstva i prava. 2024. № 3-2 (40). S. 200–204.

7. Shumkov D.V. Social'no-pravovye osnovaniya gosudarstvennogo suvereniteta Rossijskoj Federacii (istoriko-teoreticheskij analiz): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2002. 47 s.

8. Cennostnoe osnovanie suvereniteta (k voprosu o suverennoj gosudarstvenno-pravovoj ideologii) / V.P. Sal'nikov [i dr.] // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019. № 11. S. 149–162.

9. Gutman M.Yu., Zaharcev S.I., Sal'nikov M.V. Deyatel'nost' monarhov i rukovoditelej policii Rossii vo vremena epidemij i pandemij kak bescennyj opyt i primer dlya potomkov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022. № 3. S. 39–60.

10. Zhdanov Yu.N., Kuznecov S.K., Ovchinskij V.S. COVID-19: prestupnost', kiberprestupnost', obshchestvo, policiya / vstup. stat'ya A.L. Kudrina. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2020. 448 s.

11. Zaharcev S.I., Sal'nikov V.P., Habibulin A.G. COVID-19 i bor'ba s nim. Izdana kniga ob aktual'nyh problemah zhiznedeyatel'nosti obshchestva v period pandemii, bor'be s prestupnost'yu i rabote policii // Gosudarstvo i pravo. 2021. С. 254–259.

12. Zaharcev S.I., Sal'nikov V.P., Habibulin A.G. Vazhno i srochno. Vyshla kniga o prestupnosti v period pandemii i mirovom soobshchestve. Recenziya na monografiyu Yu.N. Zhdanova, S.K. Kuznecova i V.S. Ovchinskogo «COVID-19: prestupnost', kiberbezopasnost', obshchestvo, policiya / Yu.N. Zhdanov, S.K. Kuznecov, V.S. Ovchinskij; vstup. stat'ya A.L. Kudrina. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2020. – 448 s.» // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2021. № 6. S. 182–190.

13. Fedorov A.V. Narkoprestupnost' perioda pandemii // Narkokontrol'. 2020. № 3. S. 6–9.

14. Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Metamorfozy prava i vyzovy yuridicheskoy nauke v usloviyah pandemii koronavirusa // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 7. S. 5–26.

15. Belharoev H.U. K voprosu prodovol'stvennogo obespecheniya Arkticheskoy zony i severnykh territorij Rossijskoj Federacii: severnyj zavoz, perspektivy samoobespecheniya (ekonomiko-pravovoj aspekt) // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii*. 2023. № 4 (61). S. 30–37.
16. Zaharcev S.I., Krivonosova D.V., Sal'nikov V.P. Mental'nost' naroda i pravovoe razvitie gosudarstva // *Teoriya gosudarstva i prava*. 2024. № 1 (35). S. 100–107.
17. Belharoev H.U. Pravovye problemy obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti sovremennoj Rossii, v usloviyah globalizacii i vzaimnykh ogranichitel'nykh mer // *Lobbirovanie v zakonodatel'stve*. 2024. № 2. S. 11–16.
18. Sal'nikov V.P., Ivashov L.G., Dzhegutanov B.K. Filosofiya globalizacii (metodologicheskie osnovy geopoliticheskoy doktriny Rossii): monografiya / pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb.: Fond «Universitet», 2006. 268 s.
19. Belharoev H.U. Obratnyj effekt nepravomernykh ogranichitel'nykh mer, vvedennykh protiv Rossijskoj Federacii: nedostatok prodovol'stviya, golod, neurozhai, logistika, migraciya naseleniya // *Hozyajstvo i pravo*. 2022. № 7. S. 58–67.
20. Belharoev H.U. Sostoyanie i problemy obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii (istoriko-pravovoj aspekt) // *Hozyajstvo i pravo*. 2022. № 2. S. 111–118.
21. Belharoev H.U. Pravovye osnovy demograficheskikh i migracionnykh processov v Rossii: voennye konflikty, prodovol'stvennaya bezopasnost', bednost' i golod (istoriya i sovremennost') // *Migracionnoe pravo*. 2021. № 3. S. 15–18.
22. Belharoev H.U. K voprosu sankcionnogo protivostoyaniya Sovetskogo gosudarstva i nedruzhestvennykh stran v period industrializacii i holodnoj vojny: golod, zerno, nedostatok prodovol'stviya (1917–1991 gg.) // *Lobbirovanie v zakonodatel'stve*. 2024. № 1. S. 9–14.
23. Belharoev H.U. Pravovaya osnova po obespecheniyu prodovol'stvennoj bezopasnosti sovremennoj Rossii // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii*. 2019. № 1 (42). S. 59–65.
24. Belharoev H.U. Prodovol'stvennaya nezavisimost' Rossii: sovremennyj aspekt: monografiya. M.: Izd-vo «Sputnik +», 2025. 189 s.
25. Belharoev H.U. K voprosu pravovogo obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii v sovremennykh usloviyah: monografiya. M.: Izd-vo «Sputnik +», 2018. 170 s.
26. Belharoev H.U. Golod v Rossii: monografiya. M.: Izd-vo «Sputnik +», 2024. 170 s.
27. Belharoev H.U. Perspektivy kompleksnogo razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii v sovremennykh usloviyah: kollektivnaya monografiya. M.: Prospekt. 2024. S. 289–307.
28. Belharoev H.U. Regional'nye osobennosti obespecheniya i regulirovaniya prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii: krupnye megapolisy, zemel'nye resursy, degradaciya i istoshchenie pochv // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2024. № 11. S. 47–53.
29. Belharoev H.U. Pravovye i ekonomicheskie problemy material'no-tekhnicheskogo obespecheniya agropromyshlennogo kompleksa Rossii // *Social'no-politicheskie nauki*. 2024. № 3. S. 181–185.
30. Belharoev H.U. Pravovye problemy obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti sovremennoj Rossii v usloviyah globalizacii i vzaimnykh ogranichitel'nykh mer // *Lobbirovanie v zakonodatel'stve*. 2024. № 2. S. 11–16.
31. Belharoev H.U. Problemy pravovogo i investicionnogo obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii: nalogi, investicii, razvitie APK // *Yurist speshit na pomoshch'*. 2023. № 3. S. 9–13.
33. Belharoev H.U. K voprosu o zakonodatel'nom regulirovanii nadezhnogo obespecheniya strany prodovol'stvem v usloviyah vvedeniya ekonomicheskikh sankcij zapadnykh stran v otnoshenii Rossii // *Yuridicheskaya nauka v Kitae i Rossii (ezhegodnik)*. 2021. № 4. S. 59–63.
34. Hudyakov V.R., Malysheva N.P. Prodovol'stvennaya bezopasnost' kak faktor obespecheniya nacional'noj bezopasnosti gosudarstva // *Vyzovy cifrovoj ekonomiki: kadry dlya regiona: sb. statej VIII Vseros. nauch.-prakt. konf. Bryansk: BGITU*, 2024. S. 290–294.
35. Zharkoj M.E. Kriminologicheskaya harakteristika spekulyacii i ee otricatel'noe vliyanie na sostoyanie potrebitel'skogo rynka (istoriko-pravovye i ekonomicheskie aspekty) // *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2025. № 1. S. 24–27.

36. Shibanihin E.A. Opryshko E.L. Ugrozy prodovol'stvennoj bezopasnosti, ih vliyanie na sistemu ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii // *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 2023. № 5 (49). S. 317–323.
37. Rubcova M.V. Prodovol'stvennaya bezopasnost' kak aspekt nacional'noj bezopasnosti Rossii // *Prodovol'stvennaya bezopasnost': proshloe, nastoyashchee, buduyushchee: sb. trudov konf. Lugansk: Izd-vo «Noulidzh»*. 2023. S. 156–163.
38. Ryzhakov E.D. Rida A.N. Finansovaya koncepciya razvitiya sistemy prodovol'stvennoj bezopasnosti v kontekste ekonomicheskoy bezopasnosti strany // *Innovacionnoe razvitie ekonomiki*. 2023. № 4 (76). S. 183–186.
39. Filosofsko-pravovoe poznanie: aktual'nye problemy: monografiya / E.V. Vinogradova [i dr.]; pod obshch. red. d-ra jurid. nauk, prof. V.P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 418 s.
40. Suverenitet Rossijskoj Federacii: sovremennye ugrozy i obespechenie voennoj bezopasnosti / S.I. Zaharcev [i dr.] // *Mir politiki i sociologii*. 2017. № 1. S. 120–139.
41. Suverenitet Rossijskoj Federacii: sovremennye ugrozy i obespechenie nacional'noj bezopasnosti / S.I. Zaharcev [i dr.] // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2016. № 12. S. 69–94.
42. Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Silant'eva V.A. Duhovnaya bezopasnost' v sovremenном rossijskom obshchestve: ugrozy i puti ih preodoleniya // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2019. № 1. S. 52–60.
43. Suverenitet Rossijskoj Federacii: sovremennye ugrozy i obespechenie duhovnoj bezopasnosti / V.P. Sal'nikov [i dr.] // *Mir politiki i sociologii*. 2018. № 1. S. 139–150.
44. Finansovaya bezopasnost' Rossijskoj Federacii v usloviyah intellektualizacii i avtomatizacii obshchestvennyh otnoshenij: monografiya / pod obshch. red. prof. V.N. Anishchenko. M.: MGU, 2025.
45. Finansovyy suverenitet i finansovaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i riski: monografiya / Habibulin A.G. [i dr.]; pod obshch. red. A.G. Habibulina. 2-e izd., rassh. i dop. M.: MGU im. M.V. Lomonosova. Vysshaya shkola gosudarstvennogo audita, 2023. 480 s.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 29.02.2026

Принята к публикации: 11.04.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 29.02.2026

Accepted for publication: 11.04.2026

Информация об авторах:

Рассказов Леонид Павлович, профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина (350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13), доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Кубани, E-mail: rasskasov@mail.ru, SPIN-код: 3819-9618

Information about the authors:

Rasskazov Leonid P., professor of the department of theory and history of state and law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (350044, Krasnodar, Kalinina str., 13), doctor of law, doctor of historical sciences, professor, Honored scientist of the Russian Federation, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, Honored scientist of the Kuban, e-mail: rasskasov@mail.ru, SPIN: 3819-9618

Научная статья

УДК 355.58; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-67-82

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАСЕЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ С УЧЁТОМ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

✉ Узун Олег Леонидович.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия.

Данилова Виктория Олеговна.

Управление по Московскому району Главного управления МЧС России
по г. Санкт-Петербургу, Санкт-Петербург, Россия.

Савиных Артём Сергеевич.

АО ВО «Электроаппарат», Санкт-Петербург, Россия

✉ oleguzun@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования на данную тему определяется тем, что в современном мире с развитием промышленности, технологий и роста вооруженного потенциала ведущих стран, опасность для населения возрастает. Ведущие государства исключили международное право из средств разрешения конфликтов, оставив силовые средства. Первая мировая война ознаменовалась тем, что население и объекты экономики в тылу стали уязвимы для средств ведения войны, и потребовалось создание системы их защиты.

Создание и развитие системы подготовки населения в области гражданской обороны в СССР имело свои особенности, которые, к сожалению, в современной России не учитываются. В работе проанализированы новые средства вооруженной борьбы, возросшие угрозы для некомбатантов и их детерминирующие факторы. Определена необходимость изучить готовность населения к действиям в военное время и качество подготовки в области гражданской обороны. Проведённый анализ нормативно-правовых актов, исторического опыта подготовки работающего и неработающего населения в области гражданской обороны в СССР показал, что эта система по сравнению с зарубежными была лучшей ввиду наличия различных программ подготовки обучающихся и других категорий населения. Кроме того, существовала двухступенчатая система сдачи нормативов. Современная система подготовки населения Российской Федерации в области гражданской обороны лишена части достоинств советской, для отдельных категорий вообще не предусмотрено практическое обучение. В связи с этим предложены авторские рекомендации по совершенствованию законодательства, регламентирующего подготовку населения в области гражданской обороны.

Ключевые слова: гражданская оборона, война, военный конфликт, программа подготовки по гражданской обороне, специальная военная операция, право силы

Для цитирования: Узун О.Л., Данилова В.О., Савиных А.С. Формирование системы подготовки населения в области гражданской обороны с учётом современных военных конфликтов: историко-правовые аспекты и совершенствование правового регулирования // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 67–82. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-67-82

Scientific article

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF A SYSTEM OF TRAINING THE POPULATION IN THE FIELD OF CIVIL DEFENSE AND THE IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION, TAKING INTO ACCOUNT MODERN MILITARY CONFLICTS

✉Uzun Oleg L.

Peter the Great Saint-Petersburg polytechnic university, Saint-Petersburg, Russia.

Danilova Victoria O.

Moscow district Directorate of the Main directorate of EMERCOM of Russia of the Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia.

Savinykh Artyom S.

JSC VO «Electroapparat», Saint-Petersburg, Russia

✉oleguzun@yandex.ru

Abstract. The relevance of research on this topic is determined by the fact that in the modern world, with the development of industry, technology and the growth of the armed potential of the leading countries, the danger to the population increases. The leading States have excluded international law from the means of conflict resolution, leaving the means of force. The First World War was marked by the fact that the population and economic facilities in the rear became vulnerable to the means of warfare, and it required the creation of a system to protect them.

The creation and development of a system of training the population in the field of civil defense in the USSR had its own characteristics, which, unfortunately, are not taken into account in modern Russia. The paper analyzes new means of armed struggle, increased threats to non-combatants and their determining factors. It is necessary to study the readiness of the population for action in wartime and the quality of training in the field of civil defense. The analysis of regulatory legal acts and the historical experience of training working and non-working people in the field of civil defense in the USSR showed that this system was the best compared to foreign ones due to the availability of various training programs for students and other categories of the population. In addition, there was a two-stage system for passing standards. The modern system of training the population of the Russian Federation in the field of civil defense is devoid of some of the advantages of the Soviet one, and practical training is not provided for certain categories at all. In this regard, the author's recommendations on improving the legislation regulating the training of the population in the field of civil defense are proposed.

Keywords: civil defense, war, military conflict, civil defense training program, special military operation, law of force

For citation: Uzun O.L., Danilova V.O., Savinykh A.S. Historical and legal aspects of the formation of a system of training the population in the field of civil defense and the improvement of legal regulation, taking into account modern military conflicts // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 67–82. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-67-82

Введение

*«Право, как и всё в мире, существует только для равных по силе, в то время как сильные делают, что могут, а слабые страдают, как должны»
Фукидид. «Мелосский диалог»*

С позиции «права силы» в 416 г. до н.э. начался диалог на острове Мелос между мелосцами и Алкивиадом, который высадился там со своим военным отрядом. Цель афинян состояла в том, чтобы подчинить себе этот остров, который придерживался нейтралитета в Пелопоннесской войне.

Предложение афинян к Мелосцам, не желавшим диалога, являлось завуалированным давлением: «Вам ведь, как и нам, хорошо известно, что в человеческих взаимоотношениях право имеет смысл только тогда, когда при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость. В противном случае более сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиняться» [1].

Практически всё время существования цивилизации предпринимались попытки ограничивать военные конфликты. К началу XX в. оформились международные принципы взаимодействия государств, во второй его половине даже был создан международный орган – Организация Объединённых Наций (ООН), в юрисдикции которого было право разрешать конфликты между государствами в целях достижения международного мира и безопасности.

Однако ООН не предотвратила целый ряд военных конфликтов: в Ливане после первой арабо-израильской войны на Голанских высотах и Синайском полуострове – и все войны там в 1956, 1967, 1973 и 1982 гг. Индия и Пакистан ведут перманентные столкновения с 1947 г. и до сегодняшнего дня, организовали крупномасштабные войны в 1965 и 1971 гг. – миссией ООН в Кашмире это не предотвращено.

Вторжение США во Вьетнам, которое переросло из гражданской войны в самый масштабный военный конфликт второй половины XX в., ООН также не предотвратило. Панамский кризис 1989 г., война в Ираке, деконструкция Югославии, разрушение Ливии, Сирии, Афганистана и ещё ряда государств, удары по Ирану в 2025–2026 гг. произошли также без санкций ООН. Помимо военной агрессии против суверенных государств, военного вмешательства в дела в нарушение всех принципов международного права, США как ведущее государство блока НАТО также в одностороннем порядке нарушают и выходят из международных договоров по регулированию вооружений. Так, 2 августа 2019 г. США, выставив Российской Федерации неприемлемые ультимативные требования, отвергнув предложенные реалистичные развязки на основе мер взаимной транспарентности, способные привести к урегулированию имевшихся проблем, вышли из Договора о ракетах средней и меньшей дальности [2]. Данные действия несомненно являются угрозой миру.

В докладе, представленном Международным институтом стратегических исследований (The International Institute for Strategic Studies, IISS), открыто декларируется отход от норм международного права и заявляется предупреждение о праве сильного: «Нынешняя ситуация в сфере военной безопасности предвещает, вероятно, более опасное десятилетие, которое будет характеризоваться наглым применением некоторыми [игроками] военной мощи для достижения своих целей, посредством использования подхода «сила – это право», а также желанием среди демократических стран-единомышленников более тесных двусторонних и многосторонних оборонных связей в ответ» [3].

Дипломатическую точку в нецелесообразности существования ООН поставил госсекретарь США Марко Рубио: «ООН – это организация с огромным потенциалом, но она его не реализует. Если взглянуть на конфликт России и Украины, там идет война, и именно президент США пытается найти решение, а ООН никакой роли не играет. То же самое в Газе, где Израиль противостоит ХАМАС, – никакой роли», – сказал он [4].

Подводя итог анализу развития военного блока НАТО, следует сделать однозначный вывод о том, что ситуация с международной стабильностью ухудшается. На границе с Россией появились новые члены блока, который за последние 30 лет организовал около 30 военных операций против суверенных государств. Отдельные государства были разрушены полностью и разделены, некоторые лишились своего суверенитета и стали либо колониями НАТО, либо военными полигонами для экспериментов, в том числе и с биологическим оружием [5].

26 декабря 2025 г. министр обороны Белоруссии В. Хренин заявил о реальной подготовке к войне блока НАТО. Фактами, свидетельствующими о реальной угрозе, являются:

- массированные закупки вооружений Польшей, включая современные самолеты F-35 и реактивные системы залпового огня HIMARS;
- увеличение оборонных бюджетов до уровня, характерного для предвоенного периода, и активное развитие военной инфраструктуры – портов, аэродромов, дорог и других объектов, предназначенных для быстрой переброски войск и техники;
- подготовка гражданских и военных госпиталей, персонала и оборудования к одновременному приёму большого количества раненых и пр. [6].

3 января 2026 г. США провели операцию по похищению президента Венесуэлы, что фактически подтверждает доклад IISS.

Предотвращая продвижение блока НАТО на восток, Российская Федерация 22 февраля 2022 г. начала «специальную военную операцию» (СВО), на её юго-западной границе ведутся боевые действия с применением противоборствующими сторонами новейших средств поражения и военной техники. Милитаристские заявления политиков европейских стран отражают негативную тенденцию к изменению этого военного конфликта не только территориально, но и даже по количеству стран, которые могут выступить против России своими вооруженными силами. В этом военном противостоянии проверяется не только российская армия, но и система гражданской обороны (ГО) Российской Федерации.

Исследуя вышеперечисленные войны и текущий конфликт, следует особое внимание обратить на средства ведения войны – современные средства поражения, в том числе и высокоточное оружие (ВТО).

Анализ боевых действий показал, что использование ВТО значительно возросло – с 2 % от всех видов боеприпасов, использовавшихся во время войны во Вьетнаме, до 60 % от общего числа примененных в воздушной кампании НАТО в войне в Ираке в 2003 г. [7]. Среднее количество целей, уничтоженных высокоточными средствами поражения в расчете на указанную среднюю точку поражения (DMPI), составило 2,8¹. На рис. 1. можно проследить тренд на рост доли ВТО в средствах поражения и его важность.

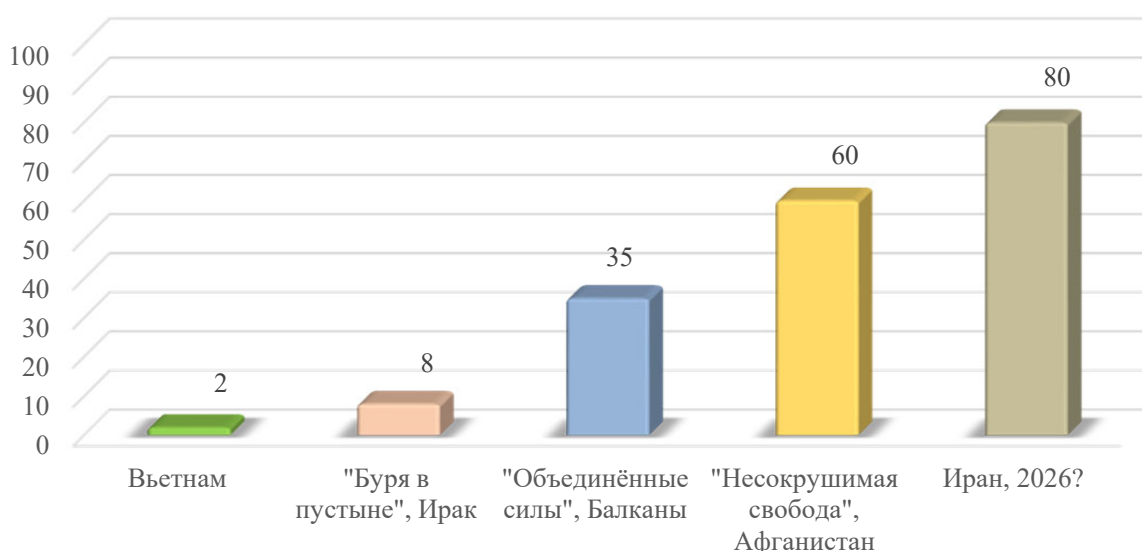

Рис. 1. Соотношение доли высокоточного оружия к общей массе обычных средств поражения, применённого США в военных конфликтах и ожидаемого в будущем, в %

Современные версии ВТО имеют значительные улучшения по точности и мощности, расширенный диапазон применения. «Высокоточное оружие и стратегическое использование авиации помогло сделать Войну в Заливе огромной оперативной победой для Пентагона, помогая преодолеть негативное наследие Вьетнама» – отмечает Джон Р. Ноен [8]. В настоящее время отдельные образцы ВТО приблизились к тактическому ядерному оружию по своей мощи.

Финансовый анализ обеспечения военных кампаний НАТО показал приоритетность затрат при разработке и закупке ВТО для проведения наземных, воздушных и военно-морских военных операций [9]. Затраты на это идут с 1998 г. по нарастающей (рис. 2).

¹ Desired mean point of impact (DMPI) – точка (зона) поражения, связанная с целью и назначенная в качестве центра воздействия нескольких видов боеприпасов точечного или площадного удара, для решения задачи уничтожения или требуемого уровня разрушения.

К ВТО добавлен новый вид вооружения, которое активно применяется на поле боя – воздушные, наземные и морские беспилотные средства поражения (БСП). Противник использует БСП на большую глубину для поражения не только военных, но и гражданских объектов на территории Российской Федерации.

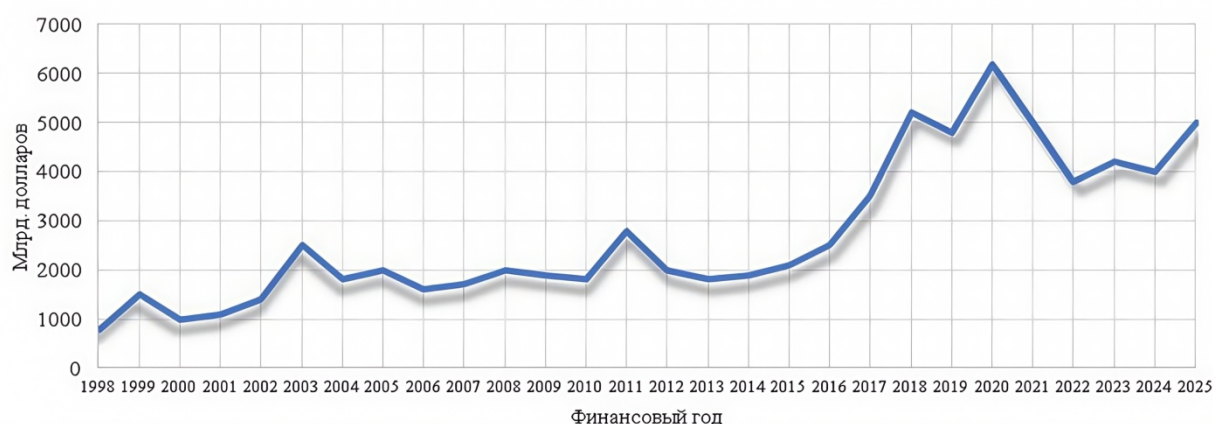

Рис. 2. Закупки ВТО в США с поправкой на инфляцию: управляемые ракеты, бомбы и ракеты с 1998 по 2025 финансовый год (в млрд долларов)

С помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) с различными боевыми частями осуществляется минирование путём сброса штатных и самодельных мин (с маскировкой и без) в местах движения техники и людей, поражение объектов и убийства гражданского населения. Уже имеется большое число погибших взрослых и детей, которые не смогли идентифицировать такие боеприпасы. Кроме того, противник, маскируя боеприпасы для сброса, использует и специальные электронные взрыватели с магнитными, оптическими и иными датчиками, что представляет опасность не только для гражданского населения, но даже и для саперов.

Достаточно наглядна общая неготовность и отсутствие знаний у населения о способах и средствах ведения современной войны. Каждый военный конфликт выявляет новые сложности защиты важных объектов экономики и населения, которые детерминируются следующими факторами развития вооружений:

- в современных военных конфликтах применяемые виды ВТО и его доля в общей массе вооружений только растёт;
- масштабирование производства универсальных модулей планирования и коррекции, расширение номенклатуры обычных средств поражения, в том числе кассетных, термобарических и других боеприпасов без модуля наведения, легко трансформируемых в ВТО;
- продолжается непрерывное совершенствование помехозащищённости самонаводящихся (корректируемых) боеприпасов и точности, меняются частоты управления, всё это ведёт к снижению эффективности радиоэлектронной борьбы (РЭБ) или бесполезности «окопных средств РЭБ» и других систем подавления БПЛА с фиксированными частотами;
- непрерывный научно-технический прогресс проявляется в росте боевой мощи единицы ВТО и увеличении дальности применения;
- внедрение искусственного интеллекта и машинного зрения должно позволить в конечном счёте проводить атаки объекта роем дронов или боеприпасов, с распределением целей на конечном отрезке атаки, изменением приоритета или двойным ударом, что повысит вероятность поражения цели в любых условиях обстановки, невзирая даже на активное электронное противодействие и динамическую защиту, действуя в ряде случаев автономно, выбирая и поражая цель (реализуя принцип «выстрелил–забыл»).

Значительные жертвы из числа гражданского населения возникают не только из-за ударов по жилым и производственным объектам, но также и по причине отсутствия базовых знаний поведения на опасной (заминированной) территории. Следовательно, сегодня существует противоречие между подготовленностью граждан к действиям в условиях военного времени и задачами существующей системы подготовки населения в области гражданской обороны, которые представляют собой пробел в правовом механизме регулирования данных отношений. Это противоречие обусловлено реалиями современной войны с применением роботизированных комплексов, БПЛА с системами распознавания и автозахвата целей, новейших высокоточных артиллерийских и барражирующих боеприпасов, планирующих бомб с модулями коррекции и модернизированных кассетных боеприпасов с суббоеприпасами нового типа и формы.

Поэтому проблема повышения готовности населения к действиям в условиях военной опасности стоит очень остро и требует незамедлительного решения. Учитывая факторы обстановки, необходимо проанализировать подходы к подготовке некомбатантов и разработать новую программу подготовки работающего и неработающего населения в области гражданской обороны.

Впервые в России вопрос о защите некомбатантов и необходимости принятия решительных мер в этой связи, наиболее остро встал в Первой мировой войне. Уже в этот период основная доля поражения объектов приходилась на тыл, благодаря развитию авиации. В связи с этим появилась необходимость в защите крупных городов и тыловых населенных пунктов от опасностей с воздуха и создании системы противовоздушной обороны (ПВО) [10].

Первое боевое применение химического оружия раскрыло его потенциал и опасность, и, несмотря на международный запрет его разработки и применения, некоторые страны активно этим занимались. Поэтому при наличии реальной угрозы массового поражения войск и мирного населения были приняты меры по разработке способов и средств противохимической защиты (ПХЗ). В 1915 г. при Главном артиллерийском управлении был создан Химический комитет, который возглавил русский учёный В.Н. Ипатьев. С этого же года комитет стал монопольным заказчиком всей химической промышленности империи и занялся производством химических веществ для промышленности, взрывчатых веществ, разработкой средств индивидуальной защиты (СИЗ) и новых видов химического оружия. Возросшие потери среди гражданского населения требовали улучшения системы защиты и создания эффективной системы оповещения населения о воздушном нападении.

Также помимо защиты от авиационных и химических атак, отдельное внимание потребовалось уделить и эвакуационным мероприятиям. С учетом того, что захват промышленных центров был одной из главных целей противника, перед государственной властью встала задача по эвакуации центров таким образом, чтобы это проводилось скрытно. Для организации процессов и эффективной работы всех причастных структур был создан Эвакуационный комитет, в который входили комиссии по определению безопасных зон для эвакуации, а также само планирование мероприятия и его организация [11].

Одним из первых документов, заложившим правовую основу регулирования защиты и обороны в РСФСР, стал призыв «К населению Петрограда и его окрестностей», принятый Комитетом революционной обороны 3 марта 1918 г. Данный акт регламентировал правила поведения граждан и мероприятия в условиях атаки с воздуха и химической опасности, а также указывал на необходимость создания штаба воздушной обороны, а также наблюдательных пунктов и отрядов, которые смогут содействовать в оказании первой помощи пострадавшим, чтобы повысить скорость реагирования и минимизировать потери мирного и военного населения.

Заключительный период Первой мировой войны характеризуется появлением централизованной государственной системы ПВО, ПХЗ и эвакуационных мер в области защиты населения и промышленности, четко выработанного порядка действий при защите стратегических объектов и населения страны, ставших основой отечественной будущей системы гражданской обороны СССР. Основополагающими на этом этапе при формировании и укреплении противовоздушной обороны в СССР стали следующие

нормативные правовые акты: постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 12 ноября 1925 г. «О мерах противовоздушной обороны в 500-километровой приграничной полосе», постановление Совета труда и обороны СССР от 27 августа 1926 г. «Об организации воздушно-химической обороны на путях сообщения СССР», постановление Совета труда и обороны СССР от 14 мая 1927 г. «Об организации воздушно-химической обороны территории СССР», положение 1928 г. «О противовоздушной обороне СССР» и сформировавшее единую общегосударственную систему МПВО в стране «Положение о противовоздушной обороне территории СССР», принятое постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 1525/319сс от 4 октября 1932 г.

Помимо правовых и материально-технических вопросов особое значение имел и вопрос подготовки начальствующего состава системы местной противовоздушной обороны (МПВО) и населения к действиям по отражению нападения противника. По инициативе Военной академии РККА в 1920 г. было создано «Военно-научное общество» (ВНО), в марте 1923 г. начинает работу «Общество друзей воздушного флота» (ОДВФ), затем было организовано «Добровольное общество друзей химической обороны и промышленности» (Доброхим), обучавшее население под девизом «Массовая защита от газов — дело трудового народа!». В июле 1926 г. ВНО было переименовано в «Общество содействия обороне СССР» (ОСО СССР).

23 января 1927 г. на совместном заседании I Всесоюзного съезда Авиахима и второго Пленума Центрального Совета Общества содействия обороне (ОСО) по докладу Наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова было принято решение объединить два общества под одним названием – АВИАХИМ-ОСО – позднее переименованное в «Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР» (ОСОАВИАХИМ СССР). ОСОАВИАХИМ вёл подготовку по 30-ти военным специальностям. За годы Великой Отечественной войны свыше 98 млн чел. прошло курс обучения по противохимической обороне. В 1948 г. вместо ОСОАВИАХИМа образованы Добровольное общество содействия армии (ДОСАРМ), Добровольное общество содействия авиации (ДОСАВ) и Добровольное общество содействия флоту (ДОСФЛОТ), которые в августе 1951 г. были объединены в Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) СССР [12].

Кроме ОСОАВИАХИМа подготовкой населения занимался и Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, декларацию о создании которого представители обществ Красного Креста и Красного Полумесяца республик СССР подписали 29 мая 1923 г., а 1 сентября 1925 г. было утверждено и «Положение о Союзе Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР» [13].

Для реализации задачи подготовки населения было привлечено большое количество активистов, которые входили в состав МПВО. Уже к 1932 г. подготовка граждан к защите от атак с воздуха, а также обучение противохимической защите стала массовой. Благодаря им, более 3 млн чел. были обеспечены противогазами, в зонах повышенной опасности было создано около тысячи бомбоубежищ и газоубежищ, готовых к укрытию мирного населения. Помимо этого была организована система эффективной светомаскировки городов и оповещения населения [13].

Регулярными с 1927 г. стали такие формы массовой подготовки населения, как «недели обороны» и, вошедшие в практику позднее, «декады обороны» и «месячники обороны». Экзаменом такой массовой подготовки логично стали совместные общегородские учения воинских подразделений и общественных организаций. В Одессе в 1927 г. состоялись первые такие учения. Помимо учений широко использовались такие формы подготовки, как соревнования по противовоздушной и противохимической обороне (ПВХО) и походы.

Для формирования системы знаний, умений и навыков ПВО, ПХЗ и санитарной обороны у работающего и неработающего населения были разработаны учебные комплексы.

20 сентября 1934 г. Центральный совет Осоавиахима ввел нормативы комплекса «Готов к противовоздушной и противохимической обороне» («Будь готов к ПВХО»), (опубликованы в газете оборонного Общества «На страже») [14]. С 1934 г. обучение военно-химической обороне велось по 40-часовой программе.

Обществом Красного Креста и Красного Полумесяца были введены нормативы «Готов к санитарной обороне» (ГСО) для взрослых и комплекс нормативов «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО) для школьников.

Комплекс ГСО стал частью общегосударственной системы МПВО и имел целью подготовку граждан (I ступень) и начальников санитарных постов, командиров отделений санитарных дружин и опытных помощников среднего медперсонала (II ступень) к действиям в условиях военного времени [15].

Содержательная часть учебных комплексов, по которым работающее и неработающее население получало основополагающие навыки и знания, приведена в табл. 1. Гражданин, успешно прошедший обучение и сдавший нормативы, получал удостоверение и знак «Готов к санитарной обороне». Из участников, показавших отличные результаты, в дальнейшем создавались дружины и санитарные посты. Позже элементы данного комплекса вошли в программу ГО страны [16].

Таблица 1

Комплексы «Готов к противовоздушной и противохимической обороне» и «Готов к санитарной обороне»		
Нагрудный знак	Содержание программы обучения	Нормы
Готов к ПВХО		
	Средства воздушного нападения и их действие. Защита от фугасных и осколочных бомб: – укрытия полевого типа – отработка выбора места, разбивки, трассировки и отрывки щелей, изучение порядка заполнения щелей и правил поведения в них.	1 норма
	Защита от зажигательного оружия.	2 норма
	Защита от отравляющих веществ: – пользование противогазом; – действие в районе заражения, обработка противохимическим пакетом;	3 норма
	– защита продуктов от заражения отравляющими веществами. Обязанности и правила поведения населения в условиях ПВО. Итого: 40 часов	4 норма
Готов к санитарной обороне		
I ступень		
	Задачи Общества Красного Креста и Красного Полумесяца в санитарной обороне СССР: 2 часа.	1 норма
	Санитарно-химическая защита: 2, 3 и 4 теоретические занятия по 2 часа каждое.	С 2 по 9 нормы
	2 практических занятия по СХЗ: снятие капель иприта при помощи противоипритного пакета и без него; надевание противогаза на себя и на товарища, смена противогаза на себе и на «пострадавшем».	
	Первая помощь и уход за больными: 5–7 занятие по 2 часа, 8 занятие – 4 часа.	С 10 по 20 нормы
	4 практических занятия по первой помощи и уходу за ранеными: наложение повязок, жгута, закрутки и давящей повязки в противогазе; наложение шинных повязок. Прибинтовывание сломанной конечности (проводится в противогазах); искусственное дыхание по способу Сильвестра, Шеффера, Лобарда.	

Нагрудный знак	Содержание программы обучения	Нормы
	Переноска пострадавших: 2 занятия по 2 часа каждое. Практическое занятие: переноска друг друга на носилках, на руках, с лямками и без лямок (вторые два часа – в противогазах).	С 21 по 23 нормы
	Предупреждение распространения эпидемических заболеваний: 2 занятия по 2 часа	С 24 по 30 нормы
	II ступень	
	Задачи Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР: 2 занятия – 2 часа каждое.	С 1 по 5 нормы
	Санитарная и противохимическая защита: 6 занятий – 2 часа каждое.	С 6 по 16 нормы
	Первая доврачебная помощь: 5 занятий – 12-тичасовые, 8-мичасовое и три 2-х часовых.	С 17 по 24 нормы
	Уход за больным: 1 занятие – 4 часа.	С 25 по 31 нормы
	Транспортировка пострадавших: 2 занятия – 2 и 4 часа.	С 32 по 34 нормы
	Гигиена: 3 занятия – 2 часа каждое.	С 35 по 40 нормы
	Борьба с заразными болезнями: 3 занятия – 2 часа каждое.	С 41 по 53 нормы

Целями программы подготовки школьников и пионеров в возрасте от 11 до 17 лет по программе БГСО были:

- знакомство школьников с правилами личной и школьной гигиены, профилактическими мерами борьбы с заразными болезнями в школе и в домашних условиях;
- формирование умений оказания первой помощи в школе и в быту;
- формирование у школьников знаний о правилах поведения во время воздушно-химической тревоги и оказании первой помощи пострадавшим;
- формирование у школьников умений элементарного ухода за больными.

Подготовкой пионеров и школьников по нормам БГСО руководили только лица с медицинским образованием – врачи, фельдшеры и медицинские сестры. К работе по организации кружков БГСО и проведению практических занятий в помощь медицинским работникам под их контролем могли быть привлечены педагоги и школьники старших классов – из тех, кто выполнил нормативы ГСО.

Продолжительность подготовки по нормам и программам БГСО составляла 1,5 месяца по 2 занятия в неделю (учебный план подготовки к сдаче норм БГСО представлен в табл. 2). При прохождении программы БГСО основное внимание уделялось практическим приемам оказания первой помощи и уходу [17].

Таблица 2

Учебный план подготовки к сдаче норм БГСО школьников

Наименование раздела	Теоретические занятия (в часах)	Классные практические занятия (в часах)	Всего часов
Задачи обществ Красного креста и Красного полумесяца в санитарной обороне СССР	1	–	1
ПМП	3	6	9
Уход за больными	1	2	3
Личная гигиена школьника и меры борьбы с заразными болезнями	3	–	3
Заключительное практическое занятие	–	2	2
Итого	8	10	18

Для повторения и закрепления всех практически изученных приемов перед сдачей норм проводилось заключительное занятие в форме решения практических задач по оказанию первой медицинской помощи и уходу за больными.

Прием норм БГСО производился комиссией с обязательным участием врача школы, представителя районного комитета общества Красного креста и Красного полумесяца и старшего пионервожатого школы [18].

С началом Великой Отечественной войны аналогичная программа БГСО была утверждена СОККиКП и для такой категории граждан как призывники и военнообязанные (табл. 3) [19].

Таблица 3

Учебный план подготовки к сдаче норм БГСО призывников и военнообязанных

Наименование раздела	Теоретические занятия (в часах)	Классные практические занятия (в часах)	Всего часов
Задачи обществ Красного креста и Красного полумесяца в санитарной обороне СССР	2	–	2
ПМП	4	8	12
Переноска раненых, больных и пораженных боевыми отравляющими веществами	-	4	4
Заразные болезни и их предупреждение	2	2	4
Итого	8	14	22

27 декабря 1940 г. руководство ПВО было передано Народному комиссариату внутренних дел СССР, а Главное управление противовоздушной обороной стало структурной частью этого органа. МПВО в годы войны стала важным элементом государства [20].

С началом войны постановлением «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» от 2 июля 1941 г. были установлены следующие обязанности населения в вопросах защиты страны:

- граждане в возрасте от 16 до 60 лет должны были иметь необходимые знания в области ПВО;
- мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины в возрасте от 18 до 50 лет обязаны были вступить в ряды групп самозащиты (они регламентировались «Положением о группах самозащиты жилых домов, учреждений и предприятий» [21].

Таким образом, большая часть населения страны прошла подготовку к обороне в условиях военных действий, причём сделано это было по учебным программам с количеством часов на обучение от 20 и выше. Это позволило сформировать твёрдые и актуальные знания, умения и навыки, обеспечить выживание населения и выполнение задач обороны страны с минимальными потерями в живой силе, военном и гражданском имуществе.

Применение США ядерного оружия в августе 1945 г. и последующее наращивание своего ядерного арсенала ознаменовало новую эру развития вооружений и потребовало коренного пересмотра мер ПВО СССР, программ подготовки вооружённых сил и населения, а также совершенствования инженерно-технических мероприятий защиты объектов народного хозяйства. Результатом этого стала новая система: по положению о Гражданской обороне СССР, утвержденному 13 июля 1961 г. постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР № 639-275, устанавливалось, что ГО стала представлять собой систему общегосударственных оборонных мероприятий, организованных и применяемых с целью защиты населения и народного хозяйства от оружия массового поражения.

В 1966 г. вводится в действие новая 21-часовая программа подготовки граждан по ГО, обеспечивая достаточный уровень подготовки. Противники СССР тогда признавали, что ГО СССР была одной из лучших систем в мире.

Сегодня, к сожалению, самой развитой программой ГО известна не Россия, а Швейцария, крайний этап развития которой начался в 1959 году с включением в конституцию статьи о ГО. Правовую основу ведения ГО в этой стране и организации подготовки государственных сил и населения составляют следующие нормативные правовые акты в этой сфере:

- Федеральный закон о защите населения и гражданской обороне (Bundesgesetz über den Bevölkerungsschutz, und den Zivilschutz BZG), одобренный парламентом и поддержанный большинством граждан на референдуме в 2003 г. (80,6 %);

- Положение о гражданской обороне (Verordnung über den Zivilschutz (Zivilschutzverordnung, ZSV);

- Положение о защите населения (Verordnung über den Bevölkerungsschutz (Bevölkerungsschutzverordnung BevSV).

Законом устанавливается обязательная подготовка по ГО для физически здоровых мужчин в возрасте от 20 до 40 лет (кроме военнослужащих). Женщины в возрасте от 20 лет могут проходить обучение добровольно. Подготовка включает базовый курс и ежегодные переподготовки. При необходимости подготовленные граждане могут быть привлечены для выполнения задач ГО, например, для ликвидации масштабных стихийных бедствий и катастроф [22].

Первичное обучение граждан проводится в 58 центрах подготовки страны по 12-часовой программе. Не реже трех раз в год проводятся учения для проверки готовности, где отрабатываются навыки пожаротушения, спасательных работ, оказания медицинской помощи, эвакуации, подготовки к приёму и занятия убежищ [23].

На сегодняшний день в Российской Федерации, в отличие от СССР, ситуация с подготовкой населения ухудшилась, несмотря на то, что идёт специальная военная операция: постановлением Правительства Российской Федерации от 21 января 2023 г. № 51 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2000 г. № 841» было не сокращено, а попросту ликвидировано курсовое обучение работающего населения по ГО по месту работы [24].

Оставшиеся формы подготовки работающего населения в постановлении Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2000 г. № 841 «Об утверждении Положения о подготовке населения в области гражданской обороны» (постановление № 841), такие как вводный инструктаж по ГО по месту работы, участие в учениях и других мероприятиях по ГО, самостоятельное изучение способов защиты в военное время, с педагогической точки зрения не могут сформировать должный уровень готовности гражданина к действиям в условиях военного времени. Данная позиция законодателя фактически лишает большую часть работающих граждан Российской Федерации твердых знаний, умений и навыков, необходимых для защиты на территории военного конфликта, а значит ставит жизнь и здоровье их самих, их детей и близких под угрозу.

Что касается подготовки других категорий граждан – школьников и студентов, то тут также можно говорить о фактической невозможности сформировать комплекс знаний и умений в области ГО, достаточных для самозащиты. Так, например, в некоторых университетах в программах «Безопасность жизнедеятельности» по различным направлениям подготовки на раздел «Гражданская оборона» («Гражданская защита») отводится в среднем 5 часов на аудиторные занятия (1 час – лекция, 4 часа – практические занятия) и 11 часов на самостоятельную работу. Участие обучающихся в учениях и тренировках по ГО, а также чтение памяток, листовок и пособий, прослушивание радиопередач и просмотр телепрограмм по тематике ГО для большинства являются формальностью и не формируют готовность к действиям в экстремальных ситуациях и в военное время. Неработающее население вообще имеет поверхностные и неточные знания по современным средствам поражения и порядку действий в условиях военного времени.

Все вышеприведенные факты подтверждаются статистическими данными, полученными в ходе проведенного исследования по вопросам подготовки населения в области ГО. Выборка включала работающее и неработающее население, а также обучающихся вузов, общей численностью 134 человека [25].

20 января на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 г. министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров заявил о том, что деятельность европейских государств и «заявления европейских лидеров, в том числе генсека НАТО Марка Рютте, свидетельствуют о том, что они всерьез готовятся к войне против России» [26].

Таким образом, учитывая ухудшение военно-политической обстановки следует разработать новую единую программу подготовки, по содержанию и количеству часов, соответствующую требованиям военного конфликта XXI в.

Выводы и заключение

1. Завершение Первой мировой войны отмечено появлением государственной системы ПВО, ПХЗ и эвакуационных мер, ставших основой будущей отечественной системы гражданской обороны СССР [27]. С 1927 г. реализуются формы массовой подготовки населения – «недели обороны», «декады обороны», «месячники обороны», проводятся совместные общегородские учения воинских подразделений и общественных организаций [28]. Сформированная система подготовки населения включала комплексы «Будь готов к ПВО», «Будь готов к ПХЗ», ГСО для взрослых, и комплекс нормативов БГСО для школьников, призывников и военнообязанных [29]. Программы имели общее количество часов от 18 до 40, соответственно. В отличие от советской системы подготовки населения, российская система урезана не только по количеству категорий, но и по количеству часов.

2. Каждый новый военный конфликт на земном шаре характеризуется повышением доли высокоточных средств поражения; растёт их точность, мощность и скорость. Кроме того, большие потери приходятся на мирное население не только при прямых ударах, но и при попытках покинуть зону военных действий, перемещаться на потенциально опасной территории. Имеет место проблема наличия новых видов мин и суббоеприпасов от кассетных боеприпасов, сбрасываемых дронами (БПЛА), знаний о которых у населения нет.

3. Проведённый анализ нормативной правовой базы СССР и программ подготовки населения показал, что их содержание формировало требуемую готовность миллионов граждан к самозащите в условиях военного времени. Проведённый анализ нормативной правовой базы Российской Федерации выявил негативную и парадоксальную ситуацию – в условиях, когда страной несколько лет ведётся военный конфликт и есть высокая вероятность расширения театра военных действий и выступления против России государств блока НАТО, вместо совершенствования подготовки населения в области ГО происходит её деградация, выражающаяся в ликвидации отдельных форм подготовки значительных по численности категорий населения.

4. Анализ предусмотренных законом форм и программ подготовки населения позволяют заключить следующее – к действиям в условиях военного времени в определенной степени готовы только отдельные категории населения, проходящие дополнительное профессиональное или курсовое обучение в области ГО в организациях – это должностные лица муниципальных органов власти, руководители организаций (согласно постановления № 841) и руководители и личный состав формирований и служб. Большая часть населения Российской Федерации – это остальное работающее и неработающее население, а также школьники, студенты и иные категории обучающихся – к самозащите и обороне государства в условиях военного времени не готовы.

5. Исходя из сложившейся обстановки, согласно п/п. «б» п. 7, п/п. «д» п. 12, и п/п. «а» п. 13 Указа Президента Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. № 696 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года» [30] необходимо срочное изменение

законодательства о гражданской обороне в части подготовки населения: установление двухуровневой системы подготовки, уточнение категорий населения, разработка единой базовой программы (1 уровень) и дополнительной специальной программы для руководителей и личного состава формирований и служб (2 уровень).

Предложения

1. В соответствии с Основами единой государственной политики Российской Федерации в области ГО одним из ключевых направлений является совершенствование системы обучения населения, подготовки должностных лиц и работников в области ГО. Реализуя данную задачу, необходимо внести следующие изменения в постановление № 841:

– в п.п. «д» п. 3 «Обучающиеся» определить, что к указанной категории относятся школьники 12–17 лет и обучающиеся по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования (за исключением аспирантуры (адъюнктуры), ординатуры, ассистентуры-стажировки);

– в п. 6 «Неработающее население» определить, что к указанной категории относятся мужчины в возрасте до 60 лет и женщины в возрасте до 50 лет.

Установить, что все категории населения – должностные лица местного самоуправления, работающее, неработающее население и обучающиеся проходят разовую подготовку по базовой программе «Готов к гражданской обороне» (не менее 24 часов) с выполнением нормативов. Руководители организаций, продолжающих работу в военное время, и личный состав формирований и служб ГО помимо подготовки по базовой программе «Готов к гражданской обороне» (не менее 24 часов) проходят подготовку по дополнительной специальной программе по своему профилю (12 часов).

Список источников

1. Кессиди Ф.Х. «Мелосский диалог» или политика с позиции силы // Философия и общество. 2007. № 2. С. 119–127.

2. Заявление МИД России о выходе США из Договора о РСМД и прекращении его действия. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/situacia-vokrug-dogovora-o-rsmd/1467241/ (дата обращения: 20.01.2026).

3. IISS Military Balance 2024: World Enters New Era of Global Insecurity. The International Institute for Strategic Studies, IISS. URL: <https://www.iiss.org/> (дата обращения: 20.01.2026).

4. Госсекретарь США Марко Рубио поставил под сомнение смысл и пользу ООН. URL: <https://rg.ru/2025/09/23/gossekretar-ssha-mark-rubio-postavil-pod-sommenie-smysl-i-polzu-onn.html> (дата обращения: 20.01.2026).

5. Брифинг начальника войск РХБЗ Игоря Кириллова. URL: <https://rg.ru/video/2023/09/06/briefing-nachalnika-vojsk-rhbz-igorja-kirillova.html> (дата обращения: 20.01.2026).

6. В Минобороны Белоруссии заявили о подготовке НАТО к войне. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1393858-v-minoborony-belorussii-ne-schitaiut-blefom-podgotovku-nato-k-voine> (дата обращения: 20.01.2026).

7. John R. Hoehn. Precision-Guided Munitions: Background and Issues for Congress. URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/R/PDF/R45996/R45996.4.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

8. John R. Hoehn. Precision-Guided Munitions: Background and Issues for Congress. June 11, 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov> (дата обращения: 20.01.2026).

9. Modern warfare: ‘precision’ missiles will not stop civilian deaths – here’s why. URL: <https://theconversation.com/modern-warfare-precision-missiles-will-not-stop-civilian-deaths-heres-why-171905> (дата обращения: 20.01.2026).

10. 90 лет на службе населения. Издание МОГО, 2021. 86 с.

11. Багдасарян А.О. Государственные проекты и практики организации системы гражданской обороны России в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.). Омск, 2021. 541 с.

12. ОСОАВИАХИМ (О) – Термины МЧС России – МЧС России. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1279> (дата обращения: 20.01.2026).
13. Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (СОКК и КП СССР). 1923–1992. Ф. Р-9501, 17 оп., 8756 ед. хр., крайние даты: 1918–1992. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/26534> (дата обращения: 20.01.2026).
14. Будь готов к ПВХО / Областной совет Осоавиахима; отв. за вып. М.П. Шихина. Горький: Горьковское обл. изд-во, 1941. 49 с.
15. Программы и нормы ГСО I и II ступени / Моск. обл. ком-т Кр. креста. М.: Моск. рабочий, 1940. 32 с.
16. Крюкова Л.В. Из истории деятельности МПВО в 1930–1940-е годы на Ставрополье // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 10-2. С. 74–78. EDN KXETFN.
17. Положение и инструкция по сдаче норм на значок «Будь готов к санитарной обороне СССР» БГСО / Рос. общ-во красного креста. Дом культуры и сан. обороны МОК РОКК. М.: тип. «Политотделец», 1935. 8 с.
18. Материалы по подготовке к сдаче норм «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО) / Испол. ком. Союза о-в красного креста и красного полумесяца СССР. М.: Наркомздрав СССР Медгиз, 1941. 14 с.
19. Материалы по подготовке к сдаче норм «Готов к санитарной обороне СССР» (ГСО) (утв. 9 янв. 1941 г. заместителем Народного Комиссара Здравоохранения и председателем Исполнительного Комитета СОККиКП СССР). URL: [https://lib.permkrai.ru/node/775/pdfbook/download/Materialy_po_podgotovke_k_sdache_norm_%3C%3CGotov_k_Sanitarnoy_Oborone_SSSR%3E%3E_\(GSO\).pdf](https://lib.permkrai.ru/node/775/pdfbook/download/Materialy_po_podgotovke_k_sdache_norm_%3C%3CGotov_k_Sanitarnoy_Oborone_SSSR%3E%3E_(GSO).pdf) (дата обращения: 20.01.2026).
20. Зайцев А.Н. Гражданская оборона в годы Великой отечественной войны и послевоенные годы // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2010. № 1 (1). С. 269–271.
21. Положение о группах самозащиты жилых домов, учреждений и предприятий. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/samozash/text.pdf> (дата обращения: 20.01.2026).
22. Evans M. Harrell: «Civil Defense in Other Countries» in «Civil Defense: A Choice of Disasters», Eds.: John Dowling, Evans M. Harrell. American Institute of Physics. New York, 1987. P. 105–124.
23. Емельянов В. Гражданская оборона Швейцарии // Зарубежное военное обозрение (ежемесячный военный иллюстрированный журнал). 1992. № 6. С. 19–24.
24. Об утверждении Положения о подготовке населения в области гражданской обороны: постановление Правительства Рос. Федерации от 2 нояб. 2000 г. № 841 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. Шишалова В.О. Совершенствование системы подготовки населения в области гражданской обороны. СПб., 2024. DOI: 10.18720/SPBPU/3/2024/vr/vr24-1860.
26. Лавров: в НАТО всерьез готовятся к войне с Россией. URL: <https://tass.ru/politika/26193225> (дата обращения: 20.01.2026).
27. Немченко С.Б., Смирнова А.А. Становление понятия «Гражданская оборона» в России и странах ближнего зарубежья: материалы II междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Всемирн. дню ГО. Ч. II. М.: Акад. ГПС МЧС России, 2018. С. 53–58. EDN XZLUNZ.
28. Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А. Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий (обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2015. № 5. С. 118–125. EDN TUJCMH.
29. Смирнова А.А. Великая отечественная война глазами бойца МПВО Г. Ленинграда (по материалам дневников и воспоминаний) // Исторические параллели. Роль МПВО в годы Великой Отечественной войны: материалы науч.-практ. конф. Химки: Акад. гражд. защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, 2023. С. 39–45. EDN VLHHYQ.
30. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 20 дек. 2016 г. № 696. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Kessidi F.H. «Meloskij dialog» ili politika s pozicii sily // *Filosofiya i obshchestvo*. 2007. № 2. S. 119–127.
2. Zayavlenie MID Rossii o vyhode SSHA iz Dogovora o RSMD i prekrashchenii ego dejstviya. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/situacia-vokrug-dogovora-o-rsmd/1467241/ (data obrashcheniya: 20.01.2026).
3. IISS Military Balance 2024: World Enters New Era of Global Insecurity. The International Institute for Strategic Studies, IISS. URL: <https://www.iiss.org/> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
4. Gossekretar' SSHA Marko Rubio postavil pod somnenie smysl i pol'zu OON. URL: <https://rg.ru/2025/09/23/gossekretar-ssha-mark-rubio-postavil-pod-sommenie-smysl-i-polzu-oon.html> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
5. Brifing nachal'nika vojsk RHBZ Igorya Kirillova. URL: <https://rg.ru/video/2023/09/06/brifing-nachalnika-vojsk-rhbz-igoria-kirillova.html> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
6. V Minoborony Belorussii zayavili o podgotovke NATO k vojne. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1393858-v-minoborony-belorussii-ne-schitaiut-blefom-podgotovku-nato-k-voine> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
7. John R. Hoehn. Precision-Guided Munitions: Background and Issues for Congress. URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/R/PDF/R45996/R45996.4.pdf (data obrashcheniya: 20.01.2026).
8. John R. Hoehn. Precision-Guided Munitions: Background and Issues for Congress. June 11, 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
9. Modern warfare: 'precision' missiles will not stop civilian deaths – here's why. URL: <https://theconversation.com/modern-warfare-precision-missiles-will-not-stop-civilian-deaths-heres-why-171905> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
10. 90 let na sluzhbe naseleniya. Izdanie MOGO, 2021. 86 s.
11. Bagdasaryan A.O. Gosudarstvennye proekty i praktiki organizatsii sistemy grazhdanskoj oborony Rossii v gody pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gg.). Omsk, 2021. 541 s.
12. OSOAVIAHIM (O) – Terminy MCHS Rossii – MCHS Rossii. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1279> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
13. Soyuz obshchestv Krasnogo Kresta i Krasnogo Polumesyaca SSSR (SOKK i KP SSSR). 1923–1992. F. R-9501, 17 op., 8756 ed. hr., krajnie daty: 1918–1992. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/26534> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
14. Bud' gotov k PVHO / Oblastnoj sovet Osoaviahima; otv. za vyp. M.P. Shihina. Gor'kij: Gor'kovskoe obl. izd-vo, 1941. 49 s.
15. Programmy i normy GSO I i II stupeni / Mosk. obl. kom-t Kr. kresta. M.: Mosk. rabochij, 1940. 32 s.
16. Kryukova L.V. Iz istorii deyatel'nosti MPVO v 1930–1940-e gody na Stavropol'e // *Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij*. 2009. № 10-2. S. 74–78. EDN KXETFN.
17. Polozhenie i instrukciya po sdache norm na znachok «Bud' gotov k sanitarnoj oborone SSSR» BGSO / Ros. obshch-vo krasnogo kresta. Dom kul'tury i san. oborony MOK ROKK. M.: tip. «Politotdelec», 1935. 8 s.
18. Materialy po podgotovke k sdache norm «Bud' gotov k sanitarnoj oborone» (BGSO) / Ispol. kom. Soyuza o-v krasnogo kresta i krasnogo polumesyaca SSSR. M.: Narkomzdrav SSSR Medgiz, 1941. 14 s.
19. Materialy po podgotovke k sdache norm «Gotov k sanitarnoj oborone SSSR» (GSO) (utv. 9 yanv. 1941 g. zamestitelem Narodnogo Komissara Zdravoohraneniya i predsedelem Ispolnitel'nogo Komiteta SOKKiKP SSSR). URL: [https://lib.permkrai.ru/node/775/pdfbook/download/Materialy_po_podgotovke_k_sdache_norm_%3C%3CGotov_k_Sanitarnoy_Oborone_SSSR%3E%3E_\(GSO\).pdf](https://lib.permkrai.ru/node/775/pdfbook/download/Materialy_po_podgotovke_k_sdache_norm_%3C%3CGotov_k_Sanitarnoy_Oborone_SSSR%3E%3E_(GSO).pdf) (data obrashcheniya: 20.01.2026).
20. Zajcev A.N. Grazhdanskaya oborona v gody Velikoj otechestvennoj vojny i poslevoennye gody // *Pozharnaya bezopasnost': problemy i perspektivy*. 2010. № 1 (1). S. 269–271.

21. Polozhenie o gruppah samozashchity zhilyh domov, uchrezhdenij i predpriyatij. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/samozash/text.pdf> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
22. Evans M. Harrell: «Civil Defense in Other Countries» in «Civil Defense: A Choice of Disasters», Eds.: John Dowling, Evans M. Harrell. American Institute of Physics. New York, 1987. P. 105–124.
23. Emel'yanov V. Grazhdanskaya oborona Shvejcarii // Zarubezhnoe voennoe obozrenie (ezhemesyachnyj voennyj illyustrirovannyj zhurnal). 1992. № 6. S. 19–24.
24. Ob utverzhdenii Polozheniya o podgotovke naseleniya v oblasti grazhdanskoj oborony: postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 2 noyab. 2000 g. № 841 (s izm. i dop.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
25. Shishalova V.O. Sovershenstvovanie sistemy podgotovki naseleniya v oblasti grazhdanskoj oborony. SPb., 2024. DOI: 10.18720/SPBPU/3/2024/vr/vr24-1860.
26. Lavrov: v NATO vser'ez gotovyatsya k vojne s RF. URL: <https://tass.ru/politika/26193225> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
27. Nemchenko S.B., Smirnova A.A. Stanovlenie ponyatiya «Grazhdanskaya oborona» v Rossii i stranah blizhnego zarubezh'ya: materialy II mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. Vsemirn. dnyu GO. Ch. II. M.: Akad. GPS MCHS Rossii, 2018. S. 53–58. EDN XZLUHZ.
28. Mal'ko A.V., Nemchenko S.B., Smirnova A.A. Pravovaya politika v sfere obespecheniya pozharnej bezopasnosti, grazhdanskoj oborony, chrezvychajnyh situacij i likvidacii posledstvij stihijnyh bedstvij (obzor materialov «kruglogo stola») // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 5. S. 118–125. EDN TUJCMH.
29. Smirnova A.A. Velikaya otechestvennaya vojna glazami bojca MPVO G. Leningrada (po materialam dnevnikov i vospominanij) // Istoricheskie paralleli. Rol' MPVO v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: materialy nauch.-prakt. konf. Himki: Akad. grazhd. zashchity MCHS Rossii im. general-lejtenanta D.I. Mihajlika, 2023. S. 39–45. EDN VLHHYQ.
30. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti grazhdanskoj oborony na period do 2030 goda: Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 20 dek. 2016 g. № 696. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Принята к публикации: 05.04.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 02.02.2026

Accepted for publication: 05.04.2026

Информация об авторах:

Узун Олег Леонидович, заместитель директора по науке Высшей школы техносферной безопасности Инженерно-строительного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29), e-mail: uzun_ol@spbstu.ru, SPIN-код: 3204-6018

Данилова Виктория Олеговна, ведущий специалист-эксперт отделения надзорной деятельности отдела надзорной деятельности и профилактической работы Московского района управления по Московскому району Главного управления МЧС России по г. Санкт-Петербургу (190031, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 40), e-mail: vika-vika030702@mail.ru, SPIN-код: 7946-2890

Савиных Артём Сергеевич, специалист по охране труда АО ВО «Электроаппарат» (199106, Санкт-Петербург, 24-я линия ВО, д. 3-7), e-mail: savinyh-2021@mail.ru

Information about the authors:

Uzun Oleg L., deputy director for science of the Higher school of technosphere safety of the Institute of civil engineering of the Peter the Great Saint-Petersburg polytechnic university (195251, Saint-Petersburg, Politehnicheskaya str., 29), e-mail: uzun_ol@spbstu.ru, SPIN: 3204-6018

Danilova Victoria O., leading expert in the Department of supervision of the department of supervision and preventive work of the Moscow district of the Moscow district directorate of the Main directorate of EMERCOM of Russia in Saint-Petersburg (190031, Saint-Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 40), e-mail: vika-vika030702@mail.ru, SPIN: 7946-2890

Savinykh Artyom S., occupational safety specialist at JSC VO «Elektroapparat» (199106, Saint-Petersburg, 24 line VO, 3-7), e-mail: savinyh-2021@mail.ru

Научная статья

УДК 347.9; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-83-96

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

✉Чуллийев Шухрат Аскарлович.

Институт законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан

✉sh.chulliev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена трансформации судебного процесса через призму правового статуса судей в цифровую эпоху. Анализируются историческая эволюция статуса судей, его ключевые элементы и принципы – независимость, беспристрастность и подотчетность. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий, включая искусственный интеллект, онлайн-суды и алгоритмические инструменты, на судебную деятельность. Рассматриваются вызовы обеспечения независимости, этики и ответственности судей в условиях цифровизации. Обосновывается необходимость адаптации их правового статуса, развития цифровой компетентности и новых этических правовых подходов для сохранения доверия к правосудию.

Ключевые слова: трансформация судебного процесса, правовой статус судей, цифровая эпоха, судебная независимость, беспристрастность, подотчетность, искусственный интеллект в праве, онлайн-суды, цифровая компетентность, судебная этика

Для цитирования: Чуллийев Ш.А. Трансформация судебного процесса через призму правового статуса судей в цифровую эпоху // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 83–96. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-83-96

Scientific article

TRANSFORMATION OF THE JUDICIAL PROCESS THROUGH THE PRISM OF THE LEGAL STATUS OF JUDGES IN THE DIGITAL ERA

✉Chulliyev Shukhrat A.

Institute of legislation and legal policy under the President of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

✉sh.chulliev@mail.ru

Abstract. The article examines the transformation of the judicial process through the lens of the legal status of judges in the digital age. It analyzes the historical evolution of judges' status, its key elements, and core principles—Independence, impartiality, and accountability. Particular attention is paid to the impact of digital technologies, including artificial intelligence, online courts, and algorithmic tools, on judicial activity. The challenges of ensuring judicial independence, ethics, and accountability in the context of digitalization are explored. The article substantiates the need to adapt the legal status of judges, develop digital competencies, and introduce new ethical and legal approaches to maintain trust in the justice system.

Keywords: transformation of the judicial process, legal status of judges, digital era, judicial independence, impartiality, accountability, artificial intelligence in law, online courts, digital competence, judicial ethics

For citation: Chulliyev Sh.A. Transformation of the judicial process through the prism of the legal status of judges in the digital era // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 83–96. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-83-96

Судебный процесс в современных правовых системах неразрывно связан с правовым статусом судей, который традиционно выступает фундаментом обеспечения независимости, беспристрастности и подотчетности судебной власти. На протяжении длительного времени содержание этого статуса формировалось под влиянием конституционных норм, отраслевого законодательства и профессионально-этических стандартов, определяющих пределы поведения судьи и гарантии его институциональной автономии. Такое понимание

обеспечивало устойчивость судебной деятельности и доверие к правосудию, задавая нормативные ориентиры функционирования судебного процесса.

Вместе с тем цифровая эпоха, характеризующаяся активным внедрением информационных технологий и инструментов искусственного интеллекта (ИИ), существенно трансформирует привычные представления о роли судьи и механизмах осуществления правосудия. Возникает необходимость переосмысления того, каким образом традиционная концепция правового статуса судей соотносится с новыми технологическими реалиями, и как эти изменения влияют на судебный процесс. Настоящая статья направлена на выявление направлений такой трансформации, включая анализ исторических основ, ключевых элементов правового статуса судей и воздействия цифровых технологий на их профессиональную деятельность в условиях современного развития судебной системы.

Историческая эволюция правового статуса судей

Концепция правового статуса судей значительно развивалась на протяжении всей истории – от рудиментарных судебных систем древних цивилизаций до сложных структур современных демократий.

По мере усложнения общественных отношений возрастала и потребность в институционализации судебной власти, что приводило к формированию более четких требований к профессиональным и этическим качествам судей. Одновременно происходило постепенное закрепление принципов их ответственности и ограничение произвольного усмотрения, что отражало стремление обществ к справедливости и правопорядку.

В этом контексте особый интерес представляет анализ ранних правовых памятников, в которых впервые были зафиксированы нормы, регулирующие деятельность судей и основы их статуса.

В древней Месопотамии Кодекс Хаммурапи (около 1754 г. до н. э.) установил один из самых ранних известных сводов законов, включая положения о поведении судей в разделах 5 и 6, которые касались судебной коррупции [1].

Римская правовая традиция, кодифицированная в *Corpus Juris Civilis* Юстиниана (529–534 гг. н.э.), далее развила концепцию судебной независимости, особенно в Книге 4, Разделе 3 о судебных обязанностях [2].

Английская система общего права, воплощенная в Великой хартии вольностей (1215 г.), ввела принцип надлежащей правовой процедуры и заложила основу судебной независимости в англосаксонских юрисдикциях, в частности в ст. 39 [3].

Французская революция и последующий Наполеоновский кодекс (1804 г.) оказали значительное влияние на системы гражданского права, подчеркивая роль судей как беспристрастных толкователей кодифицированного права, что видно из ст. 4 Гражданского кодекса [4].

В исламских правовых традициях концепция кади (судьи) была центральной, а принципы поведения судей были получены из религиозных текстов и научных толкований, таких как «Аль-Ахкам ас-Султанья» Аль-Мавариди (XI в.) [5].

Современное понимание правового статуса судей было в значительной степени сформировано конституционными изменениями XVIII и XIX вв., в частности Конституцией США (1787 г.) и ее положением о пожизненном сроке полномочий для федеральных судей в ст. III разд. 1.

Историческая эволюция правового статуса судей демонстрирует последовательное укрепление принципов независимости, беспристрастности и профессиональной ответственности судебной власти, которые в различных правовых традициях приобретали свои специфические формы, но сохраняли общую направленность на обеспечение справедливого правосудия. Накопленный исторический опыт позволяет рассматривать современный статус судьи как результат многовекового развития правовых идей и институтов, что, в свою очередь, предопределяет необходимость его дальнейшего осмысления и адаптации к новым социальным и технологическим условиям.

Основные компоненты правового статуса судей

Правовой статус судей состоит из ряда взаимосвязанных компонентов, которые в совокупности обеспечивают целостность и эффективность судебной системы. К числу таких компонентов традиционно относят порядок наделения судей полномочиями, гарантии их независимости, основания ответственности, а также требования к профессиональной и этической пригодности. При этом именно механизм формирования судейского корпуса играет ключевую роль, поскольку он определяет исходный уровень компетентности и беспристрастности представителей судебной власти.

В этой связи особое значение приобретает анализ процедур назначения судей как одного из базовых элементов их правового статуса. Процедуры назначения различаются в зависимости от юрисдикции, но в целом направлены на обеспечение отбора квалифицированных и беспристрастных лиц. В США федеральные судьи назначаются президентом и утверждаются сенатом, как указано в разд. 2 ст. II Конституции [6].

Гарантия пребывания в должности имеет решающее значение для независимости судебной системы, при этом во многих странах предусмотрены пожизненные или фиксированные сроки полномочий. Например, ст. 97 Основного закона Германии гарантирует пожизненные полномочия федеральным судьям [7].

Адекватное вознаграждение имеет важное значение для предотвращения коррупции и поддержания достоинства судебной должности. Основные принципы ООН о независимости судебных органов, принятые в 1985 г., подчеркивают важность обеспечения пребывания в должности, независимости, безопасности и вознаграждения судей в принципах 11–13 [8].

Процессы отстранения, как правило, являются строгими для защиты судей от произвольного увольнения. В Великобритании Закон о высших судах 1981 г. (разд. 11(3)) предусматривает, что старшие судьи могут быть отстранены от должности только монархом по представлению обеих палат парламента [9]. Европейская хартия о статусе судей (1998 г.) содержит всеобъемлющие руководящие принципы по этим компонентам, подчеркивая необходимость законодательной защиты статуса судей в статьях 1.1–1.4 [10].

Перечисленные основные компоненты все чаще подвергаются сомнению из-за технологических достижений, что ставит под сомнение их адекватность в цифровую эпоху и требует переоценки традиционных гарантий независимости и подотчетности судебной системы.

В этих условиях становится очевидным, что традиционные элементы правового статуса судей требуют не только сохранения, но и адаптации с учетом новых реалий, связанных с цифровизацией правосудия и расширением использования технологий в судебной деятельности. Возникает необходимость поиска баланса между инновациями и фундаментальными принципами независимости, беспристрастности и ответственности судей, что предопределяет дальнейшее развитие научных и практических подходов к определению их правового статуса.

Независимость судебной власти: теоретические основы и практическая реализация

Независимость судей является основополагающим принципом, лежащим в основе правового статуса судей, укорененным в политической философии и конституционной теории. Формирование данного принципа стало результатом длительного теоретического осмысления роли суда в системе государственной власти и его значения для обеспечения баланса между различными ветвями власти. При этом ключевое внимание уделялось разработке таких институциональных механизмов, которые позволяли бы оградить судей от внешнего давления и гарантировать их способность принимать решения, руководствуясь исключительно законом и внутренним убеждением.

В этой связи особую значимость приобретают классические политико-правовые концепции, заложившие основы современного понимания судебной независимости.

Концепция разделения властей Монтескье, сформулированная в «Духе законов» (1748 г., Книга XI, Глава 6), сыграла важную роль в формировании современного понимания независимости судей [11].

Александр Гамильтон в Федералистском документе № 78 более подробно остановился на важности независимой судебной системы как оплота против посягательств законодательной власти и злоупотреблений исполнительной власти [12].

В современной теории права работа Рональда Дворкина о роли принципов в принятии судебных решений, в частности в «Империи закона» (1986 г.), внесла вклад в тонкое понимание независимости судей в рамках правовой целостности [13].

Практическая реализация независимости судей различается в разных юрисдикциях. В Канаде Закон о Верховном суде (RSC 1985 г., гл. S-26, разд. 9) предусматривает независимость судей Верховного суда [14]. Конституционный суд Южной Африки, созданный в соответствии с разд. 8 Конституции Южной Африки (1996 г.), является примером институциональной независимости, его полномочия и функции четко определены в ст. 167 [15].

Финансовая автономия имеет решающее значение для судебной независимости, как признано в Бангалорских принципах поведения судей (2002 г., Принцип 1.6), где подчеркивается роль судебной системы в обеспечении достаточных ресурсов для ее функционирования. Задача в цифровую эпоху заключается в сохранении этих принципов независимости при адаптации к технологическим изменениям, которые могут повлиять на процессы принятия судебных решений и институциональные структуры.

В цифровую эпоху финансовая автономия судов приобретает новое значение: она должна включать не только контроль над бюджетом, но и способность самостоятельно внедрять и управлять цифровыми технологиями. Зависимость от внешних ИТ-структур или непрозрачных алгоритмов может подорвать судебную независимость. Поэтому критически важно, чтобы судебная система имела ресурсы и полномочия для разработки собственных цифровых решений, обеспечивая тем самым как технологическую, так и институциональную независимость.

Беспристрастность суда: этические стандарты и практические проблемы

Судебная беспристрастность – основа доверия к правосудию и ключевой элемент статуса судьи. В цифровую эпоху важно, чтобы технологии не подменяли суждение судьи и не влияли на его независимость. Алгоритмы и электронные системы должны быть прозрачными и подконтрольными, чтобы сохранить объективность и обеспечить справедливое разбирательство в новых условиях.

Типовой кодекс поведения судей, принятый Американской ассоциацией юристов, содержит всеобъемлющие руководящие принципы обеспечения судебной беспристрастности, в частности, в правиле 2.2 о беспристрастности и справедливости [16]. В Канаде Этические принципы для судей, опубликованные Канадским советом судей, предлагают подробные рекомендации по поддержанию беспристрастности (разд. В о беспристрастности) [17].

Теоретические основы понимания судебной беспристрастности включают работу философа-правоведа Х.Л.А. Харта о концепции права и роли судей в правовом обосновании, изложенную в «Концепции права» (1961 г.) [18]. Практические проблемы беспристрастности включают влияние средств массовой информации, как указано в Законе о неуважении к суду 1981 г. в Великобритании, который направлен на предотвращение предвзятого освещения в СМИ текущих судебных процессов (разд. 1 и 2) [19].

Личные предубеждения и конфликты интересов рассматриваются в различных этических кодексах, таких как Кодекс поведения судей США (Canon 3С о дисквалификации) [20]. Европейский суд по правам человека разработал обширную судебную практику по беспристрастности судей, интерпретируя ст. 6 Европейской конвенции о правах человека, как это было продемонстрировано в деле *Piersack v. Belgium* (1982).

Тем самым, цифровая эпоха вносит новые вызовы беспристрастности, такие как доступ судей к информации за пределами зала суда через онлайн-источники и потенциальное влияние рекомендаций, генерируемых ИИ, что требует переоценки традиционных этических стандартов и их применения в технологически продвинутой судебной среде.

В новых условиях важно установить четкие границы допустимого взаимодействия судей с цифровыми ресурсами, включая социальные сети, поисковые системы и автоматизированные аналитические инструменты. Эти границы должны учитывать как необходимость сохранения нейтралитета, так и новые формы воздействия – от алгоритмической предвзятости до скрытого влияния персонализированного контента.

Обновление этических стандартов должно сопровождаться постоянным обучением судей в области цифровой грамотности и понимания работы ИИ, чтобы они могли осознанно и критически использовать технологии без ущерба для своей беспристрастности.

Судебная ответственность в современном контексте

Подотчетность судебных органов представляет собой сложную задачу по балансированию между необходимостью надзора и сохранением независимости судебных органов. С одной стороны, общество вправе ожидать прозрачности и эффективности в работе судов, с другой – чрезмерное внешнее вмешательство может угрожать свободе принятия решений и подорвать принцип разделения властей.

В цифровую эпоху эта дилемма обостряется: новые инструменты аналитики и автоматизированной отчетности позволяют более точно оценивать работу судов, но при этом создают риск избыточного контроля, особенно если такие данные используются вне контекста или под политическим давлением.

Поэтому подход к подотчетности должен быть взвешенным: он должен усиливать качество правосудия, обеспечивая доступ к информации о судебной деятельности, но не вмешиваться в содержание судебных решений. Ключевым элементом здесь становится институциональная автономия судов при формировании стандартов отчетности и оценки, а также соблюдение принципов открытости, пропорциональности и профессиональной саморегуляции.

Противоречие между этими принципами очевидно при разработке механизмов подотчетности в различных правовых системах. В США Закон о поведении судей и инвалидности 1980 г. (28 USC §§ 351–364) устанавливает формальный процесс подачи жалоб на федеральных судей с конкретными процедурами, изложенными в разд. 351–353 [21]. Европейская сеть советов по судебной системе разработала руководящие принципы подотчетности судебных органов, подчеркивая прозрачность и этическое поведение, как подробно описано в ее отчете 2017 г. «Независимость, подотчетность и качество судебной системы» [22].

Оценки эффективности используются все чаще, как видно из Контрольных показателей качества для финской судебной системы, которые включают конкретные показатели эффективности и качества судебной системы [23]. Общественный контроль был усилен за счет таких инициатив, как публикация активов судей, как предписано Законом о прозрачности судебной системы в Румынии (Закон № 303/2004, ст. 5) [24]. Роль судебных советов в поддержании подотчетности иллюстрируется Высшим советом юстиции в Италии, созданным в соответствии со ст. 104 Конституции Италии, функции которого дополнительно определены в ст.ст. 105–110 [25].

Недавние споры, такие как скандал с коррупцией в судебной системе в Литве в 2018 г., высветили текущие проблемы в обеспечении эффективной подотчетности судебной системы при сохранении независимости. Цифровая эпоха добавляет новые измерения к подотчетности, включая прослеживаемость судебных решений с помощью цифровых записей и потенциал для аудита судебной деятельности с помощью ИИ, что поднимает вопросы о надлежащем балансе между технологическим надзором и судебным усмотрением.

Такие инструменты, как анализ судебных решений на предмет системных отклонений или необоснованных различий, могут повысить прозрачность и выявлять риски коррупции или предвзятости. Однако при отсутствии четких нормативных рамок они могут подорвать доверие к судебной автономии, особенно если алгоритмы используются непрозрачно или без учета контекста конкретных дел.

Это подчеркивает необходимость разработки этически обоснованных и юридически защищенных механизмов цифрового аудита, где технологии служат поддержкой, а не заменой профессионального суждения судей. Только в таком случае можно обеспечить подотчетность, не нарушая фундаментальный принцип независимости правосудия.

Цифровые технологии и меняющийся судебный ландшафт

Интеграция цифровых технологий в судебные системы кардинально меняет ландшафт отправления правосудия. Эти изменения затрагивают не только технические аспекты судебной деятельности, но и трансформируют традиционные представления о роли судьи, границах его усмотрения и характере принимаемых решений. Внедрение цифровых инструментов усиливает требования к прозрачности, обоснованности и воспроизводимости судебных актов, одновременно порождая новые риски, связанные с алгоритмической предвзятостью и ограниченной объяснимостью технологий.

В этом контексте особое значение приобретает анализ применения технологий ИИ в судебной практике. Применение ИИ в юридической сфере варьируется от предиктивной аналитики до автоматизированного обзора документов, примером чего является система COMPAS, используемая в некоторых судах США для оценки риска рецидивизма, которая стала предметом юридических проблем, в частности, в деле *State v. Loomis* (2016) [26]. Аналитика больших данных применяется для выявления закономерностей в прецедентном праве и прогнозирования судебных результатов, как это было показано в проекте прогнозирования Верховного суда, который продемонстрировал 75%-ную точность прогнозирования решений Верховного суда [27].

Системы разрешения споров в режиме онлайн (ODR), такие как Трибунал по гражданскому урегулированию в Британской Колумбии (Канада), созданный в соответствии с Законом о Трибунале по гражданскому урегулированию [SBC 2012] (гл. 25), революционизируют доступ к правосудию [28]. Европейская комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ) опубликовала всеобъемлющие руководящие принципы по использованию ИИ в судебных системах, рассматривая как возможности, так и этические проблемы в своей «Европейской этической хартии по использованию ИИ в судебных системах и их среде» 2018 г. [29].

В Китае инициатива «Умный суд», изложенная в Мнениях Верховного народного суда об ускорении строительства умных судов (2017), демонстрирует амбициозную интеграцию ИИ и больших данных в судебные процессы с конкретными целями, изложенными в ст.ст. 1–5 [30].

Изложенные технологические достижения бросают вызов традиционным представлениям о судебной власти и принятии решений, поднимая вопросы о роли человеческого суждения во все более автоматизированной судебной среде и требуя переоценки основных компетенций, необходимых для судебных ролей в цифровую эпоху.

Одновременно усиливается необходимость разработки четких правовых и этических рамок, которые бы регулировали использование алгоритмических систем в судебной деятельности и обеспечивали сохранение фундаментальных гарантий справедливого разбирательства. Особую актуальность приобретает вопрос о пределах допустимого участия технологий в процессе принятия решений, где окончательное судебное усмотрение должно оставаться за человеком как носителем юридической ответственности.

ИИ и независимость судебной власти

Интеграция ИИ в судебные процессы создает значительные проблемы для традиционных концепций независимости судей. Появление алгоритмических систем в сфере правосудия ставит под вопрос традиционное понимание независимости судьи как автономного субъекта, принимающего решения исключительно на основе закона и внутреннего убеждения. Возникает необходимость переосмысления того, в какой степени технологические инструменты могут влиять на процесс судебного усмотрения, не подменяя при этом человеческую ответственность и институциональные гарантии независимости.

Особую остроту этим вопросам придает практика использования предиктивных алгоритмов в уголовном правосудии, где оценка рисков напрямую влияет на судебные решения о наказании и мерах пресечения. Инструменты предиктивного правосудия, такие как алгоритм управления исправительными правонарушителями для альтернативных санкций (COMPAS), используемый в некоторых штатах США, вызвали обеспокоенность по поводу алгоритмической предвзятости, влияющей на судебные решения, как подчеркивалось в анализе ProPublica за 2016 г. [31].

Европейская этическая хартия по использованию ИИ в судебных системах, принятая СЕРЕJ в 2018 г., решает эти проблемы в своих пяти принципах, особенно подчеркивая необходимость сохранения независимости судей в принципах 1 и 3 [29].

Природа «черного ящика» некоторых систем ИИ, где процесс принятия решений непрозрачен, бросает вызов способности судей принимать действительно независимые решения, как обсуждалось в деле *State v. Loomis* (2016) Верховного суда Висконсина, который боролся с использованием оценок COMPAS при вынесении приговоров [26].

В Эстонии проект Министерства юстиции по разработке «робота-судьи» с поддержкой ИИ для рассмотрения дел о мелких исках, объявленный в 2019 г., вызвал дебаты о пределах автоматизации в принятии судебных решений [32]. Потенциал стандартизации судебных рассуждений с помощью ИИ вызывает опасения по поводу эрозии судебного усмотрения, ключевого аспекта независимости, как это было исследовано в недавней научной литературе Ричарда Сасскинда в «Онлайн-судах и будущем правосудия» (2019) [33].

Рассмотренные выше разработки требуют тщательного пересмотра того, как концептуализируется и защищается судебная независимость в эпоху, когда системы ИИ могут все больше влиять на процессы принятия судебных решений или даже частично автоматизировать их.

В этих условиях особую значимость приобретает вопрос о распределении ответственности между судьей и алгоритмической системой, поскольку сохранение независимости невозможно без четкого разграничения вспомогательной и решающей роли технологий. Одновременно усиливается необходимость обеспечения прозрачности, объяснимости и проверяемости ИИ-инструментов, используемых в судебной практике, как ключевых гарантий недопущения скрытого внешнего влияния на судебное усмотрение.

Цифровая компетентность как новый элемент правового статуса судей

Концепция «цифровой компетентности» становится важнейшим аспектом правового статуса современных судей, отражая растущую технологическую сложность юридической практики. В условиях цифровой трансформации судебных систем владение базовыми и специализированными цифровыми навыками становится неотъемлемой частью профессиональной пригодности судьи. Это связано с необходимостью эффективного взаимодействия с электронными доказательствами, информационными системами судопроизводства и, в ряде случаев, алгоритмическими инструментами поддержки принятия решений.

Подобный подход получил институциональное закрепление в ряде международных и региональных документов, определяющих стандарты развития электронного правосудия и подготовки юридических кадров. Европейская стратегия электронного правосудия на 2019–2023 гг., принятая Советом Европейского союза, подчеркивает необходимость обучения цифровых навыков для юристов, включая судей, как указано в разд. 3.2 стратегического документа [34].

В США Федеральный судебный центр предлагает курсы по технологиям для федеральных судей, рассматривая такие темы, как кибербезопасность и электронное управление делами, в рамках своих программ непрерывного образования, предписанных 28 USC § 620 [35].

Национальный судебный колледж в Австралии интегрировал модули цифровой грамотности в свои программы судебного образования, признавая важность технологической компетентности для современных судей, что отражено в его Стратегическом плане на 2020–2023 гг. [36].

Опрос, проведенный Европейской сетью советов по вопросам судебной системы в 2020 г., выявил различные уровни цифровой компетентности среди судей в государствах – членах Евросоюза, что подчеркивает необходимость стандартизированного обучения, как подробно описано в разд. 3 отчета об исследовании [37].

Требование цифровой компетентности начинает влиять на процессы назначения судей, о чем свидетельствует включение Комиссией по назначению судей Великобритании «ИТ-навыков» в качестве критерия отбора для определенных судебных ролей, указанного в ее руководящих принципах критериев отбора 2020 г. [38]. Этот сдвиг поднимает вопросы о балансе технологической компетентности с традиционными судебными добродетелями, тема, исследуемая в недавнем академическом дискурсе о реформе судебного образования.

Интеграция цифровой компетентности в правовой статус судей отражает более широкую тенденцию к признанию технологической грамотности как основополагающего аспекта судебной компетентности в XXI в. Данная трансформация свидетельствует о постепенном расширении традиционного понимания профессиональных качеств судьи, включающего теперь не только юридическую квалификацию, но и способность эффективно работать в цифровой среде. В перспективе это может привести к дальнейшей институционализации требований к цифровой подготовке судей, закрепляемых как на уровне национального законодательства, так и в рамках международных стандартов судебной деятельности.

Онлайн-суды и трансформация судебной практики

Рост числа онлайн-судов и виртуальных слушаний существенно трансформирует судебную практику, и эта тенденция усилилась из-за пандемии COVID-19. Данная трансформация затрагивает не только организационные аспекты судопроизводства, но и влияет на доступ к правосудию, процессуальные гарантии и восприятие судебной процедуры участниками процесса. Одновременно онлайн-форматы требуют переосмысления традиционных принципов публичности, состязательности и непосредственности судебного разбирательства в новых технологических условиях.

Развитие нормативной базы в различных юрисдикциях отражает стремление институционализировать эти изменения и обеспечить их правовую определенность. В Англии и Уэльсе Закон о судах и трибуналах (онлайн-процедура) 2019 г. обеспечивает правовую основу для онлайн-судебных процедур, при этом конкретные положения об онлайн-судебных разбирательствах изложены в разд. 1–3 [39]. Трибунал по гражданскому урегулированию канадской провинции Британская Колумбия, созданный в соответствии с Законом о трибунале по гражданскому урегулированию [SBC 2012] (гл. 25), предлагает полностью онлайн-систему разрешения споров для определенных гражданских исков, ее юрисдикция и процедуры подробно описаны в разд. 3, 4 Закона [28].

Эти разработки бросают вызов традиционным представлениям о полномочиях зала суда и присутствии судей. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности опубликовало руководящие принципы по использованию удаленных слушаний для обеспечения справедливых судебных разбирательств, рассматривая такие вопросы, как показания свидетелей и публичный доступ, в разд. 3–5 своего руководящего документа [40]. Исследование Национального центра государственных судов США выявило влияние виртуальных разбирательств на стили судебного общения и процессы принятия решений, как подробно описано в его отчете 2020 г. «Виртуальные слушания и будущее работы судов» [41].

Комитет по электронным средствам Верховного суда Индии разработал всеобъемлющие правила для видеоконференций в судебных разбирательствах, решая проблемы поддержания судебного этикета в виртуальной среде, как указано в его Правилах видеоконференций 2020 г., в частности в Правилах 5–7 [42].

В Республике Узбекистан развитие онлайн-форматов судебного разбирательства также получило нормативное закрепление и отражает общую тенденцию цифровизации правосудия при сохранении процессуальных гарантий. Так, в соответствии со ст.ст. 208–209 Гражданского процессуального кодекса Республики Узбекистан, судебное разбирательство может осуществляться в открытом заседании суда с обязательным извещением участников процесса, при этом допускается проведение открытых судебных заседаний в режиме видеоконференцсвязи, что приравнивается к непосредственному участию в судебном заседании в устной форме. Кодекс также предусматривает возможность аудио- и видеозаписи судебного заседания, а равно использование таких технологий при условии уведомления участников процесса и соблюдения установленного порядка фиксации и допуска записи. Кроме того, участие лиц в режиме видеоконференцсвязи осуществляется при наличии технической возможности и оформляется соответствующим судебным определением, при этом обеспечивается проверка явки, установление личности участников и надлежащее процессуальное оформление всех действий, включая разъяснение прав и обязанностей свидетелям, экспертам и иным участникам процесса с обязательной фиксацией соответствующих процедур средствами аудио- и видеозаписи [43].

Эти изменения побуждают к переоценке символических аспектов судебной власти и долгосрочных последствий для физического присутствия судов в системе правосудия, что требует пересмотра того, как судебное присутствие и полномочия проявляются в цифровой среде. Одновременно усиливается значение разработки единых стандартов цифрового судопроизводства, направленных на обеспечение сопоставимого уровня процессуальных гарантий как в традиционных, так и в виртуальных судебных заседаниях. В перспективе это может привести к формированию гибридной модели правосудия, в которой цифровые и очные форматы будут взаимно дополнять друг друга, сохраняя при этом фундаментальные принципы справедливого судебного разбирательства.

Переосмысление судебной этики в цифровую эпоху

Цифровая эпоха требует переосмысления судебной этики для решения новых задач, поставленных технологиями. Расширение использования цифровых технологий в судебной деятельности порождает новые этические дилеммы, связанные с онлайн-коммуникацией, использованием социальных сетей и взаимодействием с цифровыми источниками информации. В этих условиях возрастает необходимость адаптации этических стандартов к реалиям, в которых границы между публичным и частным поведением судьи становятся более размытыми, а риски влияния внешних цифровых факторов – более значимыми.

Эти изменения подталкивают к пересмотру существующих международных и национальных кодексов судейского поведения, заложивших основы профессиональной этики в классическом виде. Традиционные кодексы поведения судей, такие как Бангалорские принципы поведения судей (2002), пересматриваются в свете цифровых реалий, особенно в отношении Принципов 1 и 2 о независимости и беспристрастности [44].

Использование социальных сетей судьями стало предметом особой озабоченности, о чем свидетельствует Официальное заключение 462 Американской ассоциации юристов об использовании судьями электронных социальных сетей (2013), которое содержит конкретные рекомендации в разд. II и III [45]. В Великобритании Руководство по поведению судей (2018) включает конкретные рекомендации по использованию судьями социальных сетей и онлайн-исследований в гл. 8, п.п. 8.10–8.12 [46]. Дело Первиса против комиссара внутренних доходов (2017) в Налоговом суде США подчеркнуло этические последствия проведения судьями независимых онлайн-исследований, а решение суда затрагивает этот вопрос в разд. II.A [47].

Продолжаются усилия по обновлению этических принципов, при этом Глобальная сеть честности судебных органов Управления ООН по наркотикам и преступности разрабатывает ресурсы по использованию социальных сетей для судей, как указано в ее отчете 2018 г. «Необязательные руководящие принципы использования социальных сетей судьями» [48]. Эти разработки отражают продолжающуюся проблему баланса между личными свободами судей и их профессиональными обязанностями в цифровой сфере, тема, которая продолжает развиваться по мере развития технологий и изменения общественных норм. Переопределение судебной этики в цифровую эпоху требует тщательного рассмотрения того, как традиционные этические принципы могут применяться в новых технологических контекстах, сохраняя при этом честность и общественное доверие к судебной системе.

Цифровая эпоха существенно трансформирует традиционные представления о правовом статусе судей, одновременно ставя под сомнение устоявшиеся принципы и открывая новые возможности для повышения эффективности и доступности правосудия. Эти изменения требуют более гибкого взгляда на роль судьи в условиях технологически насыщенной среды.

Цифровая эпоха радикально переосмысливает традиционные представления о правовом статусе судей, одновременно ставя под вопрос устоявшиеся доктринальные основания и открывая новые горизонты для повышения эффективности, прозрачности и доступности правосудия. В этих условиях трансформация судебной роли приобретает комплексный характер, требующий учета не только технологических факторов, но и их влияния на природу судебной власти.

Внедрение ИИ в судебные процессы, развитие онлайн-судопроизводства и расширение цифровых компетенций судейского корпуса формируют необходимость тонкой и выверенной перекалибровки соотношения между независимостью суда, его подотчетностью и неизбежной технологической адаптацией. Такая трансформация требует сохранения устойчивых гарантий правосудия при одновременном осмысленном включении инновационных инструментов в судебную практику.

В этих условиях особую актуальность приобретают дальнейшие научные исследования, углубленные этико-правовые дискуссии и последовательные институциональные реформы, направленные на сохранение фундаментальных принципов правосудия при одновременной интеграции цифровых реалий в судебную систему. В совокупности это формирует потребность в более гибком, динамичном и адаптивном подходе к судебному управлению в XXI в., учитывающем реалии, которые определяет этот меняющийся ландшафт.

Список источников

1. Harper R.. The Code of Hammurabi, King of Babylon: About 2250 B.C. University of Chicago Press, 1904.
2. Scott S.P. The Civil Law: Including the Twelve Tables, the Institutes of Gaius, the Rules of Ulpian, the Opinions of Paulus, the Enactments of Justinian, and the Constitutions of Leo. Central Trust Company, 1932.
3. Великая хартия вольностей 1215 г. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XII/1120-1140/Charta_1136_1215/charta_1136_1215.phtml?id=12823 (дата обращения: 29.01.2026).

4. Гражданский кодекс французов (Гражданский кодекс Наполеона) 1804 г. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2019/01/20/1148800493/%D0%A4%D0%93%D0%9A%201804.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
5. Al-Mawardi A. The Ordinances of Government (Al-Ahkam al-Sultaniyya). Garnet Publishing. (Original work published in 11th century), 1996
6. Конституция США, ст. II, разд. 2. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 29.01.2026).
7. Основной закон Федеративной Республики Германия, ст. 97. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
8. Организация Объединенных Наций 1985 г. Основные принципы независимости судебных органов URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/ОНCHR-1985> (дата обращения: 29.01.2026).
9. Senior Courts Act 1981, с. 54 § 11(3) (UK).
10. Совет Европы. Европейская хартия о законе о статусе судей 1998 г. URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 29.01.2026).
11. Монтескье Ш. О духе законов 1748 г. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.О> (дата обращения: 29.01.2026).
12. Американские федералисты: Гамильтон, Медисон, Джей. Избранные статьи. Статья № 78. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/amerikanskie_federalisty_statji_1990__ocr.pdf (дата обращения: 29.01.2026).
13. Дворкин Р. Империя права 1986 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiya-prava> (дата обращения: 29.01.2026).
14. Supreme Court Act, R.S.C. 1985, с. S-26, § 9 (Can.).
15. Конституция Южно-Африканской Республики 1996 г., разд. 8, ст. 167 URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78> (дата обращения: 29.01.2026).
16. American Bar Association. Model Code of Judicial Conduct, 2011.
17. Canadian Judicial Council. Ethical Principles for Judges, 2021.
18. Харт Г.Л.А. Понятие права 1961 г. URL: <https://studfile.net/preview/16792321/> (дата обращения: 29.01.2026).
19. Contempt of Court Act 1981, с. 49 (UK).
20. Кодекс поведения судей Соединенных Штатов 2019 г. Административное управление судов США URL: <https://mosmediator.narod.ru/index/0-364> (дата обращения: 29.01.2026).
21. Judicial Conduct and Disability Act of 1980, 28 U.S.C. §§ 351–364.
22. European Network of Councils for the Judiciary. Independence, Accountability and Quality of the Judiciary, 2017.
23. Finnish Courts Administration. Quality Benchmarks for the Finnish Courts, 2020.
24. Law no. 303/2004 on the Status of Judges and Prosecutors (Rom.).
25. Конституция Итальянской Республики 1948 г. (ст. 104–110) URL: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
26. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). This case addressed the use of algorithmic risk assessments in sentencing, highlighting concerns about due process and the use of proprietary algorithms in criminal justice.
27. Ruger T.W., Kim P.T., Martin A.D., Quinn K.M. The Supreme Court forecasting project: Legal and political science approaches to predicting Supreme Court decisionmaking // Columbia Law Review. 2004. № 104(4). P. 1150–1210.
28. Civil Resolution Tribunal Act, SBC 2012, с. 25 (Can.).
29. Европейская комиссия по эффективности правосудия. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях 2018 г. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 29.01.2026).
30. Supreme People's Court of China. Opinions on Accelerating the Construction of Smart Courts, 2017.

31. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine bias. ProPublica, 2016.
32. Ministry of Justice of Estonia. Artificial intelligence in the courts of Estonia, 2019.
33. Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. Oxford University Press, 2019.
34. Council of the European Union. E-Justice Strategy, 2019–2023.
35. Federal Judicial Center. Education and Training, 2020.
36. National Judicial College of Australia. Strategic Plan, 2020–2023.
37. European Network of Councils for the Judiciary. Digital Justice Report, 2020.
38. UK Judicial Appointments Commission. Selection Criteria, 2020.
39. Courts and Tribunals (Online Procedure) Act 2019. С. 16 (UK).
40. Управление ООН по наркотикам и преступности. Руководство по обеспечению доступа к правосудию в контексте COVID-19 2020 г. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2020/Guidance-Addressing-emerging-human-trafficking-trends-and-consequences-of-the-COVID-19-pandemic-ru.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
41. National Center for State Courts. Virtual Hearings and the Future of Court Operations, 2020.
42. Supreme Court of India e-Committee. Video Conferencing Rules, 2020.
43. Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3517334#3520857> (дата обращения: 29.01.2026).
44. Управление ООН по наркотикам и преступности. Бангалорские принципы поведения судей 2002 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 29.01.2026).
45. American Bar Association. Formal Opinion 462: Judge's Use of Electronic Social Networking Media, 2013.
46. Courts and Tribunals Judiciary. Guide to Judicial Conduct, 2018.
47. Purvis v. Commissioner of Internal Revenue, 148 T.C. This case addressed the ethical implications of judges conducting independent online research, emphasizing the importance of relying on evidence presented in court. 2017. № 7.
48. United Nations Office on Drugs and Crime. Non-Binding Guidelines on the Use of Social Media by Judges 2018 // Управление ООН по наркотикам и преступности. Не имеющие обязательной силы руководящие принципы использования социальных сетей судьями URL: https://www.unodc.org/res/ji/import/international_standards/social_media_guidelines/Non-binding_Social_Media_Guidelines_RU.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

References

1. Harper R.. The Code of Hammurabi, King of Babylon: About 2250 B.C. University of Chicago Press, 1904.
2. Scott S.P. The Civil Law: Including the Twelve Tables, the Institutes of Gaius, the Rules of Ulpian, the Opinions of Paulus, the Enactments of Justinian, and the Constitutions of Leo. Central Trust Company, 1932.
3. Velikaya hartiya vol'nostej 1215 g. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XII/1120-1140/Charta_1136_1215/charta_1136_1215.phtml?id=12823 (data obrashcheniya: 29.01.2026).
4. Grazhdanskij kodeks francuzov (Grazhdanskij kodeks Napoleona) 1804 g. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2019/01/20/1148800493/%D0%A4%D0%93%D0%9A%201804.pdf> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
5. Al-Mawardi A. The Ordinances of Government (Al-Ahkam al-Sultaniyya). Garnet Publishing. (Original work published in 11th century), 1996
6. Konstituciya SSHA, st. II, razd. 2. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
7. Osnovnoj zakon Federativnoj Respubliki Germaniya, st. 97. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (data obrashcheniya: 29.01.2026).

8. Organizatsiya Ob"edinennykh Natsij 1985 g. Osnovnye principy nezavisimosti sudebnykh organov URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/OHCHR-1985> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
9. Senior Courts Act 1981, c. 54 § 11(3) (UK).
10. Sovet Evropy. Evropejskaya hartiya o zakone o statuse sudej 1998 g. URL: <http://online.zakon.kz/> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
11. Montes'k'e SH. O duhe zakonov 1748 g. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
12. Amerikanskije federalisty: Gamil'ton, Medison, Dzhej. Izbrannye stat'i. Stat'ya № 78. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/amerikanskije_federalisty_statji_1990__ocr.pdf (data obrashcheniya: 29.01.2026).
13. Dvorkin R. Imperiya prava 1986 g. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiya-prava> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
14. Supreme Court Act, R.S.C. 1985, c. S-26, § 9 (Can.).
15. Konstituciya YUzhno-Afrikanskoj Respubliki 1996 g., razd. 8, st. 167 URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
16. American Bar Association. Model Code of Judicial Conduct, 2011.
17. Canadian Judicial Council. Ethical Principles for Judges, 2021.
18. Hart G.L.A. Ponyatie prava 1961 g. URL: <https://studfile.net/preview/16792321/> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
19. Contempt of Court Act 1981, c. 49 (UK).
20. Kodeks povedeniya sudej Soedinennykh Shtatov 2019 g. Administrativnoe upravlenie sudov SSHA URL: <https://mosmediator.narod.ru/index/0-364> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
21. Judicial Conduct and Disability Act of 1980, 28 U.S.C. §§ 351–364.
22. European Network of Councils for the Judiciary. Independence, Accountability and Quality of the Judiciary, 2017.
23. Finnish Courts Administration. Quality Benchmarks for the Finnish Courts, 2020.
24. Law no. 303/2004 on the Status of Judges and Prosecutors (Rom.).
25. Konstituciya Ital'yanskoj Respubliki 1948 g. (st. 104–110) URL: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
26. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). This case addressed the use of algorithmic risk assessments in sentencing, highlighting concerns about due process and the use of proprietary algorithms in criminal justice.
27. Ruger T.W., Kim P.T., Martin A.D., Quinn K.M. The Supreme Court forecasting project: Legal and political science approaches to predicting Supreme Court decisionmaking // Columbia Law Review. 2004. № 104(4). P. 1150–1210.
28. Civil Resolution Tribunal Act, SBC 2012, c. 25 (Can.).
29. Evropejskaya komissiya po effektivnosti pravosudiya. Evropejskaya eticheskaya hartiya ob ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta v sudebnykh sistemah i okruzhayushchih ih realiyah 2018 g. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
30. Supreme People's Court of China. Opinions on Accelerating the Construction of Smart Courts, 2017.
31. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine bias. ProPublica, 2016.
32. Ministry of Justice of Estonia. Artificial intelligence in the courts of Estonia, 2019.
33. Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. Oxford University Press, 2019.
34. Council of the European Union. E-Justice Strategy, 2019–2023.
35. Federal Judicial Center. Education and Training, 2020.
36. National Judicial College of Australia. Strategic Plan, 2020–2023.
37. European Network of Councils for the Judiciary. Digital Justice Report, 2020.
38. UK Judicial Appointments Commission. Selection Criteria, 2020.
39. Courts and Tribunals (Online Procedure) Act 2019. C. 16 (UK).

40. Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti. Rukovodstvo po obespecheniyu dostupa k pravosudiyu v kontekste COVID-19 2020 g. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2020/Guidance-Addressing-emerging-human-trafficking-trends-and-consequences-of-the-COVID-19-pandemic-ru.pdf> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
41. National Center for State Courts. Virtual Hearings and the Future of Court Operations, 2020.
42. Supreme Court of India e-Committee. Video Conferencing Rules, 2020.
43. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Uzbekistan. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3517334#3520857> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
44. Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti. Bangalorskie principy povedeniya sudej 2002 g. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (data obrashcheniya: 29.01.2026).
45. American Bar Association. Formal Opinion 462: Judge's Use of Electronic Social Networking Media, 2013.
46. Courts and Tribunals Judiciary. Guide to Judicial Conduct, 2018.
47. Purvis v. Commissioner of Internal Revenue, 148 T.C. This case addressed the ethical implications of judges conducting independent online research, emphasizing the importance of relying on evidence presented in court. 2017. № 7.
48. United Nations Office on Drugs and Crime. Non-Binding Guidelines on the Use of Social Media by Judges 2018 // Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti. Ne imeyushchie obyazatel'noj sily rukovodyashchie principy ispol'zovaniya social'nyh setej sud'yami URL: https://www.unodc.org/res/ji/import/international_standards/social_media_guidelines/Non-binding_Social_Media_Guidelines_RU.pdf (data obrashcheniya: 29.01.2026).

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 14.02.2026

Принята к публикации: 17.04.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 14.02.2026

Accepted for publication: 17.04.2026

Информация об авторах:

Чуллиев Шухрат Аскарлович, заведующий Сектором анализа в сфере общественно-политического развития Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан (100031, Ташкент, ул. Мирабад, д. 15), e-mail: sh.chulliev@mail.ru

Information about the authors:

Chulliev Shukhrat A., head of the analysis department in the field of socio-political development at the Institute of legislation and legal policy under the President of the Republic of Uzbekistan (100031, Tashkent, Mirabad str., 15), e-mail: sh.chulliev@mail.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 327:94; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-97-103

МИР ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

✉ Грищенко Леонид Леонидович.

Академия управления МВД России, Москва, Россия

✉ VVG_59@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ военных угроз и опасностей от прошлого до наших дней. Рассматривая инструментарий, который используют агрессоры для реализации задач в ходе военных конфликтов, автор обращает внимание на то, что сегодня реализовать свои планы с помощью даже самого современного оружия им удастся все реже, а наличие ядерного и иного оружия на новых физических принципах, с применением которого само существование человека как биологического вида подвергается смертельной опасности, подвигает агрессора к поиску вариантов при реализации своих захватнических планов. Проведенный исторический анализ инструментария войн свидетельствует, что во все времена агрессор стремился сделать так, чтобы другие народы, организации, государства, блоки делали то, что нужно ему, думая, что делают то, что нужно им самим. «Чужие руки» – тот инструмент, который во все времена использовали англосаксы. И сегодня запад под управлением США активно использует метод «чужие руки» в своих целях. Анализ современных событий дает основание предположить, что данный метод становится одним из основных в практике современных и будущих конфликтов, прежде всего в отношении к России.

Ключевые слова: история, оружие, конфликт, война, агрессия, «чужие руки», англосаксы

Для цитирования: Грищенко Л.Л. Мир во время войны // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 97–103. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-97-103

Scientific article

PEACE DURING THE WAR

✉ Grishchenko Leonid L.

Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow, Russia

✉ VVG_59@mail.ru

Abstract. The analysis of military threats and dangers from the past to the present day is carried out. Considering the tools that aggressors use to accomplish tasks during military conflicts, the author draws attention to the fact that today they are less able to realize their plans with the help of even the most modern weapons, and the presence of nuclear and other weapons based on new physical principles, using which the very existence of humans as a biological species is in grave danger. it encourages the aggressor to search for options in the implementation of his aggressive plans. The historical analysis of the toolkit of wars shows that at all times the aggressor has sought to ensure that other peoples, organizations, states, and blocs do what he needs, thinking that they are doing what they need themselves. «Other people's hands» is the tool that the Anglo-Saxons have always used. And today, the West, under the control of the United States, is actively using the «other people's hands» method for its own purposes. An analysis of current events suggests that this method is becoming one of the main ones in the practice of modern and future conflicts, primarily in relation to Russia.

Keywords: history, weapons, conflict, war, aggression, «other people's hands», the Anglo-Saxons

For citation: Grishchenko L.L. Peace during the war // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 97–103. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-97-103

Суть мировой политики всегда заключалась в контроле над ресурсами. Взять под контроль самому, не дать этого сделать сопернику – таков принцип существования цивилизации в любую историческую эпоху и при любом социальном строе. Данное правило реализовывалось при первобытно-общинном, рабовладельческом, феодальном строе. Данный принцип мировой политики всецело работает и сегодня. Меняются приоритеты в ресурсной составляющей, из-за которых ведется непрерывная война.

Объективно, на заре существования цивилизации основными ресурсами была пища, которая добывалась человеком в местах его обитания посредством охоты и земледелия. Как правило, для жизни люди выбирали места, богатые дичью, рыбой, располагающие для ведения сельскохозяйственных работ, дающие возможность строить укрытия от непогоды. Ситуация менялась при возникновении так называемых неблагоприятных обстоятельств, когда возникали засухи, имела место миграция животных, их уход в другие земли и т.д. Данные негативные ситуации заставляли человека сниматься с нажитых мест, искать и осваивать иные более подходящие территории. При этом нередко на таковых землях уже обитали другие племена и народы. Попытки заселения на уже занятых территориях нередко приводили к конфликтам, которые сегодня характеризуются как война.

Таким образом, захват территорий и разграбление других народов в древние времена положили начало истории войн. Следует отметить, что с развитием средств производства, в частности замены каменных орудий труда на железные, происходит расслоение обществ и выделение из него двух групп: тех, кто управляет (надстройка) и тех, кем управляют (базис). Это происходит вследствие появления излишков материальных ресурсов, которые человек стал получать в процессе своей трудовой деятельности.

Следует отметить, что в процессе исторического развития структура надстройки постоянно развивалась и укрупнялась. Изначально это были отдельные личности, присвоившие себе право управлять всеми остальными членами общества. В дальнейшем для обеспечения процесса управления и неукоснительного подчинения в структуре надстройки постепенно формируется полицейская составляющая, идеологическая платформа (духовенство), органы обеспечения и обслуживания.

Неравномерное развитие общностей людей привело к ситуации, когда в мире сформировались племена и народы, которые ранее других избрали войну в качестве основного приоритета для своего существования. Расширив и укрепив в своем обществе структуры для внутреннего подавления, они начали создавать армию, и в дальнейшем именно она выполняла задачи по обеспечению того или иного народа необходимыми материальными ресурсами за счет разграбления других. Более того, расширив подвластные территории и присвоив себе материальные ресурсы других народов, более сильные общности стали использовать труд поработанных людей для своего блага. Таким образом, человечество пришло к новому состоянию общества, которое в истории получило название – рабовладельческий строй [1].

Именно в этот период были окончательно сформированы задачи войн, которые и тогда, и сейчас заключаются в захвате чужой территории, разграблении материальных ресурсов других народов и подчинении (порабощении) одних народов другими, что выражается в принуждении части населения к рабскому труду [2].

В отдельной статье нет возможности подробно анализировать и описывать историю войн древности, средневековья и даже новейшей истории. Она достаточно полно исследована учеными и представлена в научной и учебной литературе. При этом следует обратить внимание на неизменность задач, решаемых в войнах на протяжении всей многовековой истории цивилизации. Что постоянно менялось и совершенствовалось, так это инвентарий, посредством которого осуществлялась реализация цели войны: от копий и стрел, катапульт и колесниц, мушкетов и пушек, автоматов и пулеметов, танков и самолетов до межконтинентальных ядерных ракет и гиперзвукового оружия.

Достигнув колоссального развития, современное вооружение стало для человека той силой, использование которой может привести к исчезновению человечества, что эквивалентно потере смысла жизни и влечет за собой потерю всех будущих поколений и всех ценностей, которые могли бы быть ими созданы.

Но не абстрактная угроза исчезновения человечества пугает современного агрессора. Опасения за свою жизнь, свои привилегии, свой быт являются тем сдерживающим предохранителем, который спасает цивилизацию от судного дня. Однако, как показывает история, война абсолютна. Она не прекращается ни на минуту. И военные действия – лишь видимая часть этого огромного айсберга. Война лишь наиболее наглядная и самая «топорная» форма конкурентной борьбы между государствами. Осознавая всю опасность применения силы к равной себе по военным возможностям державе, потенциальный агрессор активно ищет способы и средства, которые позволят ему реализовать те задачи, которые во все времена им решались (расширение жизненного пространства, разграбление материальных ресурсов, принуждение других народов работать на завоевателя).

По мере развития средств ведения войны искусство конкуренции в экономике, идеологии, информации, пропаганде между мировыми игроками вышло на совершенно иной качественный уровень. Объективно сегодня борьба за лидерство, за растущее влияние, за его сохранение и приумножение идет между странами (блоками) во всех сферах человеческого бытия. Экономика, культура, военное дело, идеология – все это области соперничества, где победа немедленно дает перевес в конкурентной борьбе в целом. Но главные средства современной борьбы – деньги и средства массовой информации (СМИ). Но даже этот весьма короткий список можно еще вдвое сократить – деньги дают контроль над СМИ. Таким образом, современные войны не в латах и доспехах, а в костюмах и галстуках [3].

Здесь следует вспомнить историю XX в., историю двух мировых войн. Но не военное искусство Гудериана, Роммеля, Жукова, Рокоссовского и др., не их блистательное управление армиями [4], а тихую дипломатию банкиров, которые и финансировали Третий Рейх, и ссужали деньги на ленд-лиз для СССР. Банкирские дома Рокфеллера, Моргана, Форда, Ротшильда и др. не скупилась на деньги, когда речь шла о приводе к власти в Германии Гитлера, а в дальнейшем на оружие для германской армии; с удовольствием ссужали средства на военные поставки для Великобритании, Франции, России. Однако благотворительности в мировой политике не бывает. Нет постоянных союзников – есть постоянные интересы. И эти интересы выражаются в прибыли. «Обеспечьте 10 процентов прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» [5].

При анализе итогов двух мировых войн ясно видна выгода, которую получили американские банкиры и существенно превышающая процентные ставки, некогда приведенные в «Капитале» К. Марксом. Еще большую выгоду сумели обеспечить себе кредиторы с Уолл-стрит по результатам холодной войны. Ниже приведена выдержка из выступления Президента США Билла Клинтона, которая была озвучена в послании Конгрессу США «О положении страны» в 1997 г.: «Мы истратили миллиарды долларов, чтобы оформить победу в холодной войне против России, но они с лихвой окупилась. Мы выбили конкурента Россию и за ничтожно малые цены выкачали из страны: 20 000 т меди, 15 000 т алюминия, 2 000 т цезия, бериллия, стронция и многое другое. Прибыль США составила 5 700 %. Такого не было в истории»¹.

Вернемся к новейшей истории первой четверти XXI в. Прекрасно осознавая, что война между ведущими державами, обладающими ядерным потенциалом, стала крайне опасным средством международной политики, так как войну ведь можно проиграть, в военном противостоянии потерпеть поражение, а в ядерной катастрофе и вовсе не будет победителей, держатели капитала ищут все более изощренные способы, которые позволят им приумножить прибыли. И если опасно самим втягиваться в открытое военное противоборство, то следует найти тех, кто будет это делать в интересах заказчика.

¹ Телеведущий Сергей Михеев: в послании 1997 года Клинтон говорит, что прибыль на приведении к власти Ельцина составила более 5 700 %. URL: <https://dzen.ru/a/Yuro58Jt0WoMVQNHU> (дата обращения: 15.01.2026).

К сожалению, история ничему не учит. Вернее, она учит тому, что никто не делает выводов из «ее уроков», а значит, снова те же самые методы для достижения тех самых целей будут использоваться геополитическими противниками, в том числе и в отношении России. Ведь одна и та же схема прекрасно работает сквозь века, страны, континенты. Метод «чужих рук» – один из самых излюбленных у противников. Его использование – это высшее искусство международной политики: сделать так, чтобы другие народы, организации, государства, блоки делали то, что нужно тебе, думая, что делают то, что нужно им самим. До Украины подобный метод многократно применялся и весьма успешно между Индией и Пакистаном, Кипром и Северным Кипром, Южной и Северной Кореей [6]. Манипуляторы не просто делят народы, они обязательно стараются столкнуть их между собой, не жалея на это средств. Необходимо отметить, что вложения, как правило, с лихвой окупаются. Остается только единственный вопрос: а кому это выгодно?

Сегодня мировая цивилизация пришла к ситуации, когда начался новый технологический цикл, поставивший мир перед очередным выбором: утверждение США в качестве единственного мирового суверена или многополярный мир, в котором люди научатся слышать и уважать друг друга. По сути, человеческая цивилизация пришла к ситуации, аналогичной той, которая имела место в начале XX в., когда «старые» монархии не могли управлять по-новому, а остальной мир не мог существовать и развиваться по-старому. Как известно из истории, для выработки новых правил сосуществования мира потребовалось две мировые войны и сотни миллионов человеческих жизней. Главным итогом двух мировых войн стал выход на международную арену и закрепление в качестве ведущего «локомотива» западного мира США. Но был еще СССР, который, сломав хребет гитлеровской Германии, выступал надежным гарантом сохранения мира.

По итогам Второй мировой войны были сформулированы законы мирного сосуществования двух систем, которые были закреплены в международном праве и подкреплены силой ООН. Они работали и им подчинялись вплоть до распада восточного блока социалистического содружества, который запустил процесс разрушения международного права и подмену вышеуказанных законов правилами, которые формулировали США в зависимости от требуемой им ситуации. Проблема заключается лишь в том, что список правил для мирового противостояния никогда и нигде не публиковался, а все озвучиваемые его варианты являлись попытками скрыть истинный смысл происходящего. Принципы международного права начали применяться выборочно: для ДНР и ЛНР, Хорватии, Черногории, Чехии и Словакии, Абхазии, Южной Осетии и т.д. Не стало принципов, остались интересы. Представляет интерес интервью И.В. Сталина газете «Правда» 14 марта 1946 г.: «Я всегда думал, что демократия – это власть народа, но вот товарищ Рузвельт мне доходчиво объяснил, что демократия – это власть американского народа» [7].

Однако, как ранее было отмечено, сегодня у человечества нет вариантов разрешить антагонистические противоречия силой современного оружия колоссальной разрушительной мощи, обладание которым дает и агрессору, и жертве возможность взаимоуничтожения. «Зачем нам такой мир, если там не будет России». Этот тезис относят к высказыванию Президента России на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 18 октября 2018 г. [8]. В такой ситуации потенциальный агрессор все более делает ставку на «чужие руки», оплата услуг которых осуществляется все через те же банки Уолл-стрит, теми же зелеными банкнотами, которые не имеют под собой реальной стоимости, а обеспечены исключительно силой американского оружия. Армия на международной арене сегодня выполняет полицейские функции. Ее задача – не дать другим державам выдавить доллар из какого-либо региона [9].

Казалось бы, парадокс: начинать войну нельзя, а воевать можно. Можно, если все, даже самые вопиющие, нарушения международного права заменяются правилами, которые никто и никогда не видел, не читал, не принимал. Но есть средства массовой информации, которые финансируются все теми же «хозяевами» с Уолл-стрит, и любые действия

преподносят таким образом, что обыватель не может не верить в праведность происходящих событий. Каждый человек легко поддается внушению, но при этом считает, что уж он-то точно внушению не поддается.

В отдельной статье нет возможности приводить примеры, казалось бы, парадоксальных событий, описание которых в средствах массовой информации преподносится в «нужном» для определенных кругов свете. США вводят в Панаму свои войска, отстраняют от власти законного Президента Норьегу, обвиняя его в наркоторговле, вывозят его в США и осуждают на 40 лет. Украинские националисты – поборники демократии, жители Донбасса – террористы. Ирак создает и производит оружие массового поражения, которого по факту после казни Садама Хусейна и оккупации страны никто не нашел. Президент Венесуэлы Мадуро поддерживает наркоторговлю, его надо выкрасть и судить по законам США. Россия агрессор, вторглась в Украину. США ведут войну в Югославии, защищая демократию и т.д.²

Сегодня уже ни для кого не секрет, какую игру ведут янки на мировой арене. Это продолжение экономической политики иными гибридными методами с использованием «чужих рук» при информационном обеспечении и многомиллиардных ссудах, которые не являются спонсорской помощью, а вкладываются под проценты в цивилизацию под управлением суверена.

Существует два способа достижения победы в любой войне: либо разбить противника на поле сражения, либо сделать для него продолжение борьбы невозможным. Например, современная война на Украине западом ведется по известному принципу – «добрый и злой следователь». Злой – члены Евросоюза, где в авангарде «желающих» поддержать Украину англичане, французы, немцы. Следует отметить, что политики Евросоюза вынуждены придавать своим действиям форму защиты, а не нападения.

Добрый – американцы, которые, начиная с 2025 г., активно выступают за мирную сделку. Вашингтон так много говорит о мире и необходимости окончания войны, что не может отказаться от нее, не потеряв лица. Однако следует отметить, что помощи ни в оружии, ни в информационной поддержке Вооруженных сил Украины через спутниковые навигационные системы Маска, ни в обеспечении националистов Киева разведывательной информацией Вашингтон Украине не отказал. Более того, имеет место активная экспансия на богатые редкоземельными минералами территории Украины.

Естественно при продолжении специальной военной операции Россия и сама реализует поставленные задачи по демилитаризации и денацификации Украины и возьмет под контроль уже проданные американцам, немцам, англичанам, французам земли. Такой исход событий совершенно не устраивает англосаксов, которые разыгрывая сценку «доброе и злое следствие» пытаются убедить Россию в тщетности ее намерений с помощью силы оружия, поставляемого для ВСУ (при этом основное оружие поставляют США через европейские прокладки), и угроз санкциями. Одновременно усиливается давление на руководство России со стороны Д. Трампа и его команды по принятию мирной сделки, в которой, как следует из информации открытых источников, прописана реализация отдельных требований России к Украине и западу.

Не прогнозируя дальнейший ход событий, следует обратить внимание, во-первых, на исторические факты, которые достаточно часто показывали всю договорную несостоятельность со стороны запада в отношении России и ее интересов. Достаточно вспомнить обещание НАТО не двигаться на восток, даваемое руководством этого союза после объединения Германии в 1990 г. Чего стоят Минские договоренности, которые, как в последствии стало понятно, были заключены Германией и Францией для подготовки Украины к войне против России. Но что является главной задачей англосаксов скрыто под информационным туманом СМИ.

² Задолго до Мадуро: как США захватили лидера Панамы. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/01/04/1167881-zadolgo-do-maduro> (дата обращения 15.01.2026).

Во-вторых, следует понять истинные интересы США, которые заключаются не только в ослаблении России и Евросоюза (США хотят иметь слабых вассалов, а не сильных союзников), но и в подготовке к войне с Китаем. В этой связи, конечно целью США является втягивание России в войну с Китаем, способ для англосаксов одним выстрелом, в буквальном смысле, убить двух «зайцев». Именно Китай все более мешает им монопольно царствовать на планете [10].

США действует пошагово и в долгую. Сначала взять власть в России, как это было сделано в 90-е гг. прошлого века, когда Россия была обрушена и ослаблена самими русскими. В этой связи, не сумев военными средствами развалить Россию, англосаксы перешли к своему излюбленному варианту – подготовке внутреннего бунта. Уничтожение страны изнутри – главное оружие запада. Есть и иной вариант развития событий, который США готовит на случай, если расчленив Россию изнутри все же не удастся. Это эскалация войны в Европе и втягивание в нее Германии, Польши, Франции и др. При любом развитии событий основным результатом политики США должно стать использование России в борьбе с Китаем. Стравить Россию и Китай, Россию и Индию, Россию со всем миром, и заставить ее извиняться и каяться – такова цель современной «мирной» политики США.

Список источников

1. Гуревич А.Я. Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
2. Грищенко Л.Л., Княжев В.Б. Война как коммерческий проект: монография. М.: ООО «РУСАЙНС», 2023. 184 с.
3. Стариков Н. Кризис. Как это делается. СПб.: Питер, 2010. 304 с.
4. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М.: Воениздат, 1968–1971.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии. URL: [https://mar\[ists.org](https://mar[ists.org) (дата обращений 10.01.2026)
6. Накви В.А. Многосторонняя дипломатия в урегулировании корейского и индо-пакистанского вопроса. М.: Политические науки. Т. 4. № 2. С. 173–184.
7. Васильев А.В., Ксенин Н.Ф. «Немыслимая операция» Уинстона Черчилля // Военно-исторический журнал. 2002. № 12. С. 53–58.
8. Мизин А.М. Новые контуры стратегической стабильности и глобальной многополярной конкуренции. М.: Международные процессы, 2020. Т.18. № 2 (61). С. 141–168.
9. Стариков Н. Война чужими руками. М.: Эксмо, 2017. 352 с.
10. Грищенко Л.Л., Княжев В.Б., Корабельникова Ю.Л. Террор как инструмент управление миром: монография. М.: ООО «РУСАЙНС», 2025. 248 с.

References

1. Gurevich A.Ya. Srednevekovyj mir. Kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva. M.: Iskusstvo, 1990. 396 s.
2. Grishchenko L.L., Knyazhev V.B. Vojna kak kommercheskij proekt: monografiya. M.: ООО «RUSAJNS», 2023. 184 s.
3. Starikov N. Krizis. Kak eto delaetsya. SPb.: Piter, 2010. 304 s.
4. Gal'der F. Voennyj dnevnik. Ezhednevnye zapisi nachal'nika General'nogo shtaba Suhoputnyh vojsk 1939–1942 gg. M.: Voenizdat, 1968–1971.
5. Marks K., Engel's F. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. URL: [https://mar\[ists.org](https://mar[ists.org) (data obrashchenij 10.01.2026)
6. Nakvi V.A. Mnogostoronnyaya diplomatiya v uregulirovanii korejskogo i indo-pakistanskogo voprosa. M.: Politicheskie nauki. T. 4. № 2. S. 173–184.
7. Vasil'ev A.V., Ksenin N.F. «Nemyslimaya operaciya» Uinstona Cherkhillya // Voennno-istoricheskij zhurnal. 2002. № 12. S. 53–58.

8. Mizin A.M. Novye kontury strategicheskoy stabil'nosti i global'noj mnogopolyarnoy konkurencii. M.: Mezhdunarodnye processy, 2020. T.18. № 2 (61). S. 141–168.
9. Starikov N. Vojna chuzhimi rukami. M.: Eksmo, 2017. 352 s.
10. Grishchenko L.L., Knyazhev V.B., Korabel'nikova Yu.L. Terror kak instrument upravlenie mirom: monografiya. M.: OOO «RUSAJNS», 2025. 248 s.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 20.01.2026

Принята к публикации: 22.02.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 20.01.2026

Accepted for publication: 22.02.2026

Информация об авторах:

Грищенко Леонид Леонидович, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академия управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8), доктор юридических наук, профессор, e-mail: VVG_59@mail.ru, SPIN-код: 9986-3331

Information about the authors:

Grishchenko Leonid L., professor of the department of management of internal affairs bodies in special conditions of the center of command and staff exercises of Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia (125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh, str., 8), doctor of law, professor, e-mail: VVG_59@mail.ru, SPIN: 9986-3331

Научная статья

УДК 342.7; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-104-110

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОПУСТИМЫХ ПРЕДЕЛОВ
ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ СЛОВА И СОБРАНИЙ
В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ
(КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

✉ Грищенко Тарас Алексеевич.

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

✉ gta_82@inbox.ru

Аннотация. Проанализированы основные проблемы определения допустимых пределов ограничения конституционных прав граждан, предусмотренных ст.ст. 29, 31 Конституции Российской Федерации, в условиях введения особого правового режима. В публикации обосновано ограничение конституционных прав в пользу обеспечения общественной безопасности. Особое внимание в публикации уделено таким проблемам как: отставание нормативного регулирования от правоприменительной практики; отсутствие нормативного закрепления онлайн-митинга в законодательстве; размывание субъектов публичного мероприятия организатор/участник; несоответствие регионального законодательства конституционным гарантиям, закрепленным в ст.ст. 29, 31 Конституции Российской Федерации.

Обосновывается необходимость централизации (кодификации) законодательства о публичных мероприятиях в интересах обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: концепция публичных мероприятий, пикет, митинг, онлайн-митинг, свобода мирных собраний, особый правовой режим, чрезвычайные ситуации, национальная безопасность, участник и организатор публичного мероприятия, конституционный контроль

Для цитирования: Грищенко Т.А. Проблемы определения допустимых пределов ограничения свободы слова и собраний в чрезвычайных ситуациях (конституционно-правовой анализ) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 104–110. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-104-110

Scientific article

**PROBLEMS OF DETERMINING THE PERMISSIBLE LIMITS OF RESTRICTIONS
ON FREEDOM OF SPEECH AND ASSEMBLY IN EMERGENCY SITUATIONS
(CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS)**

✉ Grishchenko Taras A

Saint-Petersburg university of the Ministry of internal affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ gta_82@inbox.ru

Abstract. The main problems of determining the permissible limits of restrictions on the constitutional rights of citizens provided for in Articles 29, 31 of the Constitution of the Russian Federation in the context of the introduction of a special legal regime are analyzed. The publication justifies the restriction of constitutional rights in favor of ensuring public safety. The publication pays special attention to such problems as: lagging regulatory regulation from law enforcement practice; lack of regulatory consolidation of an online rally in legislation; blurring of the subjects of a public event organizer/participant; inconsistency of regional legislation with the constitutional guarantees stipulated in Articles 29, 31 of the Constitution of the Russian Federation.

The necessity of centralization (codification) of legislation on public events in the interests of national security is substantiated.

Keywords: public events concept, picket, rally, online rally, freedom of peaceful assembly, special legal regime, emergencies, national security, participant and organizer of public event, constitutional control

For citation: Grishchenko T.A. Problems of determining the permissible limits of restrictions on freedom of speech and assembly in emergency situations (constitutional and legal analysis) // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 104–110. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-104-110

Права, гарантированные ст.ст. 29, 31 Конституции Российской Федерации, являются основной для формирования демократического диалога между гражданским обществом и органами публичной власти.

Прозрачный правовой механизм, обеспечивающий допустимые формы и методы реализации данных прав гражданами, должен гарантировать индивиду свободу от цензуры и дискриминации с одной стороны, общественное спокойствие и безопасность – с другой.

Такой баланс является сложным в обычных условиях, а при введении особых правовых режимов, свободная реализация прав, гарантированных ст.ст. 29, 31 Конституции Российской Федерации, может создавать угрозу безопасности.

Вопрос о допустимости полного ограничения политических прав граждан при введении особых правовых режимов неоднократно становился предметом научных дискуссий [1–5].

Ряд ученых, давая расширительное толкование норм ст. 56 Конституции Российской Федерации, утверждают, что введение особых правовых режимов автоматически приостанавливает действие всех политических прав граждан.

Вместе с тем опыт противодействия чрезвычайным ситуациям, в том числе на территориях, прилегающих к зоне боевых действий, позволяет делать вывод о значительной роли гражданского общества. Такое участие гражданского общества в противодействии негативным последствиям чрезвычайных ситуаций было бы невозможно при полном ограничении в особых правовых режимах свободы слова и свободы собрания.

В постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 13 мая 2014 г. № 14-П указано, что государство имеет право и обязательство регулировать проведение мирных собраний: «Это необходимо, чтобы сохранить баланс между частными и общественными интересами» [6]. При этом у граждан должна сохраняться возможность для защиты собственных интересов или выдвижения значимых инициатив, в том числе и в особых правовых режимах.

Как отмечает В.Б. Рушайло, конституционно-правовое регулирование специальных административно-правовых режимов объясняется тем, что их введение влечёт за собой временное ограничение отдельных конституционных прав и свобод граждан и организаций, а также определенные изменения в системе и структуре федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъекта Российской Федерации [7].

Основанием для ограничения прав и свобод граждан в период действия особых правовых режимов является возникновение угроз национальным интересам России (рассматривая понятие «национальные интересы России» как сложное и многомерное, отражающее совокупность жизненно важных интересов граждан, общества и государства, выражающие динамику развития Российской Федерации как суверенного демократического и правового государства).

Как отмечает известный специалист в области международного права В.А. Карташкин: «Сегодня мир стоит перед дилеммой: обеспечить безопасность государств и права человека на основе соблюдения Устава ООН и усиления Организации Объединенных Наций или бороться с терроризмом и другими нарушениями прав человека посредством односторонних действий с применением вооруженной силы и дальнейшего ограничения основных прав и свобод человека» [3].

В научной литературе отмечается необходимость разработки научно-обоснованной концепции государственного управления в сфере обеспечения особых правовых режимов, одной из основных особенностей которых является ограничение прав и свобод граждан.

Анализируя законодательство Российской Федерации, автор приходит к выводу, что понятие особого правового режима на самом деле намного сложнее и многограннее, чем кажется на первый взгляд, и можно предложить следующие варианты трактовки этого понятия:

а) объективно вынужденный исключительный комплекс мер временного характера, принимаемых государством при возникновении чрезвычайных ситуаций различного характера в целях предотвращения внешних и (или) внутренних угроз национальным интересам;

б) осуществляемый в соответствии с нормами международного права и на основании конституции и национального законодательства особый порядок деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, органов военного управления, правоохранительных органов, предприятий, организаций и граждан, направленный на эффективное предотвращение угроз национальным интересам, нейтрализацию и минимизацию их отрицательных последствий;

в) межотраслевой правовой институт, охватывающий по своему содержанию различные отрасли права (конституционное, административное, военное, международное, уголовное и др.) и характеризующийся, прежде всего, возможностью законного ограничения отдельных прав и свобод граждан в период действия особых правовых режимов;

г) противоречивый по правовой природе процесс, имеющий своей целью, с одной стороны, восстановление нормальных условий жизнедеятельности государства, нарушенных при возникновении чрезвычайной ситуации, в ходе предотвращения угрозы национальным интересам (включая обеспечение полномасштабного осуществления конституционных прав и свобод граждан как одну из важнейших составляющих национальных интересов), а с другой – предусматривающий в этой связи ограничение прав и свобод граждан.

Эти законы определяют временные рамки, которые применяются во всех случаях, независимо от оснований для объявления чрезвычайного или военного положения, а именно:

а) введение особого режима въезда и выезда с территории, на которой действует чрезвычайное или военное положение, установление ограничений свободы передвижения;

б) запрещение или ограничение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также других массовых мероприятий;

в) запрет на забастовки и другие формы приостановления или прекращения деятельности организаций;

г) ограничение движения транспортных средств и их досмотр.

В то же время федеральное законодательство предусматривает возможность такого ограничения лишь в определенной степени и в той мере, в какой это необходимо для обеспечения безопасности.

Более того, принимаемые меры с учетом норм международного права не должны повлечь за собой дискриминацию отдельных лиц или групп населения исключительно по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и официального статуса, места проживания, отношения к религии, убеждениям, членству в общественных объединениях и т.д.

Статья 55 Конституции Российской Федерации допускает ограничение индивидуальных прав в интересах общественной безопасности, ч. 3 гласит: «права и свободы могут быть ограничены нормативно-правовым актом федерального уровня только в том объеме, в котором это необходимо для защиты населения и государства, а именно в целях обеспечения защиты конституционного строя страны, прав, свобод и законных интересов других лиц, в целях обеспечения защищенности и безопасности государства».

Основная дилемма состоит в критериях, позволяющих объективно определить допустимые пределы, ограничения конституционных прав в субъектах, уполномоченных вводить такие ограничения.

Конституционный суд Российской Федерации не относит свободу слова и свободу мирных собраний к числу исключительных прав, поскольку Основной закон не включил названные права в перечень ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации, а, следовательно, допускает их ограничение посредством федерального законодательства [2].

Ограничение свободы слова проводится по нескольким причинам. В первую очередь недопустима любая ложная информация или ложные сведения, содержание которых является сферой чрезвычайных ситуаций. Данное ограничение прописано в ст. 6 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ФЗ № 68-ФЗ). Цель и причина ложных сведений не важна, сама по себе ложная информация недопустима. Такая информация может содержать: ложные положения о территориальных масштабах той или иной территории; сведения о количестве пострадавших, неверное представление их значения (ниже или выше реального); информацию о мерах реагирования государственных и муниципальных органов, способную дискредитировать институты власти.

Поскольку любой сход граждан предполагает некоторое недовольство работой органов публичной власти, жалобы населения могут быть неверно интерпретированы как намеренное распространение ложной информации [8]. Такой подход недопустим, поскольку он не соответствует намерению скрыть достоверную информацию. Таким образом, ложная информация должна трактоваться как намеренное ограничение права граждан на свободу слова.

Фактически достоверная информация является одним из пределов, пересечение которого невозможно с целью ограничения свободы слова. Исключением является информация, подпадающая под категорию секретности.

Еще одним пределом недопустимости ограничения выступает та информация, на которую имеет право общество. Свобода слова не ограничивается только в выражении своего мнения, она также подразумевает право на получение необходимой информации. Согласно ст. 68-ФЗ, население имеет право получать своевременно любую достоверную информацию, которая в какой-либо мере раскрывает реальное положение обстановки, сложившейся в той или иной чрезвычайной ситуации.

Способом распространения допустимой информации является оповещение населения и общества посредством средств массовой информации и других технических средств в местах массового пребывания людей. С учетом цифровизации информационного пространства не представляется возможным ограничить распространение информации, ее обсуждение, формирование общественного мнения относительно данной информации и, как следствие, публичной реакции. В этой связи сложно разграничить право на свободный доступ к информации, не подлежащей полному ограничению, и «цифровой митинг», регулирование которого подпадает под Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (ФЗ № 54-ФЗ), и должно быть заблокировано владельцем интернет-платформы.

В условиях чрезвычайных ситуаций допустимо ограничение свободы слова, если она способствует распространению общественно вредной или опасной информации, способна спровоцировать противоправное поведение. Фактически речь идет о вынужденной презумпции виновности, поскольку признать информацию деструктивной по общему правилу может только суд, но в условиях, требующих ограничения конституционных прав, данный механизм реализуется во внесудебном порядке.

С изменением форматов проведения публичных мероприятий возникают проблемы с квалификацией новых «цифровых» форм проведения. Так, в правоприменительной и судебной практике уже пять лет активно используют понятие «цифровой митинг», законодательно данное понятие на данный момент не закреплено [9]. Суть данного явления – публичное обсуждение общественно-политической повестки в общедоступных приложениях сети «Интернет» с активным вовлечением третьих лиц в данное обсуждение. Фактически организатор цифровой публичной акции выступает в качестве лица, осуществляющего одиночное действие (пикет), к которому добровольно добавляются другие участники, подчас это присоединение к публичной акции не совпадает по времени, то есть не перерастает в массовое публичное мероприятие. Применительно к чрезвычайной ситуации, дополнительную сложность создает определение границ, в рамках которых может осуществляться информационное регулирование.

Отправной точкой данной практики можно считать май 2020 г., когда правоохранительными органами было вынесено предупреждение жительнице Казани за размещение в своём профиле в социальной сети «ВКонтакте» информации о предстоящем онлайн-митинге против самоизоляции. Предупреждение содержит указание на недопущение нарушения требований ФЗ № 54-ФЗ в части подачи уведомления о проведении публичного мероприятия [10]. Фактически правоприменительная практика требует от уполномоченных лиц рассматривать онлайн-активность граждан как публичное мероприятие без точной классификации (пикет/митинг).

В этой связи представляет интерес опыт Германии, Конституционный суд которой трактует любую интернет-активность как реализацию права граждан на информацию. При таком толковании правовому регулированию подлежит только сама информация и субъект распространения, социальная коммуникация правовой оценки не требует [11].

Меры по ограничению публичных мероприятий в условиях чрезвычайной ситуации указаны в нормах Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» крайне скудно, в ст. 11 в основном речь идет об ограничении свободы передвижения. С формальной точки зрения публичное собрание в сети «Интернет» не урегулировано настоящим законом.

По мнению С.В. Пчелинцева, необходимо четко понимать, что специальные правовые режимы следует рассматривать не как специальный инструмент ограничения прав и свобод граждан, а наоборот, как неотъемлемую часть правового арсенала, призванную обеспечить интересы личности, общества и государства. Ведь результатом индивидуальных ограничений определенных прав и свобод, границы которых определены законом, является гарантия важнейших прав и свобод граждан, определяющих смысл и основные цели деятельности демократического правления закона [4].

По мнению профессора Ш.Г. Вишнякова, особые правовые режимы предусматривают ограничения прав и свобод граждан, когда такая мера в определенных случаях является единственным способом предотвращения и нейтрализации негативных последствий реальных и возможных угроз [5].

Об этом же говорит и Х.Б. Шейнин, полагающий, что в силу исключительного характера подобная мера представляется допустимой только при отсутствии «иной возможности решить возникшую проблему» и при наличии «действительной необходимости в ограничении прав» [12].

Основная задача специальных правовых режимов как временной особой формы государственного управления, вводимой в случае внешних и внутренних угроз территориальной целостности и независимости государства, заключается не в ограничении прав и свобод, а в обеспечении безопасности государства, личности и общества [1].

Таким образом, как одной из основных характеристик, так и объективным следствием чрезвычайной ситуации является ограничение прав и свобод граждан, направленное в зависимости от конкретных условий на устранение, нейтрализацию или минимизацию ее последствий. Практика ограничения или отступления от гарантированных региональными актами прав и свобод в чрезвычайных ситуациях проявляется в регионах по-разному [13], в зависимости от цивилизационных особенностей, конфессиональных устоев, традиций и т.д., влияя на толкование и определение понятия концепции сущности прав человека.

Список источников

1. Гасанов К.К., Стремоухов А.А. Абсолютные права человека и ограничение прав // Правоведение. 2018. № 1. С. 171–180.
2. Грищенко Т.А. Общественная безопасность и личные права – смена приоритетов в конституционном и международном праве в контексте пандемии // Современное общество и право. 2021. №5/2021. С. 40–47.
3. Карташкин В.А. Права человека и международная безопасность // Юрист-международник. 2018. № 1. С. 2–11.

4. Пчелинцев С.В. Основания ограничения прав и свобод граждан и особые правовые режимы: Теоретический аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 23–30.
5. Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации / под ред. В.Г. Вишнякова. М.: Юрид. лит-ра, 2019. С. 30–35.
6. Колмаков С.Ю. Свобода собраний в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 2. С. 215–248.
7. Рушайло В.Б. Административно-правовые режимы: монография. М.: Щит-М, 2019. С. 146.
8. Симонова С.В. Риски в сфере принятия и реализации норм законодательства о публичных мероприятиях: проблемы выявления и оценки // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57). С. 41–46.
9. Максимов А.А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 2 (123). С. 30–38.
10. Грищенко Т.А. Перспективы правового регулирования права граждан на проведение публичных мероприятий: монография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2022. С. 162.
11. Саленко А.В. Свобода мирных собраний в России и Германии: сравнительный анализ процедуры уведомления // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2018. № 5. С. 63–72.
12. Шейнин Х.Б. Допустимые ограничения прав человека в международном праве и по Конституции Российской Федерации // Общепризнанные принципы и нормы международного права. М., 2018. С. 159–166.
13. Колмаков С.Ю. Особенности законодательства субъектов Российской Федерации о публичных мероприятиях: проблемы перспективы решения // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. № 4. С. 581–590.

References

1. Gasanov K.K., Stremouhov A.A. Absolyutnye prava cheloveka i ogranichenie prav // Pravovedenie. 2018. № 1. S. 171–180.
2. Grishchenko T.A. Obshchestvennaya bezopasnost' i lichnye prava – smena prioriteto v konstitucionnom i mezhdunarodnom prave v kontekste pandemii // Sovremennoe obshchestvo i pravo. 2021. №5/2021. S. 40–47.
3. Kartashkin V.A. Prava cheloveka i mezhdunarodnaya bezopasnost' // Yurist-mezhdunarodnik. 2018. № 1. S. 2–11.
4. Pchelincev S.V. Osnovaniya ogranicheniya prav i svobod grazhdan i osoby pravovye rezhimy: Teoreticheskij aspekt // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2018. № 3. S. 23–30.
5. Pravovoe obespechenie bezopasnosti Rossijskoj Federacii / pod red. V.G. Vishnyakova. M.: Yurid. lit-ra, 2019. S. 30–35.
6. Kolmakov S.Yu. Svoboda sobranij v praktike Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki. 2018. T. 22. № 2. S. 215–248.
7. Rushajlo V.B. Administrativno-pravovye rezhimy: monografiya. M.: Shchit-M, 2019. S. 146.
8. Simonova S.V. Riski v sfere prinyatiya i realizacii norm zakonodatel'stva o publicnyh meropriyatiyah: problemy vyyavleniya i ocenki // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 8 (57). S. 41–46.
9. Maksimov A.A. Onlajn-miting kak sposob realizacii politicheskikh prav cheloveka // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 2 (123). S. 30–38.
10. Grishchenko T.A. Perspektivy pravovogo regulirovaniya prava grazhdan na provedenie publicnyh meropriyatij: monografiya. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta MVD Rossii, 2022. S. 162.
11. Salenko A.V. Svoboda mirnyh sobranij v Rossii i Germanii: sravnitel'nyj analiz procedury uvedomleniya // Elektronnoe prilozhenie k rossijskomu yuridicheskomu zhurnal. 2018. № 5. S. 63–72.

12. Shejnin H.B. Dopustimye ogranicheniya prav cheloveka v mezhdunarodnom prave i po Konstitucii Rossijskoj Federacii // Obshchepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava. M., 2018. S. 159–166.

13. Kolmakov S.Yu. Osobennosti zakonodatel'stva sub"ektov Rossijskoj Federacii o publichnyh meropriyatiyah: problemy perspektivy resheniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2018. T. 28. № 4. S. 581–590.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 17.12.2025

Принята к публикации: 26.03.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 17.12.2025

Accepted for publication: 26.03.2026

Информация об авторах:

Грищенко Тарас Алексеевич, докторант Санкт-Петербургского университета МВД России (198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1), кандидат юридических наук, доцент, e-mail: gta_82@inbox.ru, SPIN-код: 4430-5275

Information about the authors:

Grishchenko Taras A., doctoral student of the Saint-Petersburg university of the Ministry of Internal affairs of Russia (198206, Saint-Petersburg, Letchika Pilyutova str, 1.), candidate of law, associate professor, e-mail: gta_82@inbox.ru, SPIN: 4430-5275

Научная статья

УДК 327; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-111-116

РОЛЬ И МЕСТО АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

✉ Кайнов Владимир Иванович.

Северо-Западный филиал Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия

✉ kaynov_v@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретико-правовые аспекты роли и места административного права в системе отраслей Российского права. Данные вопросы исследуются в контексте трансформации государственно-правовых институтов современной России, в результате которых административное право претерпевает сущностные изменения, отражающие динамику развития управленческих процессов и публичной администрации. Делаются выводы о том, что дальнейшее развитие административно-правовой науки требует комплексного подхода к исследованию фундаментальных категорий отрасли, учитывающего взаимопроникновение различных правовых традиций, цифровую трансформацию государственного управления и возрастающую роль административного права в обеспечении прав и свобод граждан при взаимодействии с публичной администрацией. Понятие, предмет и метод административного права нуждаются в постоянном научном переосмыслении, отражающем динамику развития административно-правовых отношений в современной России.

Ключевые слова: Россия, административное право, административно-правовые отношения, публичная администрация, комплексный подход, цифровая трансформация государственного управления

Для цитирования: Кайнов В.И. Роль и место административного права в системе деятельности публичной администрации современной России: вопросы истории, теории и практики // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 111–116. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-111-116

Scientific article

THE ROLE AND PLACE OF ADMINISTRATIVE LAW IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM OF MODERN RUSSIA: QUESTIONS OF HISTORY, THEORY AND PRACTICE

✉ Kainov Vladimir I.

North-West branch of Russian state university of justice named after V.M. Lebedev,
Saint-Petersburg, Russia

✉ kaynov_v@mail.ru

Abstract. The article examines the theoretical and legal aspects of the role and place of administrative law in the system of branches of Russian law. These issues are examined in the context of the transformation of state-legal institutions in modern Russia, as a result of which administrative law undergoes significant changes reflecting the dynamics of development of management processes and public administration. It is concluded that the further development of administrative and legal science requires an integrated approach to the study of fundamental categories of the industry, taking into account the interpenetration of various legal traditions, the digital transformation of public administration and the increasing role of administrative law in ensuring the rights and freedoms of citizens when interacting with public administration. The concept, subject and method of administrative law need constant scientific rethinking, reflecting the dynamics of the development of administrative and legal relations in modern Russia.

Keywords: Russia, administrative law, administrative legal relations, public administration, comprehensive approach, digital transformation of public administration

For citation: Kaynov V.I. The role and place of administrative law in the public administration system of modern Russia: questions of history, theory and practice // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 111–116. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-111-116

В условиях трансформации государственно-правовых институтов России административное право претерпевает сущностные изменения, отражающие динамику развития управленческих процессов и публичной администрации. Переосмысление фундаментальных основ этой отрасли становится необходимым элементом развития правовой системы, позволяющим адаптировать теоретические концепции к практическим вызовам современности. Настоящее исследование представляет собой нестандартный взгляд на понятийно-категориальный аппарат, предметную область и методологический инструментарий административного права в контексте его эволюции и современного состояния деятельности органов публичной администрации [1].

Административное право как юридический феномен возникло в ответ на усложнение государственных управленческих процессов. Изначально оформившись как «полицейское право» [2, 3], оно прошло значительный путь концептуальной эволюции, сформировав собственную теоретическую идентичность. В российском правовом пространстве данная отрасль испытала влияние различных доктринальных подходов: от императивно-директивной модели советского периода до современных концепций, учитывающих мировой опыт административно-правового регулирования.

Понятийная детерминация административного права в российском правоведении претерпела существенную трансформацию. Традиционное определение через призму регулирования управленческих отношений уже не отражает всю полноту содержания этой отрасли. Современный концептуальный подход требует учитывать многогранность административно-правовых отношений, включающих не только вертикаль власти, но и горизонтальные связи, а также процессы предоставления публичных услуг и обеспечения прав граждан во взаимодействии с государственным аппаратом [4–6].

Дефинитивное осмысление административного права целесообразно строить на основе его сущностных характеристик как отрасли публичного права, регламентирующей организацию и функционирование исполнительной власти, административное судопроизводство, контрольно-надзорную деятельность и иные формы государственно-властного воздействия на общественные отношения. При этом важно учитывать его комплексный характер и взаимопроникновение с иными отраслями права [7].

Методологическая особенность современного административного права заключается в том, что оно интегрирует принципы различных правовых семей и традиций. Российское административное право, имея глубокие корни в континентальной правовой традиции, постепенно воспринимает элементы англо-саксонского административного права, особенно в части процедурных аспектов и защиты прав частных лиц в публично-правовых отношениях.

Предметная сфера административного права демонстрирует тенденцию к расширению и усложнению. В классическом понимании предмет административного права составляют общественные отношения, возникающие в процессе государственного управления. Однако современная административно-правовая доктрина выходит за рамки узкого понимания управленческих отношений, включая в предмет отрасли отношения по оказанию административных услуг, обеспечению законности в публичном управлении, взаимодействию государственных и негосударственных структур.

Своеобразным методологическим новшеством выступает включение в предмет административного права отношений, связанных с квазисудебной деятельностью административных органов, медиативными процедурами в публично-правовой сфере,

электронным правительством и цифровым взаимодействием граждан с властными структурами [8]. Данные направления расширяют традиционное понимание предмета отрасли и требуют разработки адекватного понятийного аппарата [9].

Методологический инструментарий административного права характеризуется преобладанием императивности при одновременном внедрении элементов диспозитивного регулирования. Административно-правовой метод в современном понимании представляет собой сложную систему правовых средств и способов воздействия на участников административно-правовых отношений. Он включает в себя властные предписания, запреты, дозволения, стимулы и иные регулятивные механизмы [10].

Специфика метода административного права проявляется в асимметричности правового положения субъектов, наличии подчинения одних участников другим, возможности одностороннего волеизъявления органов исполнительной власти [11, 12]. При этом наблюдается тенденция к смягчению властного характера административно-правового регулирования, что выражается в расширении сферы применения административных договоров, развитии института административных процедур, внедрении средств саморегулирования, оптимизации системы публичной администрации современной России [13].

Современный метод административного права характеризуется конвергенцией публично-правовых и частноправовых начал. Таким образом, формируется новая парадигма административно-правового регулирования, учитывающая необходимость баланса публичных и частных интересов. Примечательно, что данный процесс отражает общемировую тенденцию к гуманизации административного права и повышению значимости прав человека в публично-правовых отношениях.

Особого внимания заслуживает трансформация функциональной направленности административного права, которое эволюционирует от преимущественно управленческого инструментария к многофункциональному регулятору, обеспечивающему не только эффективность публичного управления, но и защиту прав граждан, административную юстицию, процедурную справедливость в деятельности публичной администрации [14].

Концептуальная новация современного административного права состоит в признании его сервисной функции. Административное право регулирует не только властные отношения в классическом понимании, но и процессы оказания государственных и муниципальных услуг, публично-сервисную деятельность органов исполнительной власти. Данный аспект административно-правового регулирования нашел отражение в законодательстве о государственных услугах, административных регламентах и стандартах качества публичных услуг [15]. В данном контексте система административного права претерпевает структурные изменения, отражающие расширение его предметной области. Традиционное деление на общую и особенную части дополняется специальными институтами, регулирующими административно-процессуальные отношения, административное судопроизводство, контрольно-надзорную деятельность. Некоторые исследователи выделяют процессуальную часть административного права как самостоятельный блок отрасли.

Динамика развития административного права характеризуется интенсификацией нормотворческого процесса, что приводит к быстрому обновлению нормативной базы и появлению новых институтов. Это обуславливает необходимость постоянного переосмысления теоретических основ отрасли, адаптации понятийного аппарата к изменяющимся реалиям государственного управления.

В условиях глобализации административное право испытывает влияние международно-правовых стандартов публичного управления. Принципы надлежащего управления, административной прозрачности, защиты законных ожиданий граждан, пропорциональности административного воздействия постепенно интегрируются в российскую административно-правовую доктрину, обогащая её концептуальное содержание.

Информатизация государственного управления, в частности сферы деятельности органов публичной администрации, ставит перед административным правом новые задачи, связанные с правовым регулированием цифровых административных процедур,

электронного документооборота, информационной безопасности в сфере публичного управления. Эти вызовы требуют адаптации методологического инструментария административного права к условиям цифровой реальности.

Таким образом, следует отметить, что административное право России находится в стадии концептуального обновления, обусловленного трансформацией государственного управления, интеграцией международных стандартов, цифровизацией административных процессов, развития системы органов публичной администрации. Понятие административного права расширяется, включая не только регулирование властеотношений, но и правовое обеспечение сервисной деятельности государства. Предмет отрасли охватывает всё более широкий спектр общественных отношений, возникающих в сфере публичного управления и административной юстиции. Методологический инструментарий эволюционирует в направлении сбалансированного сочетания императивных и диспозитивных начал, публично-правовых и частноправовых элементов¹ [3].

В завершении рассмотрения вопросов заявленной проблематики, автор статьи делает вывод о том, что в целях дальнейшей оптимизации деятельности органов публичной администрации современной России дальнейшее развитие административно-правовой науки требует комплексного подхода к исследованию фундаментальных категорий отрасли, учитывающего взаимопроникновение различных правовых традиций, цифровую трансформацию государственного управления и возрастающую роль административного права в обеспечении прав и свобод граждан при взаимодействии с публичной администрацией. Таким образом, понятие, предмет и метод административного права нуждаются в постоянном научном переосмыслении, отражающем динамику развития административно-правовых отношений в современной России.

Список источников

1. Жеребцов А.Н., Павлов Н.В., Юшко А.В. Правовые фикции в механизме административно-правового регулирования управленческих отношений. М.: Юрайт, 2023. 184 с.
2. Старилов Ю.Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М.: Изд-во «НОРМА», 2001.
3. Минашкин А.В. Состояние и пути развития административного судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 41–48.
4. Научное наследие Матвея Дмитриевича Загряцкого (к 145-летию со дня рождения): коллективная монография / под науч. ред. В.И. Кайнова, Е.В. Семухиной. Киров: Изд-во МЦИТО, 2019.
5. Евтихийев А.Ф. Основы советского административного права. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. 332 с.
6. Кобалевский В.Л. Советское административное право. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1929. 418 с.
7. Сафонов П.Н. Производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции таможенных органов. М.: Юрайт, 2023. 210 с.
8. Арбитражный процесс: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В.И. Кайнов [и др.]. М.: ООО «Издательство Юнити-Дана», 2024. 376 с. ISBN 978-5-238-03839-1. EDN DOKCAF.
9. Осинцев Д.В. Административное право. М.: Юрайт, 2023. 618 с.
10. Кайнов В.И., Сафаров Р.А., Терентьев Р.В. Административно-процессуальное право России: учеб. пособие. М.–Берлин: Изд-во «Директ-Медиа», 2021. 265 с.
11. Кайнов В.И., Кривуля Л.Г., Шеншин В.М. Понятие и классификация мер административного принуждения // Закон и право. 2023. № 2. С. 69–72. DOI: 10.56539/20733313_2023_2_69. EDN ATGUDD.

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Шеншин В.М. Подзаконное регулирование мер государственного принуждения, применяемых должностными лицами Росгвардии в рамках административно-юрисдикционной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 155–160. DOI: 10.52452/19931778_2021_5_155. EDN VVDMND.

13. Зуева Л.Ю. Административное право. Судопроизводство по делам об обязательном судебном контроле. М.: Юрайт, 2023. 147 с.

14. Конин Н. М., Маторина Е. И. Административное право. М.: Юрайт, 2023. 460 с.

15. Кононов П.И. Актуальные проблемы административного права: учеб. М.: КНОРУС, 2023. 314 с.

References

1. Zherebcov A.N., Pavlov N.V., Yushko A.V. Pravovye fikcii v mekhanizme administrativno-pravovogo regulirovaniya upravlencheskih otnoshenij. M.: Yurajt, 2023. 184 s.

2. Starilov Yu.N. Administrativnaya yusticiya. Teoriya, istoriya, perspektivy. M.: Izd-vo «NORMA», 2001.

3. Minashkin A.V. Sostoyanie i puti razvitiya administrativnogo sudoproizvodstva v Rossijskoj Federacii // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2005. № 7. S. 41–48.

4. Nauchnoe nasledie Matveya Dmitrievicha Zagryackova (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya): kollektivnaya monografiya / pod nauch. red. V.I. Kajnova, E.V. Semuhinoy. Kirov: Izd-vo MCITO, 2019

5. Evtihiev A.F. Osnovy sovetskogo administrativnogo prava. Har'kov: Yurid. izd-vo NKYU USSR, 1925. 332 s.

6. Kobalevskij V.L. Sovetskoe administrativnoe pravo. Har'kov: Yurid. izd-vo NKYU USSR, 1929. 418 s.

7. Safonenkov P.N. Proizvodstvo po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah, otnesennyh k kompetencii tamozhennyh organov. M.: Yurajt, 2023. 210 s.

8. Arbitrazhnyj process: ucheb. dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki «Yurisprudenciya» / V.I. Kajnov [i dr.]. M.: ООО «Izdatel'stvo Yuniti-Dana», 2024. 376 s. ISBN 978-5-238-03839-1. EDN DOKCAF.

9. Osincev D.V. Administrativnoe pravo. M.: Yurajt, 2023. 618 s.

10. Kajnov V.I., Safarov R.A., Terent'ev R.V. Administrativno-processual'noe pravo Rossii: ucheb. posobie. M.–Berlin: Izd-vo «Direkt-Media», 2021. 265 s.

11. Kajnov V.I., Krivulya L.G., Shenshin V.M. Ponyatie i klassifikaciya mer administrativnogo prinuzhdeniya // Zakon i pravo. 2023. № 2. S. 69–72. DOI: 10.56539/20733313_2023_2_69. EDN ATGUDD.

12. Shenshin V.M. Podzakonnoe regulirovanie mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya, primenyaemyh dolzhnostnymi licami Rosgvardii v ramkah administrativno-yurisdikcionnoj deyatel'nosti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2021. № 5. S. 155–160. DOI: 10.52452/19931778_2021_5_155. EDN VVDMND.

13. Zueva L.Yu. Administrativnoe pravo. Sudoproizvodstvo po delam ob obyazatel'nom sudebnom kontrole. M.: Yurajt, 2023. 147 s.

14. Konin N. M., Matorina E. I. Administrativnoe pravo. M.: Yurajt, 2023. 460 s.

15. Kononov P.I. Aktual'nye problemy administrativnogo prava: uchebnik. M.: KNORUS, 2023. 314 s.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 26.10.2025

Принята к публикации: 27.11.2025

The information about article:

Article was received by the editorial office: 26.10.2025

Accepted for publication: 27.11.2025

Информация об авторах:

Кайнов Владимир Иванович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, 5), доктор юридических наук, профессор, e-mail: kaynov_v@mail.ru, SPIN-код: 1041-1694

Information about the authors:

Kainov Vladimir I., professor of the department of state and legal disciplines of the Northwestern branch of Russian state university of justice (197046, Saint-Petersburg, Alexandrovsky park, 5), doctor of law, professore, e-mail: kaynov_v@mail.ru, SPIN: 1041-1694

Научная статья

УДК 614.8; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-117-122

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ МАЛОМЕРНЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ ПРИКАЗА МЧС РОССИИ ОТ 22 ИЮЛЯ 2025 г. № 636

✉ Шевченко Кирилл Владимирович.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉ kirill_55@mail.ru

Аннотация. Рассматривается приказ МЧС России от 22 июля 2025 г. № 636 «Об утверждении Правил пользования маломерными судами на водных объектах», утверждающий обновлённые Правила пользования маломерными судами. Подчёркивается смена парадигмы: от формального процедурного регулирования – к целостному риск-ориентированному подходу, охватывающему весь цикл эксплуатации судна. Среди ключевых новелл выделены: дифференциация требований в зависимости от категории судна, обязательное ношение спасательных жилетов в ситуациях объективно повышенной опасности, усиленные гарантии безопасности для детей, передача полномочий по установлению скоростного режима на региональный уровень, ужесточение технических и экологических стандартов, а также введение ограниченного срока действия приказа как проявление гибкого адаптивного нормотворчества.

Ключевые слова: маломерные суда, безопасность на водных объектах, риск-ориентированное регулирование, приказ № 636, ГИМС МЧС России, правила пользования маломерными судами

Для цитирования: Шевченко К.В. Эволюция правового регулирования безопасности маломерных судов в Российской Федерации: анализ приказа МЧС России от 22 июля 2025 г. № 636 // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 117–122. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-117-122

Scientific article

EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF SMALL VESSEL SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION: ANALYSIS OF THE ORDER OF EMERCOM OF RUSSIA DATED JULY 22, 2025 № 636

✉ Kainov Vladimir I.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ kirill_55@mail.ru

Abstract. The article examines Order № 636 of EMERCOM of Russia dated July 22, 2025, approving updated Rules for the Use of Small Vessels. It emphasizes a paradigm shift: from formal, procedural regulation to a holistic, risk-based approach encompassing the entire vessel operation cycle. Key innovations include: differentiated requirements depending on vessel category, mandatory wearing of life jackets in situations of objectively increased danger, enhanced safety guarantees for children, devolution of authority to set speed limits to the regional level, tightening of technical and environmental standards, and the introduction of a limited validity period for the order as an example of flexible, adaptive rulemaking.

Keywords: small vessels, water safety, risk-based regulation, order № 636, State Inspectorate for Small Vessels of EMERCOM of Russia, rules for the use of small vessels

For citation: Shevchenko K.V. Evolution of legal regulation of small vessel safety in the Russian Federation: analysis of the Order of EMERCOM of Russia dated July 22, 2025 № 636 // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 117–122. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-117-122

Безопасность на водных объектах традиционно занимает одно из центральных мест в системе обеспечения жизнедеятельности населения Российской Федерации [1]. В условиях заметного роста популярности активного водного отдыха, увеличения числа и расширения географии использования маломерных судов вопросы правового регулирования их эксплуатации приобретают всё большую актуальность.

В 2025 г. в российском законодательстве произошло событие, кардинально изменившее подход к обеспечению безопасности на воде – был принят Федеральный закон от 3 февраля 2025 г. № 4-ФЗ «О безопасности людей на водных объектах» (ФЗ № 4-ФЗ). Данный закон заложил новую концептуальную основу, ориентированную не на формальное соблюдение процедур, а на реальное предотвращение гибели и травмирования граждан. В развитие этого закона был издан приказ МЧС России от 22 июля 2025 г. № 636 «Об утверждении Правил пользования маломерными судами на водных объектах» (приказ № 636) [2]. Этот нормативный акт, зарегистрированный в Минюсте России 31 июля 2025 г. под № 83112, вступил в силу с 1 марта 2026 г. и будет действовать до 1 марта 2032 г., заменив собой устаревший документ 2020 г. и установив новые, современные требования к пользователям маломерных судов. Цель данного исследования – провести комплексный анализ указанного приказа, выявить его новеллы, определить место в правовой системе и оценить практические последствия для повышения уровня безопасности на воде.

Правовая природа приказа № 636 обусловлена не ведомственной инициативой, а прямым указанием законодателя. Подпункт «в» п. 4 ч. 2 ст. 4 ФЗ № 4-ФЗ прямо возлагает на МЧС России обязанность по утверждению правил пользования маломерными судами, что делает данный приказ обязательным инструментом реализации законодательной воли. Дополнительную легитимность приказу придаёт Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 868, закрепляющий за МЧС России функции по государственному надзору за маломерными судами через Государственную инспекцию по маломерным судам (ГИМС МЧС России) [3]. Таким образом, документ выступает не как техническое руководство, а как стратегически значимый акт, формирующий вектор развития всей системы профилактики чрезвычайных ситуаций на воде. Его официальная регистрация в Минюсте подтверждает обязательность применения на всей территории Российской Федерации.

Одним из наиболее глубоких концептуальных сдвигов, зафиксированных в новом документе, является смена самого подхода к обеспечению безопасности на воде: если ранее нормативное регулирование фокусировалось преимущественно на процессе движения судна, то теперь оно охватывает весь цикл взаимодействия человека с маломерным судном – от его спуска на воду и подготовки к выходу, движения, стоянки и швартовки до хранения, технического обслуживания и осуществления сопутствующих операций, таких как буксировка или заправка топливом. Этот переход от узко навигационной модели к комплексной жизненно ориентированной концепции безопасности позволяет устранить существовавшие правовые пробелы: ранее происшествия, случавшиеся вне движения, например, при стоянке у берега, во время заправки или купания с борта, формально не подпадали под действовавшие ранее правила, поскольку регулирование ограничивалось рамками «плавания». Теперь же все этапы эксплуатации маломерного судна подлежат чёткому нормативному регулированию, что не только повышает ответственность самих пользователей, но и даёт инспекторам ГИМС МЧС России правовую основу для профилактики и реагирования в любой ситуации, связанной с использованием судна. Такой подход полностью соответствует современным международным стандартам, в частности техническому регламенту Таможенного союза ТР ТС 026/2012 «О безопасности маломерных судов» и рекомендациям Международной морской организации, где безопасность рассматривается не как эпизод движения, а как непрерывный процесс, охватывающий все аспекты владения, пользования и технического состояния плавсредства.

Новой чертой регулирования является принцип дифференциации требований в зависимости от того, подлежит ли маломерное судно государственной регистрации. Согласно положениям документа, пользование судами, подлежащими регистрации,

возможно только после их постановки на учёт, прохождения освидетельствования и нанесения идентификационных номеров. Для судов, не подлежащих регистрации, таких как гребные или моторные лодки небольшой мощности без кают, требования существенно упрощены. Особенно ярко дифференциация проявляется в требованиях к управляющему лицу: управление регистрируемыми судами допускается только при наличии удостоверения на право управления, в то время как для нерегистрируемых судов достаточно предъявить документ, удостоверяющий личность. Такой подход соответствует принципу разумной регуляторной нагрузки, снижая административные барьеры для граждан, использующих суда исключительно в личных целях, и одновременно сохраняя высокий уровень контроля за судами, представляющими потенциально большую опасность.

Требование о ношении спасательных жилетов присутствовало и в предыдущих редакциях правил, но можно отметить, что приказ № 636 расширил рамки этой обязанности далеко за пределы движения судна и сменил логику регулирования. Ранее норма, как правило, активировалась лишь при фактическом перемещении маломерного судна. В новом документе обязанность надевать спасательный жилет привязана не к режиму движения, а к объективно высокому риску, связанному с конструкцией судна, видом деятельности или уязвимостью пользователя. Теперь жилеты обязательны даже при стоянке на якоре беспалубных судов длиной до 4 м, поскольку такие лодки легко опрокидываются при резком движении пассажира. Такой подход основан на анализе реальной статистики гибели на воде, согласно которой подавляющее большинство трагедий происходит не из-за отсутствия жилетов на борту, а из-за того, что они не были надеты в момент внезапного падения в воду, будь то при опрокидывании, соскальзывании с борта или обрыве буксирного троса. Кроме того, дополнительно регламентировано, что жилеты должны соответствовать росту, массе и комплекции пользователя и быть надёжно застёгнуты способом, исключающим самопроизвольное снятие при попадании в воду. Таким образом, приказ № 636 совершает переход от формального режимно-зависимого требования к функциональному риск-ориентированному подходу, в котором спасательный жилет перестаёт быть элементом «на случай чрезвычайного происшествия» и становится стандартной частью экипировки при любом виде пользования маломерным судном, сопряжённым с реальной угрозой для жизни.

Этот же риск-ориентированный подход проявляется и в дополнительных гарантиях защиты детей – одной из самых уязвимых групп участников водного движения. Приказ № 636 вводит чёткое правило: перевозка детей в возрасте до семи лет разрешается только при наличии на борту совершеннолетнего лица, специально назначенного для их сопровождения (как и ранее), но уточняется, что судоводитель не может выполнять эту роль. Это принципиальное уточнение устраняет распространённую и крайне опасную практику, когда ребёнок остаётся без прямого присмотра на палубе или в кокпите, в то время как единственный взрослый на борту полностью сосредоточен на управлении судном и физически не может вовремя отреагировать на падение, опрокидывание или иную опасную ситуацию. Данная норма не просто формализует присутствие взрослого, а гарантирует наличие отдельного, незанятого управлением человека, чья единственная задача – обеспечивать безопасность ребёнка.

Отдельного внимания заслуживает подход к регулированию скоростного режима: приказ № 636 возлагает полномочия по определению максимально допустимой скорости движения маломерных судов на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Конкретные ограничения утверждаются нормативным правовым актом высшего исполнительного органа субъекта в рамках правил пользования маломерными судами на водных объектах соответствующей территории и в соответствии с ч. 3 ст. 17 ФЗ № 4-ФЗ. Для обеспечения единообразия и методологической согласованности при разработке таких региональных правил был издан приказ МЧС России от 24 сентября 2025 г. № 852 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке правил пользования маломерными судами на водных объектах на территории субъекта Российской Федерации» [4], который предлагает унифицированный подход к нормотворчеству в сфере обеспечения безопасности на водных объектах. Такой децентрализованный, но методологически

выверенный механизм позволяет субъектам Российской Федерации гибко учитывать местную специфику, включая интенсивность судоходства, наличие зон массового отдыха и пляжей, узости фарватеров, глубинные условия и иные факторы, непосредственно влияющие на безопасность, сохраняя при этом общую правовую и техническую сопоставимость норм по всей стране.

Новые правила демонстрируют усиление внимания и к экологическим аспектам. Прямо запрещается выброс за борт любых отходов производства и потребления (ранее в аналогичной норме использовалось более общее понятие – «мусор»). Это соответствует положениям Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». Технические требования к судам также ужесточены: прямо запрещается установка двигателей, превышающих допустимую мощность, установленную производителем, даже на нерегистрируемые суда. Эта мера направлена на борьбу с самодельной модернизацией, которая часто приводит к потере устойчивости и опрокидыванию.

Приказ № 636 не существует в правовом вакууме. Он органично встраивается в существующую систему нормативного регулирования. В частности, документ содержит прямые отсылки к Международным правилам предупреждения столкновений судов в море (МППСС-72), Правилам плавания по внутренним водным путям, Правилам пропуска судов через шлюзы, а также к обязательным постановлениям в морских портах [5]. Такая интеграция позволяет избежать коллизий между различными правовыми режимами и обеспечивает единообразие требований для всех участников водного движения, от крупных теплоходов до надувных лодок.

Приказ № 636 сам по себе не устанавливает санкций, он создаёт чёткую нормативную базу для привлечения нарушителей к административной ответственности по Кодексу об административных правонарушениях Российской Федерации. Инспекторы ГИМС МЧС России получают расширенные полномочия: право останавливать судно, проверять документы, требовать немедленного снижения скорости при приближении патрульного судна с синим проблесковым огнём. Это повышает эффективность надзора и профилактического воздействия. Особое внимание уделено запрету управления в состоянии опьянения, что влечёт за собой не только штраф, но и лишение права управления на срок до двух лет. Таким образом, приказ № 636 становится не только регуляторным, но и превентивным инструментом.

Принципиально новым элементом правового регулирования является установление ограниченного срока действия самого приказа, что подчёркивает его статус не просто как ведомственного административного акта, а как документа стратегического планирования. В отличие от традиционных нормативных правовых актов, рассчитанных на бессрочное применение до момента отмены, приказ № 636 изначально проектировался как временной циклический инструмент, увязанный с горизонтом среднесрочного планирования в сфере обеспечения безопасности на водных объектах. Его шестилетний срок действия (с 1 марта 2026 г. по 1 марта 2032 г.) соответствует логике стратегических документов, которые разрабатываются на фиксированный период и подлежат пересмотру с учётом достигнутых результатов и изменившихся условий.

Такой подход позволяет рассматривать правила пользования маломерными судами не как раз и навсегда установленный свод требований, а как динамичный элемент системы управления рисками, подлежащий регулярной актуализации на основе обратной связи, мониторинга аварийности, внедрения новых технологий и изменений в поведении пользователей. По истечении срока действия документ будет подвергнут комплексной оценке и либо продлён, либо заменён новой редакцией, учитывающей накопленную правоприменительную практику, трансформацию технического парка (включая массовое распространение электросудов, гидроциклов нового поколения или даже автономных плавсредств), а также результаты анализа аварийности и эффективности действующих мер. Такой циклический характер отражает современные тенденции в регуляторной политике: государство отказывается от жёстких «вечных» норм в пользу гибких адаптивных правил, основанных на систематической оценке регулирующего воздействия и ориентированных на реальные, а не формальные потребности обеспечения безопасности людей на водных объектах.

В заключение можно констатировать, что приказ МЧС России № 636 представляет собой качественно новый этап в развитии правовой системы обеспечения безопасности на воде в Российской Федерации. Документ не просто обновляет устаревшие нормы, а формирует новую регуляторную модель, основанную на принципах дифференциации, риск-ориентированного подхода, личной ответственности и интеграции с международными стандартами. Ключевые достижения приказа – это смещение акцента с формального соблюдения требований к реальному обеспечению безопасности жизни, введение обязательного ношения спасательных жилетов в критических ситуациях, усиление защиты детей, повышение технической и экологической дисциплины, а также чёткое распределение обязанностей между пользователями и контролирующими органами. Реализация положений данного документа при условии грамотной разъяснительной работы и подготовки инспекторского состава ГИМС МЧС России способна существенно повлиять на снижение уровня аварийности и гибели людей на водных объектах, особенно в тёплый период года. Приказ № 636 может рассматриваться как образец современного, гибкого и человекоцентричного нормотворчества в сфере гражданской защиты, соответствующего вызовам XXI в.

Список источников

1. Назарова И.С., Уткин Н.И., Шеншин В.М. О нормативном правовом регулировании деятельности ГИМС МЧС России в современных условиях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1 (229). С. 85–88. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_1_85. EDN JDQCRO.
2. Об утверждении Правил пользования маломерными судами на водных объектах: приказ МЧС России от 22 июля 2025 г. № 636. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Назарова И.С., Уткин Н.И., Шеншин В.М. О некоторых особенностях организации производства по делам об административных правонарушениях в ГИМС МЧС России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 192–195. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_10_192. EDN OBTAXC.
4. Об утверждении Методических рекомендаций по разработке правил пользования маломерными судами на водных объектах на территории субъекта Российской Федерации: приказ МЧС России от 24 сент. 2025 г. № 852. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Назарова И.С., Шевченко К.В., Бешенцев И.Д. О нормативно-правовом регулировании обеспечения безопасности на транспорте // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 109–112. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_109. EDN HMETYW.

References

1. Nazarova I.S., Utkin N.I., Shenshin V.M. O normativnom pravovom regulirovanii deyatel'nosti GIMS MCHS Rossii v sovremennyh usloviyah // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 1 (229). S. 85–88. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_1_85. EDN JDQCRO.
2. Ob utverzhdenii Pravil pol'zovaniya malomernymi sudami na vodnykh ob"ektah: prikaz MCHS Rossii ot 22 iyulya 2025 g. № 636. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
3. Nazarova I.S., Utkin N.I., Shenshin V.M. O nekotoryh osobennostyah organizacii proizvodstva po delam ob administrativnyj, pravonarusheniyah v GIMS MCHS Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 10 (226). S. 192–195. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_10_192. EDN OBTAXC.
4. Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendacij po razrabotke pravil pol'zovaniya malomernymi sudami na vodnykh ob"ektah na territorii sub"ekta Rossijskoj Federacii: prikaz MCHS Rossii ot 24 sent. 2025 g. № 852. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
5. Nazarova I.S., Shevchenko K.V., Beshencev I.D. O normativno-pravovom regulirovanii obespecheniya bezopasnosti na transporte // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2025. № 3. S. 109–112. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_109. EDN HMETYW.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 24.12.2025

Принята к публикации: 26.02.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 24.12.2025

Accepted for publication: 26.02.2026

Информация об авторах:

Шевченко Кирилл Владимирович, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), e-mail: kirill_55@mail.ru, SPIN-код: 5448-2910

Information about the authors:

Shevchenko Kirill V., senior lecturer of the department of theory and history of state and law of the Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), e-mail: shevchenko.k@igps.ru, SPIN: 5448-2910

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.2/7; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-123-130

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИНТЕРЕСОВ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ ОТ ЭКОЦИДА И ЕГО УГРОЗ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ)

✉ Сафонов Владимир Николаевич.

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия

Савченко Светлана Николаевна.

Прокуратура Выборгского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия.

✉ svn205@gmail.com

Аннотация. Анализируются зарубежный доктринальный и законотворческий уровни имплементации защиты интересов будущих поколений от экоцида и его угроз в конституционные, а затем и в отраслевые нормы государств. Рассматриваются философско-правовые аспекты охраны будущих поколений от экоцида и его угроз. Констатируется, что триггером признания и определения векторов разрешения проблемы стала констатация феномена межпоколенческого конфликта, в частности, что действия нынешних поколений могут поставить под угрозу потребности будущих поколений. В большинстве случаев эти опасения относятся к окружающей среде и природным ресурсам, что в первую очередь ассоциируется с экоцидом, в других ситуациях обеспокоенность относится к биоэтическим правам.

Обсуждение подходов к интеграции интересов будущих поколений в процесс принятия решений позволило выделить два типа обязанностей, в зависимости от того, возлагаются ли они на отдельных лиц или на общество и государство. К идее охраны интересов будущих поколений оказалось восприимчивым внутреннее законодательство ряда стран, причем не только конституционное. Поскольку экоцид – наиболее опасная форма воздействия на экологию и человека, множество внутренних, а также международных правовых источников признают, что действия нынешних поколений в этом контексте могут поставить под угрозу потребности будущих поколений. Характерно, что конституционные положения не ограничиваются преамбулами с общими, декларативными формулировками. Определяя будущие поколения как носителей эколого-правовых интересов, конституционные нормы находят свое развитие во внутренних отраслевых законах и международных правовых актах.

Результаты исследования позволили предложить обоснование необходимости охраны интересов будущих поколений от экоцида и его угроз не только конституционно-правовыми, но и отраслевыми нормами права.

Ключевые слова: экоцид, угрозы, будущие поколения, гиперпотребление, антропоцен, межпоколенческий конфликт, конституционные нормы, имплементация

Для цитирования: Сафонов В.Н., Савченко С.Н. Правовая охрана интересов будущих поколений от экоцида и его угроз (по материалам зарубежных исследований и законотворческой практики) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 123–130. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-123-130

Scientific article

LEGAL PROTECTION OF FUTURE GENERATIONS' INTERESTS FROM ECOCIDE AND ITS THREATS (BASED ON FOREIGN RESEARCH AND LEGISLATIVE PRACTICE)

✉Safonov Vladimir N.

North-West branch of Russian state university of justice named after V.M. Lebedev,
Saint-Petersburg, Russia,

Savchenko Svetlana N.

Prosecutor's office of the Vyborg district of Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia

✉svn205@gmail.com

Abstract. Foreign doctrinal and legislative levels of implementation of the protection of the interests of future generations from ecocide and its threats in constitutional, and then in sectoral norms of states are analyzed. The philosophical and legal aspects of protecting future generations from ecocide and its threats are considered. It is stated that the trigger for the recognition and determination of the vectors for resolving the problem was the statement of the phenomenon of intergenerational conflict, in particular, that the actions of current generations can jeopardize the needs of future generations. In most cases, these concerns relate to the environment and natural resources, which is primarily associated with ecocide, in other situations, concerns relate to bioethical rights.

The discussion of approaches to integrating the interests of future generations into decision-making made it possible to distinguish two types of responsibilities, depending on whether they are assigned to individuals or to society and the state. The domestic legislation of a number of countries turned out to be receptive to the idea of protecting the interests of future generations, and not only constitutional. Since ecocide is the most dangerous form of environmental and human impact, many domestic as well as international legal sources recognize that the actions of current generations in this context may jeopardize the needs of future generations. It is characteristic that constitutional provisions are not limited to preambles with general, declarative wording. Defining future generations as carriers of environmental and legal interests, constitutional norms are developed in domestic sectoral laws and international legal acts.

The results of the study made it possible to propose a justification for the need to protect the interests of future generations from ecocide and its threats not only by constitutional-legal, but also by sectoral legal norms.

Keywords: ecocide, threats, future generations, hyper-consumption, Anthropocene, intergenerational conflict, constitutional norms, implementation

For citation: Safonov V.N., Savchenko S.N. Legal protection of future generations' interests from ecocide and its threats (based on foreign research and legislative practice) // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 123–130. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-123-130

Введение

Известно общее мнение, что нынешние поколения представляют гораздо большую опасность для будущих поколений, чем любое прошлое поколение представляло для нынешнего. Деятельность человека настолько глубоко и масштабно изменила систему Земли, что ее больше нельзя считать частью текущей геологической эпохи – голоцена, а следует рассматривать как часть того, что все чаще называют антропоценом. Эта угрожающая особенность нынешнего поколения по отношению к будущим обычно приписывается сочетанию беспрецедентного технологического прогресса, бесконечной погоне за экономическим ростом и укоренившейся власти корыстных интересов. Здесь в первую очередь речь идёт о компаниях, занимающихся полезными ископаемыми и другими технологиями, когда добыча ресурсов, расширение рынка, гиперпотребление и вред для экологии являются нормой.

Результаты исследования и их обсуждение

В обобщенном виде в современной зарубежной доктрине принято разделение ущерба от экоцида на три основные части: экологический ущерб; непреднамеренный ущерб сельскому хозяйству; прямой ущерб людям. Поскольку нынешние действия (производство, военные действия и пр.) определяют экономический и экологический потенциал, который унаследуют будущие поколения, они могут носить необратимый характер. Долгосрочные риски представляют собой беспрецедентную угрозу для межпоколенческой преемственности и справедливости в различных ее интерпретациях. Среди угроз – новые технологии, как это воплощено в искусственном интеллекте, экологический коллапс, снижение биоразнообразия, вызванное, помимо прочего, изменением климата. Последнее все чаще сталкивается с дилеммами, обычно состоящими из компромиссов между максимизацией социального благосостояния в настоящем и заботой о будущем [1].

Однако из-за преобладающей ориентации на настоящее в современных способах управления будущие поколения практически не участвуют в решениях, которые их затрагивают. Еще в 1987 г. в докладе Комиссии ООН «Наше общее будущее», также известном как доклад Брундтланд, отмечалось, что «будущие поколения не голосуют; у них нет политической или финансовой власти; они не могут оспорить наши решения» [2]. Неудивительно, что, будучи политически бесправными и не включенными в число соответствующих «заинтересованных сторон», с которыми регулярно консультируются правительства, будущие поколения не могут обеспечить свои интересы в общественном договоре. Традиционные методы экономической оценки и анализа политики также дискриминируют интересы будущих поколений.

В результате их интересы остаются без внимания в управлении, будь то на местном, национальном или международном уровне, которое продолжает отдавать приоритет текущим чистым выгодам в ущерб будущему. Парадоксально, но эти краткосрочные предпочтения проявляются особенно остро в демократических режимах, характеризующихся избирательными возможностями и необходимостью реагировать на непосредственные потребности граждан. Права будущих поколений наиболее уязвимы в ситуациях экологической устойчивости, управления радиоактивными отходами или контроля над численностью населения.

Необходимость защиты интересов тех, кто еще не родился, далеко не нова. Со временем различные правовые нормы признали интересы будущих поколений, создав прецедент для их учета при принятии решений. Сама концепция межпоколенческой справедливости, имеющая истоки как в моральных, так и в религиозных традициях, глубоко укоренилась в истории человеческой цивилизации. Казалось бы, будущие поколения «присутствуют» в конституциях с первых дней конституционализма, но их включение в правовую материю со временем изменилось по распространенности, форме и содержанию. На это также повлияло постепенное признание интереса будущих поколений в международно-правовых документах, начиная с Устава ООН с 1945 г. и заканчивая самой последней Рамочной конвенцией ООН об изменении климата, которая представляет собой основную международную инициативу по изменению климата посредством наиболее ярко выраженного политического признания необходимости сознательной и всесторонней защиты потребностей и интересов будущих поколений.

В 2012 г. по приглашению саммита «Рио+» Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун подготовил доклад «Межпоколенческая солидарность и потребности будущих поколений», который посредством внедрения идеи межпоколенческой справедливости в устойчивое развитие побудил ООН разработать механизмы, направленные на то, чтобы привлечь будущие поколения к переговорам [3]. В результате, если до 1970-х гг. не более пары десятков конституций стран содержали такую ссылку, то сегодня это делают приблизительно 45 % из них [4]. Это внезапное изменение произошло в конце XX в. с принятием новых конституций и растущим экологическим сознанием в обществе.

В настоящее время множество внутренних, а также международных правовых источников признают, что действия нынешних поколений могут поставить под угрозу потребности будущих поколений. В большинстве случаев эти положения относятся к окружающей среде и природным ресурсам, в некоторых других – к биоэтическим правам. В конечном счете, все они рассматривают будущие поколения как неразрывно связанные с устойчивостью, всеобъемлющим принципом, опосредующим экономические и экологические (а в последнее время и климатические) интересы. Это ознаменовало не только количественное, но и качественное изменение в конституционных приоритетах на будущее. Не будучи отправленными в преамбулы среди общих декларативных формулировок, сегодняшние конституционные положения в основном определяют будущие поколения как носителей эколого-правовых интересов будущих поколений.

Официальное юридическое признание необходимости защиты интересов будущих поколений поднимает множество нормативных и практических по своей природе вопросов. Первый из них – кто такие будущие поколения? Ответ неизбежно влечет за собой определение их отношений с нынешним поколением. Другими словами, где они начинаются и где заканчиваются нынешние поколения? Это может быть рассмотрено с различных методологических позиций, включая (но не ограничиваясь) выработку дефиниции будущего поколения, а также территориального критерия (люди, проживающие на данной территории) и темпорального аспекта (определение точки отсчета «будущего»). Темпоральный аспект включает в себя число людей, которое меняется каждую единицу времени и не может быть зафиксировано как таковое. Что касается территориального аспекта, то вопрос заключается в том, следует ли рассматривать как будущие поколения только жителей данной территории или также нерезидентов, тем самым делая эту концепцию экстерриториальной по отношению к данному государству. Тем не менее, установление дефиниции будущих поколений является необходимым условием для операционализации любой концепции и юридического признания таковых в современном процессе разработки экологической политики. Отсюда и попытки формулирования рабочих, зачастую конкурирующих, дефиниций [5].

Как и в случае с интересами нынешних поколений, интересы будущих поколений также нуждаются в необходимости определения. Поскольку будущие поколения не могут выражать свои предпочтения в современной политике, их интересы должны быть определены [6]. Однако любая попытка идентифицировать интересы будущих поколений реализуется с точки зрения нынешнего поколения, что само по себе вызывает серьезные этические вопросы. Также необходимо понимать, что любая процедура, направленная на выявление интересов будущих поколений, столкнется с имманентным конфликтом интересов между нынешним и будущим поколениями (межпоколенческий), а также между интересами внутри этих поколений (внутрипоколенческий конфликт).

Во-вторых, возникает вопрос о том, в какой степени будущие поколения могут полагаться на существующий правовой режим. Это связано с тем, что последствия долгосрочных рисков могут повлиять на целый ряд прав. К ним относятся: право на жизнь и человеческое достоинство, право на собственность, здоровье, частную жизнь, экологическое благополучие и т.д. В связи с этим необходимо выяснить, могут ли поколения, которые еще не существуют, вообще иметь законные права. По мнению некоторых философов, несуществование будущих людей не является основанием для того, чтобы не признавать за ними права. Не последний вопрос – понимание реальности риска для будущих поколений.

Наиболее распространенный подход к интеграции интересов будущих поколений в процесс принятия решений в настоящее время заключается в установлении обязанностей по их учету. Можно выделить два типа обязанностей в зависимости от того, возлагаются ли они на отдельных лиц, общество или на государство. Альтернативный подход к интеграции интересов будущих поколений в процесс принятия решений в настоящее время заключается в предоставлении прав будущим поколениям и в выводе юридических обязательств нынешних поколений по сохранению этих прав. Философской основой такого

подхода является большинство теорий межпоколенческой справедливости. Эти теории предусматривают, по сути, что все поколения (прошлые, настоящие и будущие) имеют равные потребности в использовании природных и культурных ресурсов земли. В результате нет никаких оснований для предпочтения нынешнего поколения будущим поколениям в их использовании планеты [7].

Эта идея уже трансформирована в ряде национальных конституций. Такова ситуация с конституцией Японии (с 1946 г.), Ирана (1979 г.), за которыми последовали конституции Норвегии (1992 г.), Малави (1994 г.) и Южной Африки (вступила в силу в 1997 г.). Последняя особенно очевидно определяет: «Каждый имеет право на охрану окружающей среды в интересах нынешнего и будущих поколений посредством разумных законодательных и иных мер» [8].

Поскольку каждой обязанности в принципе соответствует право, можно утверждать, что обязанность по отношению к будущим поколениям может означать, что они, в свою очередь, пользуются правом. Однако остаются широкие возможности для толкования с точки зрения нормативного содержания прав. Правда заключается в том, что содержательная природа этих многочисленных положений, в конечном счете, может быть определена посредством судебных разбирательств. В любом случае постепенное конституционное повышение статуса прав будущих поколений (из преамбул в основные тексты) делает их потенциально эффективными, то есть позволяющими ссылаться на эти обязанности и/или права в судах.

Именно это произошло в Германии в решении Конституционного суда по делу Klima-Beschluss [9], вероятно, в самом далеко идущем выводе, когда-либо сделанном судом по делу о межпоколенческой справедливости. Ссылка на будущие поколения в Конституции Германии содержится в положении, защищающем окружающую среду, а именно в ст. 20а, которая была введена в 1994 г. После оживленной политической и юридической дискуссии о том, должно ли такое положение закреплять индивидуальное право на здоровую окружающую среду или только как обязанность государства, именно последнее получило политическую поддержку.

После того как ст. 20(а) «Государственная обязанность по отношению к будущим поколениям» безуспешно использовалась в рамках судебных разбирательств по экологическим вопросам для оспаривания, в частности размещения полигонов по утилизации отходов, она внезапно была признана Конституционным судом правовым основанием в первом деле о защите климата. Жалобы были поданы в основном молодыми людьми из Германии, которые говорили о нарушениях права на жизнь и физическую неприкосновенность (п. 2 ст. 2 Основного закона), собственности (ст. 14 Основного закона) и неуказанного основного права на достойное будущее, основанного на ст. 20(а). Суд признал такое положение требующим от государства осуществления защиты климата и влекущим обязательства по декарбонизации экономики на основании Парижского соглашения по климату. Само собой разумеется, что это обязательство тесно связано с защитой будущих поколений [10]. Это судебное решение последовало за знаменитыми решениями Urgenda в Нидерландах (окончательно вынесенными Верховным судом Нидерландов в 2019 г.) [11], которые установили, что правительства могут иметь юридическую обязанность предотвращать опасное изменение климата, а также другие долгосрочные риски, возникающие в перспективе. Этот подход, по существу, был подтвержден рядом других высоких судов, от Непала до Колумбии.

В конечном счете, конституции не только все чаще ссылаются на будущие поколения с течением времени, но и предоставляют им более сильную защиту, как правило, во имя принципа межпоколенческого равенства, вытекающего либо из внутренних, либо из международных источников, либо из обоих. Концептуализация определенных интересов (в данном случае интересов будущих поколений) как прав призвана придать им больший вес [12]. Тем не менее защита этих вновь созданных прав остается в значительной степени недостаточно развитой как с точки зрения доктринальной разработки, так и с точки зрения прецедентного права. И все же, несмотря на все усилия некоторых судов балансировать права нынешнего и будущих поколений и реальность ограниченности ресурсов, интересы будущих поколений

скорее остаются декларативными заявлениями, чем юридически обязательными для исполнения обязательствами. Хотя еще слишком рано оценивать эффективность прав будущих поколений в современном конституционализме, однако на фоне быстро распространяющейся практики разбирательств по климатическим вопросам все большее число юрисдикций без колебаний рассматривает государственные обязанности, а также права будущих поколений как элемент позитивного права. Возникающие судебные процессы против изменения климата основываются на мобилизации прав будущих поколений и предполагают, что признание этих прав может иметь последствия для борьбы с угрозами будущему человечеству. Что касается международного права, то не существует никаких обязательных международных инструментов, предоставляющих будущим поколениям права, подлежащие принудительному исполнению. Межпоколенческая справедливость представлена в качестве руководящего принципа в толковании как международных, так и внутренних правовых норм, лишенного реального правового механизма.

Общество сегодня сталкивается с перспективой множественных, часто переплетающихся, долгосрочных рисков, разрешение которых требует стратегического подхода. На этом фоне существующие сегодня инициативы и подходы к интеграции интересов будущих поколений в процесс разработки политики представляются недостаточно эффективными для того, чтобы привести к значимым изменениям в том, как люди настоящего представляют и создают будущее. Это можно объяснить различными факторами. Они варьируются от разрозненных, маргинальных и, по сути, краткосрочных подходов, до отсутствия убедительной политической воли на многих уровнях.

Для обеспечения включения интересов будущих поколений в современную политику требуется нечто большее, чем их кодификация и операционализация посредством создания институтов и процедурных изменений. Это также требует более широкого, более целостного подхода со стороны всех государственных органов для создания условий для всех заинтересованных сторон, чтобы углубить свое понимание будущего и действовать на основе этого нового осознания.

Заключение

Поскольку все поколения (прошлые, настоящие и будущие) имели и имеют равные потребности в использовании природных и культурных ресурсов земли, принцип равенства может и должен быть распространен на будущие поколения. Усилия не должны ограничиваться формальным признанием существования и значимости интересов (а иногда и прав) будущих поколений. Скорее они должны предполагать принятие активных мер для обеспечения того, чтобы будущие поколения имели те же возможности и доступ к ресурсам, что и нынешние поколения, и чтобы любые неравенства, которые могут существовать, устранялись. Хотя этот подход можно обнаружить в самых последних и разных межпоколенческих судебных процессах, он, однако, ограничивается экологической и климатической сферой. Решение общественных проблем, связанных с взаимодействием поколений, является сложной задачей, поскольку такие проблемы могут угрожать «общепринятым социальным ценностям или системам жизнеобеспечения», но при этом «в разной степени привлекают политическое и/или общественное внимание и рассматриваются властями беспристрастно или недостаточно внимательно» [13].

А пока ищем успокоения в активности таких мыслителей как писатель и философ Роман Кржнарик, который рассказывает о преимуществах и важности долгосрочного мышления, необходимого для выживания человечества: «Мы колонизировали будущее. Мы относимся к будущему как к колониальному посту без единой живой души. К месту, куда мы сбрасываем технологические риски, ядерные отходы и экологическую деградацию и которое мы можем по своему желанию грабить, если нам это нравится» [14].

Таким образом, теоретическая модель прав будущих поколений имеет философские и правовые основы для имплементации их правовыми, в первую очередь, конституционными конструкциями. Более того, имеется и положительный опыт такой имплементации.

Список источников

1. Jacobs A.M. Policy Making for the Long Term in Advanced Democracies // *Annual Review of Political Science*. 2016. Т. 19. P. 447.
2. Padilla E. Intergenerational Equity and Sustainability // *Ecological Economics*. 2002. Т. 41 (1). P. 74.
3. Sixty-eighth session. Intergenerational solidarity and the needs of future generations. Report of the Secretary-General. 5 August 2013. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2006future.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).
4. Araujo Renan and Koessler, Leonie. The Rise of the Constitutional Protection of Future Generations // LPP Working Paper. 2021. № 7. Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3933683> (дата обращения: 18.11.2025).
5. Dobson A. Environment sustainabilities: an analysis and a typology // *Environmental Politics*. 1996. Vol. 5. P. 411.
6. Хара К., Йошиока Р., Курода М. Примирение конфликтов между поколениями с воображаемыми будущими поколениями: свидетельства практики коллективного обсуждения в муниципалитете Японии. 2019. *Sustain Sci* 14. P. 1605–1619.
7. Theories of intergenerational justice: a synopsis. Axel Gosseries. URL: <http://journals.openedition.org/sapiens/165> (дата обращения: 02.09.2025).
8. Конституция Южно-Африканской Республики, 1996 г. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-04-feb-1997> (дата обращения: 28.11.2025).
9. Нойбауэр и другие против Германии Федеральный конституционный суд BvR 2656/18/1. 2021. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.279f4cda-68ea5c82-94027f93-74722d776562/https/www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2021/03/rs20210324_1bvr265618en.html (дата обращения: 18.11.2025).
10. Постановление Первого Сената от 24 марта 2021 г. URL: http://www.bverfg.de/e/rs20210324_1bvr265618en.html (дата обращения: 19.09.2025).
11. Верховный суд Нидерландов. 20 дек. 2019 г. URL: <https://www.urgenda.nl/wp-content/uploads/ENG-Dutch-Supreme-Court-Urgenda-v-Netherlands-20-12-2019.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).
12. Jakab Andras. Sustainability in European Constitutional Law // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper. 2016. № 16 // Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2803304> (дата обращения: 15.11.2025).
13. Arjen Boin, Magnus Ekengren Mark Rhinard Editors Understanding the Creeping Crisis. DOI: 10.1007/978-3-030-70692-0 (дата обращения: 10.10.2025).
14. Кржнарник Р. Хороший предок: как мыслить долгосрочными категориями в краткосрочном мире. Нью-Йорк: Рэндом Хаус, 2020. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=IT2tDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PT11&ots=Bo9fmQr0e5&sig=5OYooofAhSNGu58DhghVrmWAjQOc&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 18.11.2025).

References

1. Jacobs A.M. Policy Making for the Long Term in Advanced Democracies // *Annual Review of Political Science*. 2016. Т. 19. P. 447.
2. Padilla E. Intergenerational Equity and Sustainability // *Ecological Economics*. 2002. Т. 41 (1). P. 74.
3. Sixty-eighth session. Intergenerational solidarity and the needs of future generations. Report of the Secretary-General. 5 August 2013. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2006future.pdf> (data obrashcheniya: 18.11.2025).

4. Araujo Renan and Koessler, Leonie. The Rise of the Constitutional Protection of Future Generations // LPP Working Paper. 2021. № 7. Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3933683> (data obrashcheniya: 18.11.2025).
5. Dobson A. Environment sustainabilities: an analysis and a typology // Environmental Politics. 1996. Vol. 5. P. 411.
6. Hara K., Joshioka R., Kuroda M. Primirenie konfliktov mezhdu pokoleniyami s voobrazhaemymi budushchimi pokoleniyami: svidetel'stva praktiki kollektivnogo obsuzhdeniya v municipalitete Yaponii. 2019. Sustain Sci 14. P. 1605–1619.
7. Theories of intergenerational justice: a synopsis. Axel Gosseries. URL: <http://journals.openedition.org/sapiens/165> (data obrashcheniya: 02.09.2025).
8. Konstituciya Yuzhno-Afrikanskoj Respubliki 1996 goda. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-04-feb-1997> (data obrashcheniya: 28.11.2025).
9. Nojbauer i drugie protiv Germanii Federal'nyj konstitucionnyj sud BvR 2656/18/1. 2021. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.279f4cda-68ea5c82-94027f93-74722d776562/https/www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2021/03/rs20210324_1bvr265618en.html (data obrashcheniya: 18.11.2025).
10. Postanovlenie Pervogo Senata ot 24 marta 2021 g. URL: http://www.bverfg.de/e/rs20210324_1bvr265618en.html (data obrashcheniya: 19.09.2025).
11. Verhovnyj sud Niderlandov. 20 dek. 2019 g. URL: <https://www.urgenda.nl/wp-content/uploads/ENG-Dutch-Supreme-Court-Urgenda-v-Netherlands-20-12-2019.pdf> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
12. Jakab Andras. Sustainability in European Constitutional Law // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper. 2016. № 16 // Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2803304> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
13. Arjen Boin, Magnus Ekengren Mark Rhinard Editors Understanding the Creeping Crisis. DOI: 10.1007/978-3-030-70692-0 (data obrashcheniya: 10.10.2025).
14. Krzhnarik R. Horoshij predok: kak myslit' dolgosrochnymi kategoriyami v kratkosrochnom mire. N'yu-Jork: Rendom Haus, 2020. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=IT2tDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PT11&ots=Bo9fmQr0e5&sig=5OYooFhAhSNGu58DhghVrmWAjQOc&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (data obrashcheniya: 18.11.2025).

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 26.01.2026

Принята к публикации: 23.03.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 26.01.2026

Accepted for publication: 23.03.2026

Информация об авторах:

Сафонов Владимир Николаевич, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, 5), кандидат юридических наук, доцент, e-mail: svn205@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3676-1894>, SPIN-код: 1857-8487

Савченко Светлана Николаевна, главный специалист прокуратуры Выборгского района Санкт-Петербурга (194044, Санкт-Петербург, Лесной пр., д. 20), референт государственной гражданской службы 3 класса, e-mail: svetochka.savchenko.01@mail.ru

Information about the authors:

Safonov Vladimir N., associate professor of the department of criminal law of the Northwestern branch of Russian state university of justice (197046, Saint-Petersburg, Alexandrovsky park, 5), candidate of law, associate professor, e-mail: svn205@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3676-1894>, SPIN: 1857-8487

Savchenko Svetlana N., chief specialist of the prosecutor's office of the Vyborg district of Saint-Petersburg (194044, Saint-Petersburg, Lesnoy ave., 20), referee of the 3rd class of the state civil service, e-mail: svetochka.savchenko.01@mail.ru

Научная статья

УДК 341.225; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-131-137

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОГРЕБЕНИЯ ПУТЁМ ПРИДАНИЯ ТЕЛА ВОДЕ

Тарасов Александр Сергеевич.

**Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург, Россия**

✉ **Зорина Елена Андреевна.**

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

Зорин Александр Романович.

**Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург, Россия**

✉ **zorina_lena@mail.ru**

Аннотация. Предложен к рассмотрению вопрос, касающийся погребения путём придания тела воде. Авторами статьи была проанализирована мировая практика в этой области, рассмотрено действующее национальное и международное законодательство, а также приведены статистические данные по теме исследования. Проведён сравнительный анализ советского законодательства с действующим. Подводя итоги, авторы дают конкретные предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений. Предлагается создание нового подзаконного нормативного правового акта, который смог бы учесть все экологические риски, а также процедурные и этические аспекты, возникающие при реализации погребения путём придания тела воде.

Ключевые слова: погребение, места погребения, погребение путём придания тела воде, правовое регулирование

Для цитирования: Тарасов А.С., Зорина Е.А., Зорин А.Р. К вопросу о правовом регулировании погребения путём придания тела воде // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 131–137. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-131-137

Scientific article

ON THE LEGAL REGULATION OF BURIAL BY DROPPING THE BODY INTO WATER

Tarasov Alexander S.

Saint-Petersburg state maritime technical university, Saint-Petersburg, Russia

✉ **Zorina Elena A.**

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Zorin Alexander R.

Saint-Petersburg state maritime technical university, Saint-Petersburg, Russia

✉ **zorina_lena@mail.ru**

Abstract. The article proposes an issue regarding burial by dropping the body into water. The authors have analyzed global practices in this area, reviewed current national and international legislation and provided statistical data on the subject. In addition, a comparative analysis of Soviet legislation with the current legislation was conducted. In conclusion, the authors offer specific suggestions for the further development of legislation in public relations in this field. It is proposed to create a new subordinate legal act that would take into account all the environmental risks and procedural and ethical aspects that arise when burying a body by immersing it in water.

Keywords: burial, burial sites, burial by dropping the body into water, legal regulation

For citation: Tarasov A.S., Zorina E.A., Zorin A.R. On the legal regulation of burial by dropping the body into water // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 131–137. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-131-137

Смерть является неотъемлемым итогом жизни любого человека. По статистике, за последний год в мире погибло около 49, 5 млн чел. [1]. В России показатель смертности за 2024 г. равен 1 862 626 чел. [2]. Семьи и ближайшие родственники погибших в различных странах вне зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности со всей ответственностью подходят к вопросу организации и проведения похорон.

В Российской Федерации погребение регулируется Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [3] (ФЗ № 8-ФЗ). Данный нормативный правовой акт не содержит перечня основных понятий в этой сфере. Так, видится корректным рассматривать погребение как обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям.

Однако в ст. 3 ФЗ № 8-ФЗ даётся перечень способов/путей погребения, а именно:

1. Путём предания тела (останков) умершего земле (захоронение в могилу, склеп).
2. Путём предания тела (останков) умершего огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом).
3. Путём предания тела (останков) умершего воде.

В рамках данной статьи рассмотрим, как происходит погребение путём придания тела воде. Актуальность затронутой темы в первую очередь связана с экологическими рисками. Разложение тела человека в море достаточно сложный химико-биологический процесс, в ходе которого происходит выделение различных веществ, влияющих на морскую экосистему.

Также существуют этические аспекты, связанные с погребением человеческого тела и его останков в море, такие как вероятность отнесения погребённых в море тел сильными морскими течениями к берегу, необходимость учёта особенностей традиций, отличающихся во многих культурах.

Международное морское право, в частности Конвенция ООН по морскому праву [4], также затрагивает вопросы, связанные с захоронениями в море. Особое внимание уделяется защите морской среды от загрязнения и обеспечению безопасности судоходства. Поэтому, захоронение должно проводиться таким образом, чтобы не нанести вред морской экосистеме и не создать препятствий для судоходства. Обычно требуется получение специального разрешения от компетентных органов, которое выдаётся на основании предоставленных документов и соблюдения установленных требований.

В настоящий момент различные аспекты погребения в целом и похоронного дела рассматриваются в работах учёных различных научных сфер [5, 6], направлений, однако нельзя констатировать наличие достаточного количества научных работ, посвящённых институту погребения человека путём придания его тела воде, в частности именно правовому аспекту. Вместе с тем морскому погребению посвящено значительное количество небольших заметок на сайтах, предоставляющих ритуальные услуги.

При этом история морского погребения России уходит во времена Российской империи, что объясняется наличием у страны выхода к нескольким морям. Отметим, что основные процедурные этапы погребения в море, которые существуют сейчас, совпадают с теми, что были раньше [7].

Такая же тенденция прослеживается в нормативных правовых актах СССР – Кодексе торгового мореплавания Союза ССР [8] и Уставе службы на судах Министерства морского флота Союза ССР [9]. Этот факт можно объяснить тем, что погребение в море являлось обычаем на протяжении веков, который со временем законодатель закрепил в письменной форме.

В современной России данный вид захоронения по большей части ввиду очевидных причин касается военных моряков и осуществляется в порядке, определённом нормативными правовыми актами Российской Федерации (ст. 3 ФЗ № 8-ФЗ). На практике

существует два нормативных правовых акта, регулирующих этот процесс. Первым является Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 511 «Об утверждении Корабельного устава Военно-Морского Флота» [10].

Устав гласит, что погребение тел необходимо проводить на суше. Однако в ряде случаев, когда тело по какой-то причине невозможно сохранить до прибытия на берег, допускается погребение умершего в море. К таковым случаям можно отнести:

- 1) отсутствие физической возможности доставить тело на берег;
- 2) смерть моряка стала следствием инфекции или радиации, что делает сохранение тела опасным для окружающих;
- 3) таковой была последняя воля умирающего, либо его родственников.

Во всех перечисленных выше случаях необходимо получить соответствующий указ, который даёт командующий флотом.

Устав предусматривает церемонию погребения, которая прописана достаточно подробно. С документарной точки зрения, начальником корабельной медицинской службы в двух экземплярах составляется медицинское свидетельство, которое заверяется гербовой печатью. Погребение организуется комиссией во главе с командиром корабля. В неё включают старшего помощника и заместителя командира по военно-политической работе, а также начальника медицинской службы.

После непосредственного проведения похоронной церемонии в вахтенном журнале делается запись о погребении с фиксацией географических координат места погребения. Комиссия в двух экземплярах составляет акт погребения. По возвращении корабля из плавания в отделе ЗАГС при предъявлении медицинского свидетельства о смерти и акта погребения получают гербовое свидетельство о смерти, которое высылается семье покойного.

Сам процесс погребения происходит следующим образом: тело зашивают в парусину, сверху накрывают Государственным флагом Российской Федерации. После его помещают на возвышение на корме. Награды умершего размещают рядом на специальной подставке. В дальнейшем их передают семье.

У тела выставляют почётный караул. После специального сигнала экипаж выстраивается на верхней палубе. Далее играет похоронный марш, и тело опускают за борт. В конце церемонии трижды производится залп холостыми патронами в воздух. Когда раздаётся первый залп, команда начинает исполнять национальный гимн.

Помимо Корабельного устава Военно-Морского Флота вопрос погребения путём придания тела воде освещается в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. (КТМ РФ) [11]. Статья 70 КТМ РФ гласит, что в случае гибели кого-либо на борту, капитан судна обязан уведомить одного из близких родственников умершего и принять меры по сохранению и отправке тела умершего на родину. Однако если такая возможность отсутствует, капитан судна обязан предать тело умершего земле или кремировать его и отправить урну с прахом на родину. В исключительном случае, если судно должно находиться длительное время в открытом море и тело умершего не может быть сохранено, капитан судна имеет право предать тело умершего морю согласно морским обычаям с составлением соответствующего акта.

Капитан судна обязан сделать запись в судовом журнале о смерти на судне. Также он обязан обеспечить составление описи и сохранность находящегося на судне имущества умершего до передачи такого имущества согласно описи капитану первого порта Российской Федерации, в который зайдёт судно.

Отметим, что в СССР вопрос, связанный с морским погребением, больше освещался в Кодексе торгового мореплавания Союза ССР, нежели в Уставе службы на судах Министерства морского флота Союза ССР. В современной России обратная ситуация: погребение путём придания тела воде всецело разобрано в Корабельном уставе Военно-Морского Флота, в то время как в КТМ РФ этому институту уделено меньше внимания.

Рассмотрим опыт погребения в воде в зарубежных странах. Существует ряд стран, где такой метод запрещается. Например, в Нидерландах действует запрет, который аргументируется выделением вредных веществ в морскую среду, которые могут нанести вред живым организмам [12].

В Австралии погребение в воде разрешено, но в случае получения специального разрешения на организацию таких похорон [13].

В США законодательными актами разрешено погребение в воде за пределами территориальных вод. Человеческие останки могут быть захоронены в океанских водах на расстоянии не менее трёх морских миль от берега. Кроме того, необходимо уведомить Агентство по охране окружающей среды о захоронении в море в течение 30 дней после события. Человеческие останки должны быть подготовлены к захоронению в море и захоронены в соответствии с общепринятыми практиками и требованиями, которые могут быть сочтены уместными и желательными Военно-морскими силами США, Береговой охраной США или гражданскими властями, на которые возложена ответственность за организацию таких мероприятий [14]. Обычно церемонию проводит капитан корабля или самолёта либо религиозный представитель (представитель религии покойного или государственной религии). Церемония может включать захоронение в гробу, захоронение в саване, захоронение в урне или развеивание праха с корабля.

В Великобритании рассматриваемый метод погребения легализован. Ежегодно происходит более десятка морских похорон. Существуют специально отведённые места для захоронений в море. Также существует ряд требований для их проведения. Во-первых, гроб не должен содержать в себе пластика, меди и свинца. Во-вторых, семье необходимо представить медицинские справки об отсутствии у покойного инфекционных заболеваний, в том числе СПИДа и гепатита. Более того, запрещается бальзамировать тело, поскольку токсичные вещества негативно влияют на флору и фауну морского дна [15].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что законодательство в сфере морского погребения отличается своим разнообразием в зависимости от страны и сложившийся в ней культуры. Несмотря на это, вопрос, связанный с такими похоронами, остаётся достаточно актуальным, поскольку не каждое морское судно оборудовано специальной морозильной камерой для перевозки умершего до берега. Также на гражданских судах отсутствуют кремационные печи, которые зачастую встречаются на военных судах и подлодках. Подтверждением важности их наличия на флоте является «Международное руководство по судовой медицине», изданное Всемирной организации здравоохранения, где при описании порядка действий при наступлении смерти на борту корабля говорится о том, что труп должен быть помещён в контейнер и размещён в холодильной камере, где он останется до прибытия судна в порт [16].

В современном мире, когда вопросы экологии и индивидуального выбора становятся все более важными, появляются альтернативные подходы к захоронению в море, стремящиеся минимизировать воздействие на окружающую среду и предложить более персонализированные варианты прощания с ушедшими.

Сегодня в некоторых странах мира доступно большее разнообразие видов похорон, в частности, процедура предания тела воде по желанию самого умершего [14, 17, 18]. Возможно, данный вариант прощания с умершим по его собственному у желанию следовало бы предусмотреть и в современном российском законодательстве, безусловно, с разрешения государственных органов и с соблюдением всех необходимых требований, дабы не причинить вреда окружающей среде, судоходству и т.п.

Говоря о российском законодательстве в данной сфере, хотелось бы отметить, что в нем освещены вопросы правового регулирования погребения путём придания тела воде. Присутствует упоминание такого способа погребения в ФЗ № 8-ФЗ, при этом сама процедура детально расписана в Корабельном уставе Военно-Морского Флота. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации также освещает погребение путём придания

тела воде. Однако видится целесообразным формирование единого подзаконного нормативного правового акта, который будет всесторонне регулировать процедуру морского погребения не только для военных моряков, но и для экипажа и пассажиров гражданских судов в случае их непредвиденной гибели в процессе путешествия, граждан согласно их собственной последней воле, а также будет содержать перечень основных понятий в сфере правового регулирования данного вопроса. Таким образом, будет детализироваться один из возможных видов погребения, упомянутых в ФЗ № 8-ФЗ, что, в том числе, позволит выстроить строго лаконичную систему иерархии нормативных правовых актов по вопросам рассматриваемой темы, обеспечивая чёткую правовую регламентацию реализации погребения путём предания тела воде с обязательным учётом также экологических и этических аспектов.

Список источников

1. Global metrics. URL: <https://globalkz.biz/world/metric?ysclid=mhdr19xcgq638468470> (дата обращения: 01.11.2025).
2. Population Deaths in Russian Federation. URL: <https://database.earth/population/russian-federation/deaths> (дата обращения: 01.11.2025).
3. О погребении и похоронном деле: Федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 8-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 146.
4. Конвенция Организации Объединённых наций от 10 декабря 1982 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=203004608&collection=1 (дата обращения: 01.11.2025).
5. Мохов С.В. Роль материально-технической инфраструктуры в институционализации похоронного дела в современной России: дис. ... канд. социол. наук. М., 2019. 158 с.
6. Семенец К.О. Специфика похоронного дела в России // Молодой учёный. 2016. № 11 (115). С. 1587–1590.
7. Похороны на военном корабле. URL: <https://ritual.msk.ru/stati/pokhorony-na-voennom-korable/> (дата обращения: 01.11.2025).
8. Кодекс торгового мореплавания Союза ССР (утв. Указом Президиума ВС СССР от 17 сент. 1968 г.) (в ред. от 2 дек. 1987 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об утверждении Устава службы на судах Министерства морского флота Союза ССР: приказ Минморфлота СССР от 9 янв. 1976 г. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об утверждении Корабельного устава Военно-Морского Флота: Указ Президента Рос. Федерации от 31 июля 2022 г. № 511. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апр. 1999 г. № 81-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 18. Ст. 2207.
12. Фёдоров П.В. Захоронение в воду. URL: <https://spbgorritual.ru/religiya-i-traditsii/zakhoroneniye-v-vodu/?ysclid=mh3f21apq9661350786> (дата обращения: 01.11.2025).
13. Can you be buried at sea in Australia? URL: <https://www.calendar-australia.com/faq/can-you-be-buried-at-sea-in-australia> (дата обращения: 01.11.2025).
14. Burial at sea. URL: <https://www.epa.gov/marine-protection-permitting/burial-sea#feespayable> (дата обращения: 01.11.2025).
15. Погребение в морской пучине. URL: <https://www.mos-ritual.ru/informatsiya/stati/pogrebeniye-v-morskoy-puchine?ysclid=mh3ewuy5x1935111293> (дата обращения: 01.11.2025).
16. Международное руководство по судовой медицине // Всемирная организация здравоохранения. 3-е изд. 2014. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241546690> (дата обращения: 01.11.2025).

17. Are you allowed to be buried at sea? URL: <https://www.calendar-uk.co.uk/frequently-asked-questions/are-you-allowed-to-be-buried-at-sea> (дата обращения: 01.11.2025).

18. URL: <https://www.calendar-canada.ca/frequently-asked-questions/how-are-people-buried-at-sea> (дата обращения: 01.11.2025).

References

1. Global metrics. URL: <https://globalkz.biz/world/metric?ysclid=mhdr19xcgq638468470> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

2. Population Deaths in Russian Federation. URL: <https://database.earth/population/russian-federation/deaths> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

3. O pogrebenii i pohoronnom dele: Feder. zakon ot 12 yanv. 1996 g. № 8-FZ // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*. 1996. № 3. St. 146.

4. Konvenciya Organizacii Ob"edinennyh nacij ot 10 dekabrya 1982 g. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=203004608&collection=1 (data obrashcheniya: 01.11.2025).

5. Mohov S.V. Rol' material'no-tekhnicheskoy infrastruktury v institucionalizacii pohoronno delo v sovremennoj Rossii: dis. ... kand. sociol. nauk. M., 2019. 158 s.

6. Semenec K.O. Specifika pohoronno delo v Rossii // *Molodoj uchyonyj*. 2016. № 11 (115). S. 1587–1590.

7. Pohorony na voennom korable. URL: <https://ritual.msk.ru/stati/pokhorony-na-voennom-korable/> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

8. Kodeks torgovogo moreplavaniya Soyuza SSR (utv. Ukazom Prezidiuma VS SSSR ot 17 sent. 1968 g.) (v red. ot 2 dek. 1987 g.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

9. Ob utverzhdenii Ustava sluzhby na sudah Ministerstva morskogo flota Soyuza SSR: prikaz Minmorflota SSSR ot 9 yanv. 1976 g. № 6. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

10. Ob utverzhdenii Korabel'nogo ustava Voennno-Morskogo Flota: Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 31 iyulya 2022 g. № 511. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

11. Kodeks torgovogo moreplavaniya Rossijskoj Federacii ot 30 apr. 1999 g. № 81-FZ // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*. 1999. № 18. St. 2207.

12. Fyodorov P.V. Zahoronenie v vodu. URL: <https://spbgorritual.ru/religiya-i-traditsii/zahoronenie-v-vodu/?ysclid=mh3f21apq9661350786> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

13. Can you be buried at sea in Australia? URL: <https://www.calendar-australia.com/faq/can-you-be-buried-at-sea-in-australia> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

14. Burial at sea. URL: <https://www.epa.gov/marine-protection-permitting/burial-sea#feespayable> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

15. Pogrebenie v morskoy puchine. URL: <https://www.mos-ritual.ru/informatsiya/stati/pogrebenie-v-morskoy-puchine?ysclid=mh3ewuy5xl935111293> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

16. Mezhdunarodnoe rukovodstvo po sudovoj medicine // *Vsemirnaya organizaciya zdravoohraneniya*. 3-e izd. 2014. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241546690> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

17. Are you allowed to be buried at sea? URL: <https://www.calendar-uk.co.uk/frequently-asked-questions/are-you-allowed-to-be-buried-at-sea> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

18. URL: <https://www.calendar-canada.ca/frequently-asked-questions/how-are-people-buried-at-sea> (data obrashcheniya: 01.11.2025).

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 12.11.2025

Принята к публикации: 25.12.2025

The information about article:

Article was received by the editorial office: 12.11.2025

Accepted for publication: 25.12.2025

Информация об авторах:

Тарасов Александр Сергеевич, начальник кафедры международного морского права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (190121, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., д. 3), кандидат исторических наук, доцент, SPIN-код: 4898-4126

Зорина Елена Андреевна, начальник кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат юридических наук, доцент, e-mail: zorina_lena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4552-0256>, SPIN-код: 1223-7730

Зорин Александр Романович, студент магистратуры кафедры международного морского права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (190121, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., д. 3), e-mail: sasha4111906@gmail.com

Information about the authors:

Tarasov Alexander S., head of the department of international maritime law of Saint-Petersburg state maritime technical university (190121, Saint-Petersburg, Lotsmanskaya str., 3), candidate of historical sciences, associate professor, SPIN: 4898-4126

Zorina Elena A., head of the department of criminal law and procedure of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of law, associate professor, e-mail: zorina_lena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4552-0256>, SPIN: 1223-7730

Zorin Alexander R., master's degree student of the department of international maritime law of Saint-Petersburg state maritime technical university (190121, Saint-Petersburg, Lotsmanskaya str., 3), e-mail: sasha4111906@gmail.com

Научная статья

УДК 343.9; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-138-146

**КРИМИНОГЕННОСТЬ БЕСКОНТАКТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА**

✉Фролова Светлана Маратовна.

**Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия**✉F_sm@bk.ru

Аннотация. В современных условиях активного внедрения различных передовых цифровых технологий в информационную компьютерную среду глобальное виртуальное пространство предоставляет экстремистским организациям, террористическим сообществам возможности использования мультимедийных ресурсов через массовое использование социальных сетей, электронные почтовые сервисы, сайты с видеоматериалами негативного содержания, заметками и фотографическими изображениями запрещенного контента в преступных целях посредством анонимного и бесконтактного использования кибернетических средств, что затрудняет установление личности распространителя экстремистских и (или) террористических материалов для привлечения к ответственности, предусмотренной действующим уголовным законодательством. Такие преступные деяния, совершенные экстремистами, действующими анонимно с распространением неограниченному кругу лиц запрещенных сведений через информационные ресурсы, дестабилизируют действительную обстановку в России, сложившиеся международные отношения.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, киберэкстремизм, кибертерроризм, бесконтактная преступность, цифровизация, преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, международное сотрудничество, противодействие преступлениям на международном уровне

Для цитирования: Фролова С.М. Криминогенность бесконтактной преступности в контексте проявлений терроризма и экстремизма // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 138–146. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-138-146

Scientific article

**CRIMINOGENICITY OF CONTACTLESS CRIME IN THE CONTEXT
OF TERRORISM AND EXTREMISM**

✉Frolova Svetlana M.

**Saint-Petersburg academy of the Investigative committee of the Russian Federation,
Saint-Petersburg, Russia**✉F_sm@bk.ru

Abstract. In modern conditions of the active introduction of various advanced digital technologies into the information computer environment, the global virtual space provides extremist organizations and terrorist communities with opportunities to use multimedia resources through the massive use of social networks, electronic mail, websites with negative video materials, notes and photographic images of prohibited content for criminal purposes through anonymous and contactless use of cybernetic means. This makes it difficult to identify the distributor of extremist /or terrorist materials in order to bring them to justice in accordance with the current criminal legislation. Such criminal acts committed by extremists, acting anonymously and distributing prohibited information to an unlimited number of people through information resources, destabilize the actual situation in Russia and the established international relations.

Keywords: terrorism, extremism, cyber-extremism, cyber-terrorism, contactless crime, digitalization, crimes committed using information and telecommunication technologies, international cooperation, countering crimes at the international level

For citation: Frolova S.M. Criminogenicity of contactless crime in the context of terrorism and extremism // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 138–146. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-138-146

Введение

Экстремизм как одна из современных угроз национальной безопасности государства представляет собой дестабилизацию существующего положения вещей в реальной действительности, осуществляемую членами экстремистских сообществ с целью установления своего «правильного», по их умозаключению, положения.

Современные формы преступных деяний, угрожающие дестабилизацией общественно-политической обстановки, оказывают негативное психологическое воздействие на несовершеннолетних и молодежь. Многообразие форм экстремистских проявлений как оснований распространения различных вариантов деструктивных течений на просторах цифровой глобальной сети «Интернет» указывают правоохранным органам и законодателю на необходимость не только срочного оперативного реагирования, но и усиления межгосударственного взаимодействия и координации, направленных на решение критически важных государственных и международных задач.

Результаты исследования

Высшими должностными лицами руководства России неоднократно отмечалось использование террористами и экстремистами на международном уровне возможностей цифровой среды в противоправных преступных целях, приведших к распространению практики «создания хакерами международных группировок на территориях различных континентов» [1], «дестабилизации работы институтов финансовой системы страны» [2], «создание нового гибридного пространства для противоправной деятельности» [3].

Четко отслеживается рост преступлений террористического характера и экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на территории Российской Федерации.

Так, только в 2024 г. удельный вес преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием передовых компьютерных технологий, составил 26 % от числа всех зарегистрированных преступлений террористической направленности.

Удельный же вес преступлений террористического характера, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в тот же год составил 24,17 % от числа всех зарегистрированных преступлений указанной направленности.

Согласно официальной статистической информации ГИАЦ МВД России только за 10 месяцев 2025 г. на территории Российской Федерации наблюдается рост числа преступных деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной технологии, предусмотренных как ст. 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма), так и ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), на 56,5 % и 69,5 % соответственно.

Преступники широко используют новые методики психологического давления на граждан, в том числе несовершеннолетних, и специальные манипулятивные техники для вовлечения новых членов в экстремистские и террористические организации на всех этапах и для осуществления финансирования их глубоко законспирированной деятельности посредством осуществления гражданами денежных переводов, использования новых технологий, включая криптовалюты, в незаконных преступных и террористических целях в довольно сжатые сроки.

В последнее время в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц совершаются недружественные противоправные деяния с территории иностранных государств и территорий, отмеченных в распоряжении Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия» [4].

В юридической литературе все чаще стали описываться факты, связанные с распространением недостоверной, ложной информации относительно использования Вооруженными Силами Российской Федерации возложенных на них полномочий во время проведения военной специальной операции с использованием компьютерной информационной сети.

Так, в марте 2022 г. в следственном управлении Следственного комитета по Томской обл. по результатам рассмотрения материалов регионального управления ФСБ России возбуждено сразу два уголовных дела по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ по факту размещения в одной из социальных сетей заведомо ложной информации под видом достоверных сведений про военные действия Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе специальной военной операции [5].

Другой пример: в мае 2023 г. с помощью собранных Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации (ГСУ СК РФ) доказательств гражданина Колумбии Хиральдо Сарая признали виновным в совершении преступных деяний, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, совместно с иными иностранцами в составе организованной группы, получавшей денежное вознаграждение от иностранного государства за техническую подготовку и скрытное размещение в одном из торговых центров Москвы мобильных устройств, через которые путем удаленного подключения посредством сети «Интернет», производилась массовая рассылка текстовых сообщений, адресованных абонентам российских операторов сотовой связи (всего распространено более 7 тыс. сообщений), с ложной информацией об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в ходе специальной военной операции. Приговором суда подсудимый осужден к 5 г. 2 мес. лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима [6].

Еще пример: в июле 2024 г. Басманный районный суд Москвы заочно вынес приговор по уголовному делу в отношении Марка Фейгина, признанного виновным по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, который, находясь на территории иностранного государства, распространил заведомо ложную информацию, содержащую данные о совершении военными Российской Федерации убийств мирных жителей в г. Буча Киевской обл., а также уничтожении объектов гражданской инфраструктуры в ходе проведения специальной военной операции, посредством размещения видеозаписи в запрещенном видеохостинге. Министерством юстиции Российской Федерации в апреле 2022 г. Фейгин признан иностранным агентом. В связи с тем, что он скрылся от следствия, был объявлен в международный розыск. Басманный районный суд Москвы заочно избрал ему меру пресечения в виде заключения под стражу [7].

Все указанные преступные деяния, безусловно, являются формами деструктивного противоправного поведения со стороны лиц, действующих анонимно с территории иностранных государств, оказывающего негативное воздействие на неограниченный круг лиц, подрывая ценностные ориентиры как несовершеннолетних и молодежи, так и оказывая отрицательное влияние на психологическое состояние лиц старшего поколения, не имея при этом никаких моральных и нравственных препятствий.

В «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124, являющейся документом стратегического планирования, определяются приоритетные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед российским государством вызовов и угроз, и указано, что экстремизм во всех его

проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, основных прав и свобод человека и гражданина, территориальной целостности и основ конституционного строя Российской Федерации, а также межнациональному (межэтническому) единству, культурному развитию, политической и социальной стабильности.

24 октября 2024 г. в г. Казани завершился XVI саммит БРИКС, на котором присутствовали делегации из 35 государств (Российской Федерации, Бразилии, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии, Индонезии, а также из Азербайджана, Армении, Беларуси, Боливии, Вьетнама, Казахстана, Конго, Малайзии, Турции и др.) и 6 международных организаций, в том числе Организации Объединенных Наций (ООН) и Содружества Независимых Государств. Указанный международный форум был посвящен укреплению многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности.

Итоговым правовым документом данного международного форума стала Казанская декларация саммита БРИКС-2024, содержащая 134 пункта и разделенная на четыре блока: укрепление многосторонности, глобальная и региональная безопасность, финансово-экономическое сотрудничество и гуманитарный обмен. Члены БРИКС призвали международное сообщество «к поиску коллективных ответов на глобальные и региональные вызовы и угрозы безопасности, включая терроризм» [8], осудили терроризм как общую угрозу во всех его существующих формах и проявлениях, требующую комплексного и сбалансированного подхода на мировом и региональном уровнях с безусловным учетом национальных приоритетов государств.

Безусловно, любой террористический акт, противоправные деяния экстремистского характера преступны и не могут иметь никакого оправдания.

Члены БРИКС призвали к скорейшей доработке и принятию в рамках ООН всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом, а также к согласованным действиям по борьбе с террористами и террористическими организациями, признанными таковыми ООН. Члены БРИКС также призвали к созданию условий для безопасного развития молодого поколения и снижения риска его вовлечения в незаконную деятельность, а также к разработке соответствующих международных проектов с участием молодежи для противодействия транснациональной организованной преступности.

Кроме того, 30 декабря 2024 г. Правительством Российской Федерации утверждена государственная концепция противодействия противоправным деяниям, совершенным с использованием информационно-коммуникационным технологий [9].

Как итог длительной реализации мер противодействия, 25 октября 2025 г. в столице Вьетнама г. Ханое состоялась церемония подписания Конвенции ООН против киберпреступности – первого юридически обязывающего соглашения в области информационной безопасности на международном уровне, разработанного еще в 2020 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации при координирующей роли Министерства иностранных дел России, целью которого является укрепление существующего сотрудничества международных правоохранительных органов по предупреждению и противодействию использованию информационно-телекоммуникационных технологий в противоправных преступных целях. Среди стран, одобивших указанный исторический документ, помимо России: Вьетнам, Азербайджан, Республика Беларусь, Бельгия, Бразилия, Китай, Чехия, Греция, Куба, КНДР, Ирландия, Египет, Иран, Малайзия, Нигерия, Польша, Португалия, Словакия, ЮАР, Испания, Швеция, Турция, Великобритания, Узбекистан, Венесуэла и др. Против выступили 60 государств, в их числе США, Канада, Украина и ряд стран Евросоюза [10].

«Это без преувеличения историческое событие стало возможным благодаря поддержке большинством стран мира выдвинутой Россией в 2019 г. инициативы по разработке универсального международного договора о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Важно, что, несмотря на непростую международную обстановку, дипломаты и представители правоохранительных органов государств – членов ООН смогли объединить усилия, чтобы подготовить и согласовать проект этого важнейшего документа» [11].

Экстремизм и терроризм являются разновидностями агрессивного поведения, преследующего цели насильственного или иного противоправного нарушения целостности Российской Федерации и подрыв безопасности государства, как основное средство разрешения политических, национальных, расовых и социальных конфликтов.

Совершаемые руководителями властных структур иностранного государства бесконтактные преступления имеют идеологическую основу – экстремистскую и террористическую направленность против интересов Российской Федерации и ее граждан. Зачастую они основаны на осуществлении политической деятельности на идеях радикализма, геноцида и других формах экстремизма и терроризма и совершаются по мотивам политической, идеологической ненависти и вражды.

Бесконтактное преступление можно рассматривать как международное, в случае его совершения властным органом иностранного государства против безопасности и национального суверенитета Российской Федерации и ее граждан, а также совершения его на территории одного государства, при том, что существенная и основная часть преступной деятельности спланирована на территории иностранного недружественного Российской Федерации государства. Бесконтактное преступление, совершенное с применением передовых возможностей генеративной нейросети, искусственного интеллекта и глобальной цифровой сети, в силу ст. 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [12], которую Российская Федерация ратифицировала Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ [13], отнесено к транснациональным противоправным деяниям, запрещенным под угрозой наказания.

СК РФ неоднократно возбуждал уголовные дела по таким фактам.

Так, в октябре 2025 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ о финансировании вооруженных сил Украины и террористической организации путем перевода гражданином за период с января 2023 г. по март 2024 г. денежных средств в размере более 60 тыс. руб. в криптовалюте на счет журналиста Б., признанного иноагентом в Российской Федерации и включенного в реестр экстремистов и террористов, с целью финансирования вооруженных сил и террористической организации указанного недружественного государства [14].

Еще пример: 23 октября 2025 г. следственным отделом по Фрунзенскому району ГСУ СК РФ по Санкт-Петербургу возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ в отношении женщины, которая днем ранее, прибыв к зданию полка охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых и по указанию телефонных мошенников и передав им денежные средства, кинула на территорию учреждения две емкости с зажигательной смесью. Свой преступный умысел довести до конца ей не удалось по причине пресечения сотрудниками полка охраны.

В настоящее время в Российской Федерации существует система «Антифрод» (от англ. anti-fraud system) как единая национальная платформа программного комплекса, созданная Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, направленная на борьбу с мошенническими действиями посредством оценки финансовых транзакций на предмет их подозрительности, недобросовестной активности и поведенческого анализа с точки зрения противоправных деяний, и призванная пресекать мошеннические действия, осуществляемые при помощи современных информационно-телекоммуникационных технологий, которую активно использует в своей деятельности недавно созданное самостоятельное структурное подразделение центрального аппарата МВД России – Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России (УБК МВД России), сменившее ранее существовавшее до 1 февраля 2023 г. Управление «К» МВД России.

При помощи встроенных заложенных программным обеспечением алгоритмов (машинное обучение, биометрическая аутентификация личности-пользователя, анализ цифровых остатков следов и др.) данная постоянно настраиваемая и обновляемая система,

анализируя точное географическое местоположение устройства пользователя при помощи технологии GPS Интернета с использованием IP-адреса устройства, просматривает историю совершенных переводов, операций и транзакций путем сравнения производимых текущих действий с его историческим поведением и оценивает обнаруженные отклонения как подозрительные факты и, как следствие, возможные мошеннические действия для их блокировки.

В зарубежных странах также существуют свои цифровые платформы для предотвращения мошеннических транзакционных операций, противозаконных финансовых операций: SAS Fraud and Security Intelligence (SAS FSI), которая используется в Северной Америке (США, Канада, Мексика), Европе (Германия, Великобритания, Франция), Азии (Китай, Корея, Япония, Индия), Ближнем Востоке и Африке; общеаналитическая платформа Digital Banking Fraud Detection от компании Guardian Analytics (применяется в США, Канаде, Германии, Великобритании, Франции, Италии и других странах Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока и Африки, в Южной Америке преимущественно в банковской и финансовой отрасли) и др.

Безусловно, в современных условиях, характеризующихся активным внедрением возможностей генеративной нейросети в повсеместные сферы жизнедеятельности, важно введение обязательного обучения сотрудников правоохранительных органов и федеральных служащих основам искусственного интеллекта, как это имеет место в некоторых зарубежных странах.

Так, Сингапур объявил о введении обязательного курса по основам искусственного интеллекта для всех федеральных служащих с целью обеспечения эффективного внедрения возможностей искусственного интеллекта в государственные услуги и около трети из 150 000 госслужащих используют информационно-технические ресурсы [15].

В 2025 г. в Абу-Даби запустили Цифровую стратегию Правительства, предполагающую создание полностью Цифрового Правительства с возможностями управляемого искусственного интеллекта до 2027 г., ответственным за реализацию которого назначен Департамент правительственной поддержки, предусматривающую обучение граждан работе с генеративными нейросетями, что будет способствовать формированию устойчивой цифровой трансформации и повышению статуса на международной арене [14].

Заключение

В заключение отметим, что в научной литературе, несмотря на появление таких терминов, обладающих общественной опасностью, как «киберэкстремизм», «кибертерроризм», в настоящее время их законодательная регламентация отсутствует. В этой связи необходимо совершенствовать правовую базу, в том числе на международном уровне, позволяющую осуществлять эффективное многостороннее международное сотрудничество в сфере противодействия такого рода преступным деяниям с учетом комплексного уголовно-правового и криминологического осмысления появляющихся форм деструктивного поведения экстремистской направленности и (или) террористического характера.

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что глобальная сеть «Интернет» с ее многочисленными генеративными возможностями искусственного интеллекта, включающими в себя передовые поисковые и рекомендательные системы, генеральные и творческие инструменты, стала мощным инструментом в руках деструктивных сил и сообществ для осуществления ими преступных замыслов, вербовки, организации и управления своей деятельностью, которые постоянно совершенствуют и сами способы совершения деяний экстремистской направленности и террористического характера. В этой связи только мерами комплексного характера, направленными на противодействие преступлениям экстремистского характера и террористической направленности и реализуемыми странами в рамках международного сотрудничества, способны оказать эффективное влияние на снижение указанной преступности в целом.

Список источников

1. О формировании международных механизмов по борьбе с киберпреступностью и обеспечения стабильности в информационной сфере: выступление заместителя Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведева. URL: <https://www.scrf.gov.ru/new/allnews/3191/> (дата обращения: 20.09.2025).
2. Бастрыкин А.И. Выявление и расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Российской правовой Академии Министерства Юстиции Российской Федерации. 2022. № 4. С. 89.
3. Гуцан выступил с докладом на 35-м заседании КСГП. URL: <https://360.ru/news/mir/gutsan-vystupil-s-dokladom-na-35-m-zasedanii-ksgp/?ysclid=mh4q694vi7866849348> (дата обращения: 24.10.2025).
4. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 11. Ст. 1748.
5. Двое жителей Томской области попали под суд за ложь о военной операции в Украине. URL: <https://tomsk.mk.ru/social/2022/03/17/dvoe-zhiteley-tomskoy-oblasti-popali-pod-sud-za-lozh-o-voennoy-operacii-v-ukraine.html?ysclid=mh3bgk0deg503986692> (дата обращения: 02.09.2025).
6. В Москве вынесен приговор по уголовному делу о распространении ложной информации о проведении специальной военной операции. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1792708/> (дата обращения: 03.04.2025).
7. Суд заочно вынес приговор по уголовному делу о распространении заведомо ложной информации о Вооруженных Силах Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e469164/> (дата обращения: 10.08.2025).
8. URL: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 22.10.2025).
9. Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 дек 2024 г. № 4154-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 2. Ст. 76.
10. Исторический документ: более 70 стран подписали разработанную РФ Конвенцию ООН против киберпреступности. В чем ее суть. URL: <https://rg.ru/2025/10/26/odnim-mirom.html?ysclid=mh8u5xhrqz595162675> (дата обращения: 26.10.2025).
11. Александр Гуцан принял участие в церемонии подписания Конвенции ООН против киберпреступности URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e6334190/> (дата обращения: 27.10.2025).
12. Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 нояб. 2000 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 40. Ст. 3882.
13. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее: Федер. закон от 26 апр. 2004 г. № 26-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 18. Ст. 168.
14. СК возбудил дело о финансировании криптовалютной террористической организации. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20251013/311233967.html?ysclid=mgz8cufwcl569939953 (дата обращения: 20.10.2025).
15. Singapore to launch mandatory AI literacy course for public servants. URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/ai-artificial-intelligence-dpm-gan-kim-yong-5357851> (дата обращения: 25.10.2025).

16. The UAE Digital Government Strategy 2025. URL: <https://www.damacproperties.com/ru/blog/abu-dhabi-is-the-worlds-first-fully-ai-native-government-by-2027-2378/> (дата обращения: 20.10.2025).

References

1. O formirovaniy mezhhdunarodnyh mekhanizmov po bor'be s kiberprestupnost'yu i obespecheniya stabil'nosti v informacionnoj sfere: vystuplenie zamestitelya Predsedatelya Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii D.A. Medvedeva. URL: <https://www.scrf.gov.ru/new/allnews/3191/> (data obrashcheniya: 20.09.2025).
2. Bastrykin A.I. Vyyavlenie i rassledovanie prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Vestnik Rossijskoj pravovoj Akademii Ministerstva Yusticii Rossijskoj Federacii. 2022. № 4. S. 89.
3. Gucan vystupil s докладом на 35-m zasedanii KSGP. URL: <https://360.ru/news/mir/gutsan-vystupil-s-dokladom-na-35-m-zasedanii-ksgp/?ysclid=mh4q694vi7866849348> (data obrashcheniya: 24.10.2025).
4. Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 28 dekabrya 2024 g. № 1124 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2022. № 11. St. 1748.
5. Dvoe zhitelej Tomskoj oblasti popali pod sud za lozh' o voennoj operacii v Ukraine. URL: <https://tomsk.mk.ru/social/2022/03/17/dvoe-zhiteley-tomskoy-oblasti-popali-pod-sud-za-lozh-o-voennoj-operacii-v-ukraine.html?ysclid=mh3bgk0deg503986692> (data obrashcheniya: 02.09.2025).
6. V Moskve vnesen prigovor po ugolovnomu delu o rasprostranении lozhnoj informacii o provedenii special'noj voennoj operacii. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1792708/> (data obrashcheniya: 03.04.2025).
7. Sud zaochno vynes prigovor po ugolovnomu delu o rasprostranении zavedomo lozhnoj informacii o Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e469164/> (data obrashcheniya: 10.08.2025).
8. URL: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (data obrashcheniya: 22.10.2025).
9. Ob utverzhdenii Konceptii gosudarstvennoj sistemy protivodejstviya protivopravnym deyaniam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij: rasporyazhenie Pravitel'stva Rosr Federacii ot 30 dek 2024 g. № 4154-r // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2025. № 2. St. 76.
10. Istoricheskij dokument: bolee 70 stran podpisali razrabotannuyu RF Konvenciyu OON protiv kiberprestupnosti. V chem ee sut'. URL: <https://rg.ru/2025/10/26/odnim-mirom.html?ysclid=mh8u5xhqrz595162675> (data obrashcheniya: 26.10.2025).
11. Aleksandr Gucan prinyal uchastie v ceremonii podpisaniya Konvencii OON protiv kiberprestupnosti URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e6334190/> (data obrashcheniya: 27.10.2025).
12. Konvencii Organizacii Ob"edinennyh Nacij protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti ot 15 noyab. 2000 g. // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2004. № 40. St. 3882.
13. O ratifikacii Konvencii Organizacii Ob"edinennyh Nacij protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti i dopolnyayushchih ee Protokola protiv nezakonnogo vvoza migrantov po sushe, moryu i vozduhu i Protokola o preduprezhdenii i presechenii torgovli lyud'mi, osobenno zhenshchinami i det'mi, i nakazanii za nee: Feder. zakon ot 26 apr. 2004 g. № 26-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2004. № 18. St. 168.
14. SK vzbudil delo o finansirovanii kriptovalyutoj terroristicheskoy organizacii. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20251013/311233967.html?ysclid=mgz8cufwcl569939953 (data obrashcheniya: 20.10.2025).

15. Singapore to launch mandatory AI literacy course for public servants. URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/ai-artificial-intelligence-dpm-gan-kim-yong-5357851> (data obrashcheniya: 25.10.2025).

16. The UAE Digital Government Strategy 2025. URL: <https://www.damacproperties.com/ru/blog/abu-dhabi-is-the-worlds-first-fully-ai-native-government-by-2027-2378/> (data obrashcheniya: 20.10.2025).

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 31.10.2025

Принята к публикации: 18.12.2025

The information about article:

Article was received by the editorial office: 31.10.2025

Accepted for publication: 18.12.2025

Информация об авторах:

Фролова Светлана Маратовна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 96), кандидат юридических наук, e-mail: F_sm@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8540-8498>, SPIN-код: 9575-5800

Information about the authors:

Frolova Svetlana M., associate professor of the department of civil law disciplines at the faculty of investigative training of Saint-Petersburg academy of the Investigative committee of the Russian Federation (190000, Saint-Petersburg, Moika riv. emb., 96), candidate of law, e-mail: F_sm@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8540-8498>, SPIN: 9575-5800

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ПРАВО. БЕЗОПАСНОСТЬ. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ»

К публикации принимаются оригинальные исследовательские и обзорные аналитические статьи, отвечающие профилю журнала, представляющие результаты завершеного научного исследования, выполненного на актуальную тему, обладающие научной новизной, имеющие практическое значение и теоретическое обоснование, оформленные в соответствии с требованиями.

Статья не должна быть ранее опубликованной и не поданной для рассмотрения в другие журналы. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Статьи **обучающихся магистратуры, курсантов и студентов** принимаются **только в соавторстве с научным руководителем**.

1. Материалы для публикации представляются в редакцию журнала лично или на электронную почту: pravobchs@igps.ru. Материал должен сопровождаться:

а) статья аспиранта (адъюнкта) или соискателя *отзывом научного руководителя*.

б) *электронной версией* статьи, представленной в формате редактора Microsoft Word (версия не ниже 2003). Название файла должно быть следующим:

Автор1, Автор2 – Первые три слова названия статьи.doc, например: **Иванов – Анализ существующей практики.doc**;

в) *плата* с адъюнктов и аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Статьи рецензируются в обязательном порядке членами редакционной коллегии журнала. Основная цель рецензирования – предоставить редакции аргументированную информацию для принятия решения об опубликовании материала.

2. Статьи, включая рисунки и подписи к ним, список литературы, должны иметь **объем от 8 до 15 страниц**. По согласованию с руководством журнала статьи могут быть приняты и большего объема.

3. Текст статьи должен быть обязательно структурирован по разделам:

Введение

В разделе «Введение» проводится анализ состояния исследуемой проблемы по публикациям отечественных и зарубежных источников, на основании которого обосновывается актуальность исследования, формулируются цель и задачи исследования.

Методы исследования

В разделе описываются применяемые в работе методы исследования, приводятся сведения об объектах исследования, измерительном оборудовании, описываются условия экспериментов и т.д. Возможно указание ссылок на работы с более подробным изложением методов, однако приводимого описания должно быть достаточно для понимания хода исследования.

При использовании стандартных (или известных) методов и процедур лучше сделать ссылки на соответствующие источники, не забывая описать модификации стандартных методов, если таковые имелись. Если же используется собственный новый метод, описание которого нигде ранее не было опубликовано, важно привести все необходимые детали. Если ранее описание метода было опубликовано в известном журнале, можно ограничиться ссылкой.

Допускается и иное название раздела, обусловленное спецификой исследования и подготовленной на его основе статьи, например «Материалы и методы исследования», «Модели и методы исследования», «Теоретические основы и методы расчета».

Результаты исследования и их обсуждение

В разделе в логической последовательности излагаются результаты исследования, которые подтверждаются таблицами, графиками, рисунками. Здесь же проводится анализ и интерпретация полученных результатов, описываются выявленные закономерности, подтверждается достоверность результатов, проводится сопоставление собственных результатов с данными других исследователей.

Заключение

В разделе излагаются основные выводы, подводится итог проделанной работы, обосновывается научная новизна полученных результатов, приводятся научно обоснованные рекомендации по их использованию, определяются основные направления дальнейших исследований в данной области.

Заключение содержит главные идеи основного текста статьи, но не должно повторять формулировок, приведенных в предыдущих разделах.

Список литературы должен содержать **не менее 10 источников** (из которых **не менее 30 % зарубежных**).

Для **ОБЗОРНЫХ аналитических статей** допускается иная структура статьи:

1. Введение.
2. Аналитическая часть.
3. Заключение.

В разделе «Аналитическая часть» должен быть представлен критический анализ и критическое обобщение актуальной исследовательской проблемы по отечественным и зарубежным научным источникам (**не менее 25 источников**, из которых **не менее 50 % зарубежных**) с оценкой их научной новизны и оригинальности. Результаты критического анализа и обобщения рекомендуется подтверждать сравнительными таблицами, графиками, рисунками. В статье также должны быть отражены дискуссионные (проблематичные) вопросы.

Допускается разбиение разделов «Методы исследования», «Результаты исследования и их обсуждение», «Аналитическая часть» на несколько логически связанных подразделов.

4. Оформление текста:

а) текст материала для публикации должен быть тщательно отредактирован автором;
б) текст на одной стороне листа формата А4 набирается на компьютере (шрифт Times New Roman 14, **интервал 1,5**, без переносов, в одну колонку, **все поля по 2 см**, нумерация страниц внизу посередине);

в) на первой странице авторского материала должны быть напечатаны: тип статьи (научная, обзорная, редакционная, дискуссионная, рецензия и т.п.), УДК (универсальная десятичная классификация), **на русском и английском языках** название (прописными буквами, полужирным шрифтом, без подчеркивания); ФИО авторов полностью (**не более трех**); место работы (название учреждения), электронный адрес авторов (без слова e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации. Аннотация должна быть краткой, информативной, содержать цель работы, методы исследования, основные положения и результаты исследования (излагаются основные результаты теоретических и/или экспериментальных исследований, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности), выводы с обоснованием научной новизны результатов. Аннотация может включать и другую информацию, уместную с точки зрения авторов, например, рекомендации по применению полученных результатов. Примерный объем аннотации **100–250 слов**.

5. Оформление формул в тексте:

а) формулы должны быть набраны на компьютере в редакторе формул Microsoft Word (Equation), размер шрифта эквивалентен 14 (Times New Roman);

б) в формулах рекомендуется использовать буквы латинского и греческого алфавитов (курсивом);

в) формулы печатаются по центру, номер – у правого поля страницы (нумеровать следует только формулы, упоминаемые в тексте).

6. Оформление рисунков и таблиц:

а) рисунки необходимо выделять отдельным блоком для удобства переноса в текст или вставлять из файла, выполненного в любом из общепринятых графических редакторов, под рисунком ставится: Рис. 2. и далее следуют пояснения;

б) если в тексте не одна таблица, то их следует пронумеровать (сначала пишется: Таблица 2 (выравнивание по правому краю листа), ниже, отступив одну строку, – название таблицы (полужирно, выравнивание по центру листа), и далее, отступив одну строку, следует разместить саму таблицу);

в) если в тексте одна таблица или один рисунок, то их нумеровать не следует;

г) таблицы должны иметь «вертикальное» построение;
д) в тексте ссылки на таблицы и рисунки делаются следующим образом: рис. 2, табл. 4, если всего один рисунок или одна таблица, то слово пишется целиком: таблица, рисунок.

7. Оформление библиографии (списка литературы):

Список литературы должен содержать **не менее 10 источников**, для *обзорных* аналитических статей **не менее 25 источников**.

При этом количество ссылок на статьи из иностранных научных журналов и другие иностранные источники должно быть не менее 30 % от общего количества ссылок, для обзорных аналитических статей не менее 50 %.

В списке литературы должно быть не более 30 % источников, автором либо соавтором которых является автор статьи.

Правила оформления списка литературы:

а) в тексте ссылки на цитируемую литературу обозначаются порядковой цифрой в квадратных скобках;

б) список должен содержать цитируемую литературу, пронумерованную в порядке ее упоминания в тексте.

Пристатейные библиографические списки должны соответствовать ГОСТ Р 7.0.5–2008.

Примеры оформления списка источников:

Список источников

1. Кропачева А.В. О некоторых вопросах процедуры введения режима чрезвычайного положения в Российской Федерации // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 5. С. 196–201.

2. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. 59 с.

3. Права человека: учеб. / отв. ред. Е.А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 20.

4. Старостин С.А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях (правовые и организационные аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Акад. управления МВД России, 2000. 33 с.

5. О внесении изменений в статьи 3.5 и 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 5 апр. 2021 г. № 58-ФЗ. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.11.2021).

6. О пожарной безопасности: Федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 69-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 35. Ст. 3649.

7. Об утверждении Правил пожарной безопасности в лесах: постановление Правительства Рос. Федерации от 7 окт. 2020 г. № 1614. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Правил тушения лесных пожаров: приказ Мин. природных ресурсов и экологии Рос. Федерации от 8 июля 2014 г. № 313 // Рос. газ. 2014. 15 авг. № 184 (6456).

9. Семейкин С.А. Чрезвычайное положение: понятие и проблемы его совершенствования // Чрезвычайное законодательство и борьбы с терроризмом: сб. науч. статей. М.: Акад. управления МВД России, 2003. С. 48–49.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.07.2021).

8. Оформление раздела «Информация об авторах»

Сведения об авторах прилагаются в конце статьи и включают: Ф.И.О. (полностью), должность, место работы с указанием адреса и его почтового индекса; номер телефона; ученую степень, ученое звание, почетное звание; адрес электронной почты; ORCID для каждого автора (<https://orcid.org/>), SPIN-код для каждого автора (elibrary.ru).

Статья должна быть подписана авторами и указаны контактные телефоны.

Вниманию авторов: материалы, оформленные без соблюдения настоящих требований, будут возвращаться на доработку.

Редакция оставляет за собой право направлять статьи на дополнительное анонимное рецензирование.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Научная статья

УДК 342.7

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

✉ Иванов Иван Иванович.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉ tigp@igps.ru

Аннотация. 100–250 слов

Ключевые слова: 3–10 слов

Для цитирования: Иванов И.И. О дополнительных гарантиях защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 1 (66). С. 11–22 (ОФОРМЛЯЕТСЯ РЕДАКЦИЕЙ).

ABOUT ADDITIONAL GUARANTEES OF PROTECTION HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN A STATE OF EMERGENCY

✉ Ivanov Ivan I.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia,
Saint-Petersburg, Russia

✉ tigp@igps.ru

Abstract.

Keywords:

For citation: Ivanov I.I. About additional guarantees of protection human and civil rights and freedoms in a state of emergency // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2025. № 1 (66). P. 11–22.

Введение

Текст, текст, текст

Методы исследования

Текст, текст, текст

Результаты исследования и их обсуждение

Текст, текст, текст

Заключение

Текст, текст, текст

Список источников (не менее 10 источников)

References

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

Принята к публикации:

The information about article:

Article was received by the editorial office:

Accepted for publication:

Информация об авторах:

Иванов Иван Иванович, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, e-mail: tigp@igps.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4651-8513>, SPIN-код: 0123-3210

Information about the authors:

Ivanov Ivan I., professor of the department of theory and history of state and law of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), doctor of law, associate professor, honored lawyer of the Russian Federation, e-mail: tigp@igps.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4651-8513>, SPIN: 0123-3210

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»

[16+]

Научно-аналитический журнал

Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации

№ 2 (71)–2026

Главный редактор

Уткин Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор

Регистрационный орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-40204 от 10 июня 2010 г.

Адрес редакции и издателя научно-аналитического журнала

«Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации»:

Россия, 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»
телефон для справок: +7(812)645-20-35, e-mail: redakziaotdel@yandex.ru

Подписано в печать 13.07.2026
Печать цифровая

Вышел в свет 15.07.2026
Объем 19 п.л.
Свободная цена

Формат 60×84_{1/8}
Тираж 50 экз.

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России
196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149